

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРАВОСУДИЯ»**

На правах рукописи

ЕФИМОВ АНАТОЛИЙ ВИКТОРОВИЧ

**ПРИЗНАКИ, ОСНОВАНИЯ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ АФФИЛИРОВАННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук, доцент
Кирпичев Александр Евгеньевич

Москва – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ АФФИЛИРОВАННОСТИ	
1.1. Понятие аффилированности как вида юридической связанности.....	18
1.2. Виды аффилированных лиц юридических лиц.....	46
1.3. Правоспособность юридических лиц в состоянии аффилированности	66
ГЛАВА 2. ОСНОВАНИЯ АФФИЛИРОВАННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	
2.1. Классификация оснований аффилированности юридических лиц.....	82
2.2. Основания аффилированности, возникающей в отношении органов управления юридического лица.....	97
2.3. Договорные основания аффилированности юридических лиц.....	112
ГЛАВА 3. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АФФИЛИРОВАННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	
3.1. Влияние аффилированности на формирование воли юридических лиц....	129
3.2. Влияние аффилированности на свободу договора юридических лиц.....	153
3.3. Гражданско-правовая ответственность юридических лиц и их аффилированных лиц.....	181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	212
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	222

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования.

Юридические лица являются самостоятельными участниками современного гражданского оборота. Выступая в качестве самостоятельных субъектов гражданского права, юридические лица, однако, постоянно находятся под влиянием лиц, заинтересованных в их деятельности. Хотя юридическое лицо юридически отделено от влияющего лица, их объединяет совместная деятельность. В связи с этим деятельность юридического лица не воспринимается как индивидуальная, поскольку подразумевается ее коллективный характер. Рассматривая зарубежную литературу по праву концернов, Е.А. Суханов приходит к выводу, что «полноценное раскрытие правового статуса корпораций уже невозможно без учета их устойчивых организационных взаимосвязей с другими участниками имущественного оборота»¹. В этом смысле появляется необходимость воспринимать юридическое лицо в контексте его взаимосвязей с другими лицами, которые способны оказывать влияние на юридическое лицо. Определить наиболее значимые связи влияющих лиц с юридическим лицом и применить соответствующие правовые последствия позволяет институт аффилированности.

Несмотря на то, что в отечественном законодательстве закреплено понятие «аффилированные лица», основания возникновения аффилированности и ее правовые последствия урегулированы несистемно, что свидетельствует о неопределенности самой аффилированности. Недостаточная разработка принципиально важных положений об аффилированности, неопределенность правового регулирования и отсутствие единообразной правоприменительной практики показывает недостаточность разработки института аффилированности, несовершенство корпоративного и иного управления юридическими лицами в России, что, очевидно, не способствует росту доверия

¹ Суханов Е.А. О правовом статусе концернов в современной зарубежной литературе // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 295.

потенциальных инвесторов, надлежащей защите прав кредиторов, миноритариев и других лиц, связанных с юридическими лицами. Данные обстоятельства обуславливают актуальность темы в **социально-экономическом аспекте**.

Правоприменительный аспект актуальности темы исследования связан с неопределенностью действующего правового регулирования общественных отношений юридических лиц и их аффилированных лиц. В настоящее время формальный подход к признанию лиц аффилированными, с одной стороны, препятствует квалификации правоприменительными органами в качестве аффилированных таких лиц, которые не включены в перечень лиц, признаваемых аффилированными по закону, но в то же время имеют фактическую возможность осуществлять влияние на юридическое лицо, а с другой стороны, вынуждает квалифицировать в качестве аффилированных тех лиц, которые включены в перечень аффилированных лиц по закону, но не имеют ни фактической, ни юридической возможности влиять на юридическое лицо. В связи с этим на практике возникают проблемы с выявлением аффилированных лиц, привлечением их к юридической ответственности и применением других правовых последствий.

Правотворческий аспект актуальности темы состоит в том, что отношения, основанные на зависимости юридических лиц, несистемно урегулированы в различных правовых актах. В законодательстве употребляются самостоятельные понятия, отражающие зависимость юридических лиц. Например, в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) используется понятие «аффилированность»; в Федеральном законе «О защите конкуренции» – понятие «группа лиц»; в Налоговом кодексе Российской Федерации (НК РФ) – понятие «взаимозависимые лица».

Проблема регулирования отношений лиц в состоянии аффилированности назрела уже давно. Значимость и проблематичность урегулирования отношений с аффилированными лицами подтверждается неоднократными и неудачными попытками принять специальный закон. Введенная в ГК РФ ст. 53.2 под

названием «Аффилированность» не регулирует отношения аффилированности, а лишь признает их, в то время как основания и правовые последствия аффилированности предусматриваются нормами других нормативных правовых актов, принятых до вступления в силу указанной статьи. При этом в законодательстве отсутствует системное регулирование правовых последствий аффилированности.

Необходимость урегулирования отношений, основанных на зависимости юридических лиц, способствовала заимствованию зарубежных понятий «аффилированные лица» и «аффилированность». Однако при закреплении данного института в отечественной системе права возникли проблемы, связанные с тем, что аффилированность не укладывается в рамки классических институтов гражданского права, в частности, ограничивает принцип автономии воли субъектов гражданского права и даже «размывает» само понятие юридического лица. В настоящее время существует необходимость оценить юридическое лицо с учетом выводов экономического анализа права, а также сопоставить теорию юридического лица и теорию фирмы. Проблемы исследования аффилированности на основе современного уровня развития правовой науки позволили А.В. Габову заключить, что «основная дискуссия о необходимости регулирования отношений аффилированности, ее понятия, признаков и последствий просто отложена»², что подтверждает **доктринальный аспект** актуальности темы исследования.

Степень научной разработанности темы характеризуется тем, что понятия аффилированности и аффилированных лиц, правоспособности юридических лиц в состоянии аффилированности, основания аффилированности и ее гражданско-правовые последствия исследовались в работах авторов, посвященных, как правило, правовому статусу аффилированных лиц.

² Габов А.В. Проблемы определения отношений аффилированности // Государство и бизнес в системе правовых координат: монография / В.Р. Авхадеев, С.Б. Бальхаева, Ю.В. Боброва и др.; отв. ред. А.В. Габов. М.: ИГиСП, ИНФРА-М, 2014. С. 98.

В первую очередь необходимо выделить работы, посвященные определению места и роли экономической зависимости в гражданском праве.

Исследованием аффилированности как определенной зависимости занимались такие ученые, как В.К. Андреев, А.Н. Варламова, А.В. Габов, И.В. Григораш, В.В. Долинская, И.В. Редькин, Д.И. Степанов, Е.А. Суханов, И.С. Шиткина и др.

Проблемы участия юридических лиц в гражданском обороте изучались такими учеными, как В.К. Андреев, В.А. Болдырев, И.В. Григораш, О.В. Гутников, М.И. Кулагин, Ю.Г. Лескова, В.А. Лаптев, О.А. Макарова, Е.А. Суханов, И.С. Шиткина и др. Кроме того, были проанализированы научные подходы к проблеме правового регулирования участия юридических лиц (хозяйственных органов) советских теоретиков таких, как А.В. Венедиктов, С.Н. Братусь, В.В. Лаптев, В.С. Мартемьянов, Л.М. Рутман.

Основания (юридические факты) с общетеоретических позиций исследовались В.Б. Исаковым, О.А. Красавчиковым, М.А. Рожковой; основания и правовые последствия аффилированности в отдельных аспектах исследовались такими учеными, как В.Г. Бородкин, И.В. Григораш, М.А. Егорова, А.Н. Захаров, В.Г. Крылов, О.Е. Кутин, Д.В. Ломакин, О.В. Осипенко, А.Г. Сергеев, Е.В. Тычинская, С.Ю. Филиппова, И.С. Шиткина, Л.Д. Эбралидзе и др.

Процесс формирования воли, в том числе и воли юридического лица, с разных позиций рассматривался в трудах таких ученых, как С.Н. Братусь, Г.А. Гаджиев, О.С. Иоффе, В.А. Ойгензихт, И.П. Политова, О.М. Родионова, Д.И. Степанов, В.И. Селиванов, Ю.Л. Сенина, Ю.К. Толстой и др.

Особенности договорных отношений между лицами в рамках функционирования хозяйственных систем, а также между лицами в состоянии аффилированности исследовались следующими учеными: С.С. Занковский, О.С. Иоффе, А.Г. Карапетов, А.Е. Кирпичев, Л.А. Маковский, Н.И. Михайлов, И.В. Редькин, Г.Ф. Ручкина, И.С. Шиткина и др.

Исследованию вопросов особенностей гражданско-правовой ответственности юридических лиц в связи с наличием у них аффилированных лиц посвятили свои работы следующие ученые: Д.Д. Быканов, А.В. Габов, О.В. Гутников, А.Н. Захаров, Е.А. Суханов, Г.В. Цепов, И.С. Шиткина и др.

Понятие и признаки аффилированных лиц были предметом исследования ряда кандидатских диссертационных исследований. В работе К.В. Городулина (Правовой статус аффилированных лиц по российскому законодательству. Москва, 2007) рассматривались вопросы, связанные с определением правовой природы аффилированных лиц, правовыми ограничениями участия аффилированных лиц в гражданском обороте, их ролью в реализации антимонопольной политики государства, а также анализировалось значение аффилированных лиц в корпоративных отношениях. В диссертации А.В. Калининой (Аффилированные лица как особый субъект правоотношений. Саратов, 2010) с позиции общей теории права исследованы понятие и общая характеристика аффилированных лиц, их виды, правовое положение аффилированных лиц в системе правоотношений, ограничения прав аффилированных лиц, а также проблемы ответственности аффилированных лиц. А.Г. Сергеев в своей диссертации (Гражданско-правовое положение аффилированных, взаимозависимых лиц и групп лиц. Москва, 2010) исследовал аффилированность как форму зависимости хозяйствующих субъектов, рассмотрел гражданско-правовой статус аффилированных лиц, а также некоторые особенности раскрытия информации и ответственности аффилированных лиц. А.В. Анисимов (Сравнительно-правовой анализ форм зависимости хозяйствующих субъектов в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия. Москва, 2010) изучал понятие экономической зависимости и процессы ее формирования, формы зависимости, понятие «связанные лица», требования к ним и их ответственность. В диссертационной работе Т.С. Раевской (Правовое регулирование отношений зависимости между юридическими лицами по законодательству Российской Федерации и Англии. Москва, 2011) рассматривались отношения зависимости

между юридическими лицами по законодательству Российской Федерации и Англии, а также способы выражения отношений зависимости между юридическими лицами, в частности, институт аффилированных лиц, гражданско-правовая ответственность в рамках отношений зависимости. В диссертации Л.Д. Эбралидзе (Аффилированные лица как правовой институт и правовое средство разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности. Казань, 2014) сделан акцент на рассмотрении института аффилированных лиц в качестве инструмента разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности.

Отдельные аспекты функционирования юридических лиц, в том числе и в состоянии зависимости, исследовались рядом зарубежных ученых: А.А. Alchian, S.M. Bainbridge, А.А. Berle Jr, N. Bourne, А. Cahn, Н. Demsetz, J. Dine, D.C. Donald, Y. Dupuy, М.А. Eisenberg, E.F. Fama, М.С. Jensen, М. Koutsias, R. Kraakman, G.C. Means, W.H. Meckling, E.W. Orts, С.А. Witting и др. Работы зарубежных ученых позволили оценить участие юридических лиц в гражданском обороте с учетом экономического анализа права, рассмотреть их правовое положение в рамках групп компаний, а также исследовать модель «проникающей ответственности», позволяющей привлекать аффилированных лиц к ответственности перед кредиторами юридического лица.

В научной литературе проблеме регулирования аффилированности уделяется весьма серьезное внимание. Однако комплексное исследование аффилированности юридических лиц как особой разновидности правовой связанности, оснований аффилированности и ее гражданско-правовых последствий не проводилось. Полноценных монографических исследований, посвященных непосредственно аффилированности субъектов гражданского и предпринимательского права, в российской правовой доктрине не имеется. Представляется, что в связи с эпизодическим, несистематизированным исследованием, тему настоящей работы нельзя признать в достаточной степени разработанной.

Целью диссертационного исследования является выработка научно-теоретических положений об аффилированности юридических лиц и ее гражданско-правовых последствиях.

Цель обусловила постановку следующих **задач**:

- сформулировать определение понятия аффилированности юридических лиц;
- раскрыть понятие «аффилированное лицо» юридического лица;
- выявить особенности правоспособности юридических лиц, находящихся в состоянии аффилированности;
- осуществить классификацию оснований аффилированности юридических лиц;
- исследовать основания аффилированности юридических лиц, возникающей в отношении их органов управления;
- исследовать договорные основания аффилированности юридических лиц;
- выявить механизм влияния аффилированных лиц на формирование воли юридических лиц;
- исследовать влияние аффилированности на свободу договора юридических лиц;
- выявить особенности гражданско-правовой ответственности юридических лиц и их аффилированных лиц.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с возникновением и гражданско-правовыми последствиями аффилированности юридических лиц.

Предметом исследования являются принципы и нормы гражданского права, регулирующие отношения, складывающиеся по поводу возникновения аффилированности юридических лиц, реализации правоспособности юридических лиц, находящихся в состоянии аффилированности, гражданско-правовыми последствиями их аффилированности, а также судебная практика и правовая доктрина в данной сфере.

Методология и методы диссертационного исследования.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют общенаучные (системный, функциональный, логический) и специальные юридические (историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, метод правового моделирования) методы научного познания.

Применение системного метода позволило изучить различные проявления аффилированности в их единстве, выявить признаки аффилированности и сформулировать ее определение. С помощью функционального метода были выявлены виды аффилированных лиц. Логический метод (анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия, классификация и др.) позволил выявить общие черты механизма реализации правоспособности юридических лиц, созданных в разных организационно-правовых формах, классифицировать основания аффилированности юридических лиц.

При помощи историко-правового метода в совокупности со сравнительно-правовым методом выявлены цели и причины становления и возникновения принципов и норм, регулирующих отношения, которым свойственна аффилированность, в зарубежных странах и в России. В результате применения формально-юридического метода осуществлено толкование основных положений и понятий, содержащихся в законодательстве и правовой доктрине соответственно, позиций, изложенных в материалах правоприменительной практики. Метод правового моделирования позволил создать идеальные модели общественных отношений, в частности, при исследовании вопросов гражданско-правовой ответственности юридических лиц и их аффилированных лиц, определить возможные недостатки и преимущества закрепления той или иной модели в законодательстве.

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и иностранных ученых: М.М. Агарков, В.К. Андреев, Л.В. Андреева, В.А. Белов, В.А. Болдырев, В.Г. Бородкин, С.Н. Братусь, А.В. Венедиктов, Н.В. Витрук, А.В. Габов, Г.А. Гаджиев, А.О. Гордон, И.В. Григораш,

О.В. Гутников, В.В. Долинская, М.А. Егорова, В.В. Ершов, О.С. Иоффе, В.Б. Исаков, А.Г. Карапетов, О.А. Красавчиков, А.Е. Кирпичев, М.И. Кулагин, В.В. Кулаков, В.В. Лаптев, Д.В. Ломакин, Н. Луман, Р.К. Мертон, С.Д. Могилевский, В.А. Ойгензихт, О.М. Родионова, М.А. Рожкова, Г.Ф. Ручкина, В.Н. Садовский, А.Г. Спиркин, А.К. Стальгевич, Д.И. Степанов, Д.А. Сумской, Е.А. Суханов, А.И. Уемов, С.Ю. Филиппова, Г.В. Цепов, Л.А. Чеговадзе, И.С. Шиткина, Л.Д. Эбралидзе, J. Armour, S.M. Bainbridge, A.A. Berle Jr, N. Bourne, M.A. Eisenberg, E.F. Fama, H. Hansmann, M.C. Jensen, G.C. Means, W.H. Meckling, E.W. Orts и др.

Нормативную основу исследования составили результаты изучения нормативных правовых актов, в том числе Конституции Российской Федерации, федеральных законов (30), постановлений Правительства Российской Федерации (2), актов федеральных органов исполнительной власти (1), актов Банка России (3).

Эмпирическую основу исследования составили результаты изучения материалов судебной практики: постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (3) и Пленумов Высшего арбитражного суда Российской Федерации (1); постановлений Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации (3); определений Верховного Суда Российской Федерации и определений Высшего арбитражного суда Российской Федерации (7); судебных актов Суда по интеллектуальным правам и арбитражных судов кассационной инстанции (22); судебных актов арбитражных судов и судов общей юрисдикции апелляционной инстанции (16); судебных актов арбитражных судов первой инстанции (1), иных актов толкования права (3), законопроектов (2).

Научная новизна диссертации заключается в том, что в работе сформулировано определение понятия аффилированности юридических лиц, обоснованы ее признаки, выработан подход, позволяющий квалифицировать лицо в качестве аффилированного, определена роль аффилированных лиц в реализации правоспособности юридических лиц.

В диссертационном исследовании проведена классификация оснований аффилированности юридических лиц, выявлены ее гражданско-правовые последствия, выраженные во влиянии аффилированности на формирование воли юридических лиц, на свободу договора юридических лиц и в особенностях гражданско-правовой ответственности юридических лиц и их аффилированных лиц.

Научная новизна исследования находит свое отражение в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. Определено, что аффилированность юридического лица является состоянием связанности, при которой аффилированное лицо включается в осуществление совместной деятельности с юридическим лицом и приобретает заинтересованность в достижении результатов от такой деятельности, имея возможность влиять на принятие решений юридического лица относительно его участия в гражданском обороте, достаточную для блокирования принятия решений юридического лица. При этом наличие, как минимум, одного аффилированного лица является имманентным признаком любого юридического лица, участвующего в гражданском обороте.

2. Доказано, что субъекты гражданского права могут быть аффилированными независимо от перечня аффилированных лиц, формально закрепленного в нормативном правовом акте. В диссертации предложен подход, позволяющий квалифицировать лицо в качестве аффилированного по совокупности признаков. Лицо является аффилированным, если оно: 1) связано с юридическим лицом правоотношением или системой правоотношений, в том числе корпоративных и обязательственных; 2) оказывает влияние на деятельность юридического лица в силу социальной зависимости, в том числе экономической и организационной; 3) включено в совместную деятельность с юридическим лицом и имеет заинтересованность в достижении результатов такой деятельности, 4) имеет возможность влиять на принятие решений юридического лица относительно его участия в правоотношениях с другими лицами, 5) имеет такую степень влияния, которая достаточна для блокирования

принятия решений юридического лица. В связи с этим, наряду с физическими и юридическими лицами, аффилированными лицами по отношению к юридическим лицам могут быть также публично-правовые образования при наличии перечисленных признаков аффилированности.

3. Сделан вывод, что отношения внутри группы лиц, предусмотренной антимонопольным законодательством, не всегда тождественны по признакам и правовым последствиям аффилированности, поскольку лицо, входящее в группу лиц, не всегда имеет возможность влияния на всех лиц, являющихся участниками соответствующей группы лиц. Квалификация лица, принадлежащего к той группе лиц, к которой принадлежит юридическое лицо, как аффилированного лица возможна лишь при наличии признаков его аффилированности.

4. Определено, что аффилированность в системе юридических фактов можно квалифицировать как юридический факт-состояние, поскольку в зависимости от ее наличия ставятся правовые последствия. С точки зрения отношений юридического лица с другими субъектами гражданского права, аффилированность юридического лица выступает элементом юридического (фактического) состава. При этом гражданско-правовые последствия аффилированности для юридического лица зависят от завершенности состава, поскольку аффилированность в незавершенном составе влечет наступление промежуточных правовых последствий, а в завершенном составе обуславливает возникновение, изменение или прекращение правоотношений с участием юридического лица.

5. Обосновано, что аффилированные лица участвуют в реализации правоспособности юридического лица путем, например, голосования на общем собрании акционеров или в наблюдательном совете (совете директоров), выдачи указаний или наложения вето, влияя на совершение действий юридического лица. Тем самым при наличии состояния аффилированности участие аффилированных лиц в реализации правоспособности юридического лица способствует образованию (завершению) юридического (фактического)

состава, необходимого для возникновения, изменения и прекращения правоотношений с участием юридического лица.

6. В диссертации предложена классификация оснований аффилированности по критерию определенности органа управления юридического лица, на функционирование которого возможно влияние аффилированного лица. Аффилированность возникает, во-первых, в отношении юридического лица с указанием его конкретного органа управления, на функционирование которого возможно влияние; во-вторых, в отношении юридического лица в целом, поскольку на момент возникновения аффилированности конкретный орган управления, на функционирование которого будет осуществляться влияние, остается неопределенным. Исходя из определенности органа управления, данная классификация позволяет *ex ante* (до момента возникновения аффилированности) установить права аффилированных лиц в отношении юридического лица по перечню вопросов, входящих в компетенцию определенного органа управления.

7. Установлено, что аффилированность в отношении юридического лица в целом может быть обусловлена следующими основаниями: 1) заключение договора, влекущего отношения основного и дочернего юридических лиц; или 2) заключение договора, влекущего образование группы лиц. Вместе с тем при исполнении договорных обязательств аффилированное лицо влияет на деятельность юридического лица по конкретным вопросам, которые входят в компетенцию того или иного органа юридического лица. Таким образом, реализация прав аффилированного лица является юридическим фактом, позволяющим *ex post* (после возникновения аффилированности) определить орган, на функционирование которого оказывается влияние.

8. В диссертации на примере функционирования высшего (коллегиального) органа корпорации выявлена зависимость, согласно которой увеличение требуемого большинства голосов для принятия решения по конкретному вопросу в рамках компетенции данного органа уменьшает возможность лиц с относительным большинством голосов влиять на принятие

решения при голосовании. В то же время возрастают возможности участников с относительным меньшинством голосов (миноритариев) влиять на принятие решения. Увеличение требуемого большинства голосов для принятия решения свидетельствует о потенциальном распространении на миноритариев такого признака аффилированности, как возможность блокирования принятия решения, что позволяет достигать баланса интересов участников в высшем (коллегиальном) органе корпорации.

9. Определено влияние аффилированности на свободу договора юридических лиц. Во-первых, в отношении юридических лиц установлены ограничения в вопросах целесообразности заключения договора, выбора контрагента, а также определения вида и условий договора в целях предотвращения конфликта интересов и защиты интересов третьих лиц. Во-вторых, в отношениях между юридическими лицами и их аффилированными лицами не ограничивается свобода договора в тех сферах, где она ограничивается по общему правилу (в частности, свобода на соглашения, которые, по общему правилу, ограничивают конкуренцию; свобода в установлении цен при совершении сделок, которые, по общему правилу, являются контролируруемыми сделками).

10. Обосновано, что последовательное отделение личности юридического лица от аффилированных лиц свидетельствует о неправомерности привлечения к гражданско-правовой ответственности аффилированных лиц по долгам юридического лица непосредственно перед кредиторами юридического лица по их требованию. В целях справедливого и равномерного удовлетворения требований кредиторов к юридическому лицу в диссертации предложена модель, согласно которой ответственность аффилированных лиц может возникнуть только перед юридическим лицом. В то же время требование о привлечении аффилированного лица к ответственности перед юридическим лицом может быть заявлено как самим юридическим лицом (или от его имени), так и кредиторами юридического лица,

действующими в интересах данного юридического лица в качестве гесторов (лиц, действующих в чужом интересе без поручения).

Применение данной модели позволит при несостоятельности юридического лица привлекать контролирующих лиц к ответственности перед юридическим лицом-должником по косвенному требованию кредиторов, поскольку кредиторы терпят неблагоприятные имущественные последствия именно в связи с вредом, причиненному юридическому лицу, а имущество, полученное от контролирующих лиц, сначала попадает в конкурсную массу.

Теоретическая значимость исследования заключается в определении аффилированности как вида юридической связанности, характеризующей определенные правоотношения, в которых участвуют юридические лица, в выявлении признаков, наличие которых в совокупности свидетельствует об аффилированности лиц, а также в разработке теоретических положений об основаниях аффилированности, о влиянии аффилированности на деятельность юридического лица.

Практическая значимость исследования заключается в том, что сделанные научно обоснованные выводы о толковании и применении принципов и норм права, связанных с возникновением аффилированности, реализацией правоспособности юридических лиц и гражданско-правовыми последствиями аффилированности, могут быть использованы в правотворческой и правореализационной деятельности. Так, выводы, изложенные в работе, могут быть учтены при дальнейшем совершенствовании правового регулирования различных форм зависимости. Сделанные выводы могут быть применены в процессе судебного правоприменения с целью толкования принципов и норм права, квалификации общественных отношений, связанных с влиянием на деятельность юридического лица. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в учебных целях в процессе преподавания учебных курсов по гражданскому, предпринимательскому и корпоративному праву.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования опубликованы автором в 9 статьях, в том числе в четырех статьях в журналах, рекомендованных ВАК РФ. Результаты работы над диссертацией сообщались автором на научных и научно-практических конференциях: Десятые Всероссийские Державинские чтения (г. Москва, 12 - 13 декабря 2014 г.); Международный молодежный научный форум «ЛОМОНОСОВ-2015» (г. Москва, 13 - 17 апреля 2015 г.); «Актуальные вопросы юридической науки, права и правосудия»: межвузовская студенческая научно-практическая конференция (г. Н. Новгород, 25 апреля 2015 г.); Евразийский молодежный юридический форум «Евразийское правовое пространство: взгляд молодых ученых» (г. Барнаул, 12 - 13 апреля 2016 г.), VIII Всероссийская научно-практическая конференция аспирантов, соискателей и молодых ученых «Определенность и неопределенность права как парные категории» (г. Москва, 25 апреля 2017 г.); Круглый стол «Правовое воздействие на экономику: методы, проблемы, результаты» (г. Москва, 28 ноября 2017 г.); VII Международный конгресс сравнительного правоведения «Национальное и универсальное в праве: от традиций к постмодернизму» (г. Москва, 1 – 2 декабря 2017 г.); Межвузовская научно-практическая конференция «Юриспруденция 2.0: Новый взгляд на право» (г. Москва, 8 декабря 2017 г.); V Международная межвузовская научно-практическая конференция «Экономическое право: теоретические и прикладные аспекты» (г. Москва, 15 – 16 февраля 2018 г.).

Структура диссертации определена в соответствии с ее целью и задачами. Настоящая диссертация состоит из введения, трех (3) глав, объединяющих девять (9) параграфов, заключения, списка используемой литературы.

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ АФФИЛИРОВАННОСТИ

1.1. ПОНЯТИЕ АФФИЛИРОВАННОСТИ КАК ВИДА ЮРИДИЧЕСКОЙ СВЯЗАННОСТИ

Гражданский оборот характеризуется тем, что отдельные самостоятельные субъекты гражданского права, осуществляя свою деятельность, вступают во взаимодействие между собой и находятся в состоянии определенной связанности. Выступая против рассмотрения человеческой сущности, как сущности, изолированной от общества, К. Маркс указывал, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»³. Тем самым подчеркивается, что выявление сущности человека невозможно без исследования тех общественных отношений, в которых человек находится. Данный подход может быть применен при рассмотрении участия юридических лиц в гражданском обороте, поскольку они наравне с физическими лицами являются участниками общественных отношений.

В зарубежной правовой доктрине обращается внимание, что юридически каждая компания является отдельной организацией; однако они могут быть связаны либо со своими акционерами или директорами, либо с иными лицами на основании договоров⁴. Наличие различных по своей качественной характеристике связей порождает необходимость для правоприменительных органов, контрагентов и иных заинтересованных лиц оценивать юридическое лицо с точки зрения его самостоятельности участия в гражданском обороте. В связи с этим получение целостного представления о конкретном юридическом лице невозможно без учета связей, в которых оно состоит.

При этом для отдельных разновидностей связанностей существует специальное правовое регулирование. Так, в ст. 53.2 ГК РФ закреплено, что в

³ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 3. (автор работы - Маркс К.).

⁴ Dine J., Koutsias M. Company Law. 8 th Edition. Palgrave, 2014. P. 259.

соответствии с законодательством определяется наличие отношений связанности (аффилированности), и в зависимости от наличия аффилированности ставятся определенные правовые последствия⁵. Оценивая содержание данной статьи, И.С. Шиткина пишет, что связанность представляет собой более широкое понятие по сравнению с аффилированностью в ее понимании с позиций антимонопольного законодательства; понятие связанности основано на двустороннем характере отношений и обозначает заинтересованность одного лица в наступлении определенных последствий в отношении другого лица⁶. Тем самым в ГК РФ указывается, что аффилированность является одним из видов связанности, в зависимости от которой ставится наступление правовых последствий для связанных лиц, что позволяет квалифицировать аффилированность в качестве юридически значимой связанности, рассмотрение которой позволяет получить системное представление об участии юридического лица в обороте.

Определению правовой природы аффилированности способствует рассмотрение ее как вида связанности с общенаучных позиций. В философской литературе связь рассматривается как вид отношения, характеризующее отношение с точки зрения его внутреннего содержания, наполненности определенными промежуточными звеньями между соотносимыми объектами, завершенности⁷, поэтому то или иное отношение создает возможность образования различных связей. На примере общественных отношений В.П. Вырелкин писал, что «если общественное отношение носит результирующий характер, а общественная связь – процессуальный, то тогда в определенном смысле общественное отношение выступает как возможность определенных типов связей, существующих в виде взаимодействия, а общественная связь – как действительность взаимодействия»⁸. Таким образом,

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301.

⁶ Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 2. М.: Статут, 2018. С. 325. (автор главы – Шиткина И.С.).

⁷ Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. С. 9.

⁸ Вырелкин В.П. Общественные отношения как категория марксистской социологии: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1969. С. 8.

связь, в том числе общественная, является специальной характеристикой отношения, в том числе общественного, показывая его действительность, наполненность, завершенность.

В юридической литературе общественные отношения рассматриваются с точки зрения их правового регулирования. При этом для обозначения таких общественных отношений используется понятие правоотношения, к определению которого существуют различные подходы.

Так, Ю.К. Толстой писал, что «правоотношения – это особые идеологические отношения, при посредстве которых (через которые) норма права регулирует фактические общественные отношения»⁹. В.С. Ем также предлагал рассматривать правоотношение в качестве юридической (идеологической) формы действительного отношения (имущественного или личного неимущественного), которое возникает в результате правового регулирования указанного отношения и существует самостоятельно наряду с таким действительным отношением¹⁰. Тем самым в рамках данного подхода правоотношение рассматривается не как само общественное отношение, а как особое идеологическое отношение, позволяющее регулировать общественное отношение.

Вместе с тем большинство ученых придерживаются другого подхода, согласно которому правоотношения являются особой разновидностью общественных отношений¹¹. Именно такой подход получил развитие и в отраслевых науках. Так, О.С. Иоффе, рассматривая правоотношения через призму гражданского права, писал, что правовое отношение является само по себе общественным отношением, которое обладает целым комплексом специфических признаков, в силу которых оно становится способным к выполнению особенных функций¹². Схожего мнения придерживается

⁹ Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1959. С. 22.

¹⁰ Российское гражданское право. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Суханов Е.А. М.: Статут, 2015. С. 110. (автор главы – Ем В.С.).

¹¹ См.: Теория государства и права: Учебник / под редакцией В.Н. Корнева. М.: РАП, 2013. С. 375. (автор главы – Тузов Н.А.).

¹² Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2009. С. 527.

Н.Д. Егоров, полагая, что гражданское правоотношение представляет собой именно общественное отношение, которое урегулировано нормой гражданского права¹³. Таким образом, учитывая философское и общеправовое понимание правоотношения, можно прийти к выводу, что правоотношение представляет собой разновидность общественного отношения, которое подвергается правовому регулированию.

В то же время в юридической литературе в качестве родового понятия для определения правоотношения отдельными учеными используется понятие не общественного отношения, а правовой связи. Такой подход берет свои начала со времен Древнего Рима, поскольку свойство связанности, порожденное обязательством, рассматривалось как свойство, которое присуще любой разновидности обязательств. Обязательство по древнему римскому праву понималось как правовые (пришедшие на смену реальным оковам) узы (*iuris vinculum*)¹⁴, которые связывали должника и кредитора. Тем самым при анализе обязательственных правоотношений акцент делался на правовой связанности сторон.

Так, С.С. Алексеев писал, что правоотношение всегда является известной связью, указывающей, что конкретные участники занимают по отношению друг к другу определенное положение, то есть «связаны» друг с другом¹⁵. Допуская существование правовых связей вне правовых отношений, Н.В. Витрук, в частности, указывал на многообразие правовых связей, отмечая, что они не могут сводиться к правоотношениям. При этом специфической формой проявления правовых связей служат правовые состояния, которые опосредуют такие правовые явления и правовые качества субъектов права, как правосубъектность, статус, положение¹⁶. Безусловно, подходы приведенных ученых позволяют исследовать связующую силу правоотношения. Вместе с

¹³ Гражданское право: учебник. В 3 т. Т. 1. Под ред. Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2011. С. 93. (автор главы – Егоров Н.Д.).

¹⁴ См.: Римское частное право: Учебник / Под ред.: проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. С. 264 - 265. (автор раздела – Розенталь И.С.).

¹⁵ Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М.: Статут, 2010. С. 246.

¹⁶ См.: Витрук Н.В. Право, демократия и личность в конституционном измерении: (история, доктрина и практика). – М.: Норма. 2012. С. 24.

тем, исходя из описанных выше общенаучных представлений о соотношении понятий «отношение» и «связь», можно отметить, что отсутствие правовых отношений изначально устраняет возможность образования каких-либо правовых связей между субъектами права. Кроме того, понимание правовых качеств субъектов права в качестве форм проявления бытия правовых связей затрудняется неопределенностью элементов, которые связываются, поскольку для того, чтобы быть связанным в качестве субъекта права, представляется необходимым изначально иметь такие качества, как, например, правосубъектность.

В то же время выделенное Н.В. Витруком понятие «правовое состояние» в качестве примера правовой связи заслуживает специального уточнения. В частности, Л.А. Чеговадзе, рассматривая правовую связь как характеристику правоотношения, полагает, что правовое состояние связанности субъектов представляет собой состояние гражданского правоотношения, которое может быть неизменным или переменчивым в зависимости от реализации лицами прав и обязанностей (долженствований) при удовлетворении своих потребностей¹⁷. Тем самым цитируемый ученый справедливо отмечает, что правовое состояние связанности характеризует не качества субъектов права, а конкретные правоотношения, в которых они состоят. С этой точки зрения, правовые состояния не могут существовать вне правовых отношений, поскольку первые являются характеристикой последних.

Состояние связанности характерно для любых правоотношений. Так, например, С.Ю. Филиппова обращает внимание на свойство связанности, порождаемое любым договором, подробно анализируя правовую связанность, порождаемую организационными договорами (рамочным, предварительным и др.)¹⁸. Тем самым предполагается специальное правовое регулирование различных связанностей. В качестве особой разновидности правовой связанности выступает связанность юридических лиц со своими

¹⁷ Чеговадзе Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения. М.: Статут, 2004. С. 525.

¹⁸ См.: Филиппова С.Ю. Создание связанности контрагентов как функция организационного договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 25.

аффилированными лицами, которыми согласно ст. 4 Закона РСФСР о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках¹⁹ признаются «физические и юридические лица, способные оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность». Будучи разновидностью правовой связанности, аффилированность характеризует правоотношение, возникающие между юридическим лицом и его аффилированным лицом.

В то же время сведение аффилированности только к характеристике таких непосредственных правоотношений с участием юридического лица необоснованно упрощает ее сущность. В научной литературе аффилированность классифицируется на простую, которая характеризует непосредственное влияние одного субъекта на другого субъекта (например, когда отношения возникают между юридическим лицом и лицом, входящим в состав какого-либо его органа управления) и на сложную, которая возникает в тех случаях, когда связь между двумя или более лицами осуществляется через общее для всех них третье лицо²⁰. В частности, В.К. Андреев, обозначая на примере хозяйственных обществ проблему неурегулированности сложной аффилированности, пишет о том, что положения ГК РФ рассчитаны для простой формы хозяйственного общества, функционирование которого не предполагает возможность влияния на предпринимательскую деятельность других лиц, положения ГК РФ не предусматривают многоступенчатую комбинацию хозяйственных обществ по типу «основное – дочернее – внучатое общество»²¹. Наличие подобных многоуровневых отношений свидетельствует о том, что правоотношения юридического лица и его непосредственного аффилированного лица (то есть аффилированного лица первого порядка), аффилированного лица первого порядка и его аффилированного лица (то есть

¹⁹ Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 (ред. от 26.07.2006) «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. ст. 499.

²⁰ Городулин К.В. Правовой статус аффилированных лиц по российскому законодательству: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 26.

²¹ Андреев В.К. Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права России: Курс лекций. М.: РАП. 2012. С. 161.

аффилированного лица второго порядка) и юридического лица и аффилированного лица второго порядка образуют систему правоотношений, правовая связанность в рамках которой может быть квалифицирована как аффилированность. В связи с этим у юридического лица возможно существование аффилированных лиц разного порядка. Таким образом, аффилированность может характеризовать не только одно непосредственное правоотношение юридического лица с аффилированным лицом, но и систему правоотношений с участием аффилированных лиц.

Определение сущности связанности юридического лица с аффилированными лицами, т.е. аффилированности юридического лица, невозможно без выявления признаков, позволяющих квалифицировать общественные отношения в качестве таких, которые характеризуются понятием «аффилированность».

Рассматривая участие юридического лица в гражданском обороте, М.И. Кулагин констатировал, что «юридическое лицо – самостоятельный субъект права – больше не является в огромном числе случаев экономически самостоятельным субъектом»²². Неслучайно в современных исследованиях обращается внимание на данный аспект, что позволяет рассматривать аффилированность как способ координации совместной экономической деятельности, при котором в отношениях одно лицо формально действует как самостоятельный субъект права, но фактически его деятельность определяется третьей стороной, оказывающей влияние²³. Тем самым подчеркивается несовпадение юридической самостоятельности и фактической деятельности юридического лица в условиях экономической зависимости, что порождает проблему соотношения экономической зависимости и аффилированности.

А.В. Анисимов пишет, что экономическая зависимость (аффилированность) представляет собой такие правовые отношения, в рамках

²² Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо // Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд. М., 2004. С. 30.

²³ Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: монография / К.М. Беликова, А.В. Габов, Д.А. Гаврилов и др.; отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2015. С. 105. (автор части – Габов А.В.).

которых возникает подчиненность одного лица другому лицу, юридическая самостоятельность которого сохраняется, и в результате существующей подчиненности у одного лица возникает возможность прямо или косвенно влиять на принятие решений зависимого лица при осуществлении последним предпринимательской деятельности, в условиях, когда зависимое лицо вынуждено руководствоваться экономическими интересами и ориентироваться на экономические результаты лица, осуществляющего влияние²⁴. При этом, как представляется, указанный автор, по сути, отождествляет аффилированность и экономическую зависимость.

Понимая под аффилированностью «взаимоотношения между двумя и более хозяйствующими субъектами, основанные на различных формах экономической зависимости»²⁵, И.С. Шиткина также делает основной акцент на отношениях экономической зависимости, под которой понимаются «отношения двух экономических субъектов, при которых существование и деятельность одного субъекта полностью или частично обусловлены и подчинены воле другого»²⁶. Обращает внимание, что в другой своей работе И.С. Шиткина не использует понятие экономической зависимости для определения аффилированности, формулируя определение последнего следующим образом: «Аффилированность – отношения связанности, способность влияния на лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность»²⁷. В то же время при раскрытии понятия аффилированности отмечается, что «базовым понятием, отражающим экономическую зависимость субъектов предпринимательской деятельности, в российском праве стало ... понятие аффилированности»²⁸. Исходя из рассуждений приведенного ученого, отчетливо прослеживается связь аффилированности с экономической зависимостью, хотя эти понятия и не отождествляются.

²⁴ Анисимов А.В. Сравнительно-правовой анализ форм зависимости хозяйствующих субъектов в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 18.

²⁵ Корпоративное право: учебный курс / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: КНОРУС, 2015. С. 649. (автор главы - Шиткина И.С.).

²⁶ Там же. С. 651.

²⁷ Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 2. М.: Статут, 2018. С. 311. (автор главы – Шиткина И.С.).

²⁸ Там же. С. 322.

Употребление понятия аффилированности для описания различных отношений экономической зависимости приводит к неконкретности, неопределенности правового регулирования. Как отмечает В.В. Долинская, современное понятие «аффилированность» или используется в разных отраслях законодательства с несовпадающим значением, или влияет на введение в разные отрасли законодательства новых смежных с ним терминов с пересекающимся или несовпадающим значением (например, аффилированные лица, группа лиц, взаимозависимые лица, контролирующие и подконтрольные лица, аффилированность)²⁹. Многозначность понятия аффилированности являлось и является одним из поводов критики его закрепления в российском законодательстве. Так, Е.А. Суханов указывает на то, что невозможно и нецелесообразно создавать как специальное гражданско-правовое понятие аффилированности, так и единое понятие аффилированности, которое было бы общим для всего законодательства в целом³⁰, поскольку в качестве одной из главных опасностей, по его мнению, является то, что широкое и последовательное применение правил об аффилированности способно «похоронить» как таковую конструкцию юридического лица³¹. Несмотря на это, данный ученый подчеркивает важность правового регулирования отношений дочерних обществ и основных юридических лиц, взаимосвязанных компаний³², концернов³³, то есть образований, основанных на определенной зависимости, различные виды которой можно рассмотреть как разновидности аффилированности. Однако институты основных и дочерних обществ, взаимосвязанных компаний и концернов не охватывают всех отношений, в которых находится юридическое лицо в состоянии правовой связанности. В связи с этим понятие аффилированности в его определенном значении является более универсальным понятием с точки зрения описания более широкого

²⁹ См.: Долинская В.В. Аффилированность и цели правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 3. С. 49 – 50.

³⁰ См.: Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 252.

³¹ Там же. С. 251.

³² Там же. С. 248-249.

³³ Суханов Е.А. О правовом статусе концернов в современной зарубежной литературе // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 283 - 295.

спектра отношений зависимости, в которых находится юридическое лицо, чем отношения дочерних обществ и основных юридических лиц, взаимосвязанных компаний и концернов.

В научной литературе для преодоления многозначности понятия аффилированности был выдвинут подход, позволяющий рассматривать аффилированность как межотраслевое понятие. Рассуждая о тенденциях регулирования аффилированности до введения данного понятия в ГК РФ, И.С. Шиткина указывала на межотраслевой характер данного понятия и полагала, что общее понятие аффилированности необходимо закрепить в Гражданском кодексе Российской Федерации или ином федеральном законе с учетом, что данное понятие может быть конкретизировано в различных отраслях и институтах законодательства в зависимости от конкретных целей³⁴. Данный подход, по своей сути, позволяет рассматривать аффилированность как родовое понятие, с учетом того, что отдельные виды аффилированности должны быть урегулированы специальным законодательством. Однако, как справедливо полагает А.В. Габов, после введения в ГК РФ понятия аффилированности, несмотря на то, что понятие аффилированности весьма прочно прижилось в российском праве, оно не стало общим, универсальным понятием для описания всех тех связей, которые показывают влияние одного субъекта на другого субъекта; в настоящее время аффилированность применяется только тогда, когда об этом прямо указывает какой-то закон или иной нормативный правовой акт³⁵. Тем самым проблема определенности аффилированности остается актуальной, в частности, с точки зрения определенности тех отношений экономической зависимости, которым она присуща.

Развитие подхода, согласно которому аффилированность рассматривается как правовая связанность, свойственная отношениям, основанным на

³⁴ Корпоративное право: учебный курс / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: КНОРУС, 2011. С. 705. (автор главы – Шиткина И.С.).

³⁵ Габов А.В. Проблемы определения отношений аффилированности // Государство и бизнес в системе правовых координат: Монография. Отв ред. А.В. Габов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014. С. 72.

экономической зависимости, требует уточнения самого понятия «экономическая зависимость». Выявление сущности экономической зависимости предполагает исследование понятий «экономические отношения» и «зависимость», из которых состоит рассматриваемое понятие. Обращение к экономической теории позволяет выявить, что в самом общем смысле собственно экономическими являются отношения, возникающие в связи с производством, обменом, распределением и потреблением материальных благ и услуг³⁶. При этом в толковом словаре зависимость определяется, во-первых, как «связанность явлений, предопределяющая их существование или сосуществование; обусловленность»³⁷, а во-вторых, как «подчиненность другим (другому) при отсутствии самостоятельности, свободы»³⁸. Таким образом, экономическая зависимость участников гражданского оборота предполагает их обусловленность, подчиненность в рамках процессов, связанных с производством, обменом, распределением, а также потреблением материальных благ и услуг.

При этом из анализа понятий «экономические отношения» и «зависимость» не следует, что такие свойства аффилированности, как правовая связанность и влияние на формирование воли (согласно взглядам И.С. Шиткиной) являются имманентными свойствами экономической зависимости. О существовании определенной экономической зависимости без правовой связанности лиц и без влияния одного лица на процесс формирования воли другого лица свидетельствует деятельность промышленного кластера, под которым согласно ст. 3 ФЗ о промышленной политике³⁹ понимается совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного субъекта

³⁶ Экономическая теория: Учебник / М.А. Сажина, Г.Г. Чибриков; МГУ им. М.В.Ломоносова. М.: ИД ФОРУМ: ИНФРА-М, 2012. С. 10. (автор главы - Сажина М.А.).

³⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. С. 200.

³⁸ Там же.

³⁹ Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О промышленной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (часть I). ст. 41.

Российской Федерации или на территориях нескольких субъектов Российской Федерации. Тем самым наличие экономической зависимости само по себе не свидетельствует о наличии аффилированности. Вместе с тем экономическая зависимость может являться разновидностью зависимости как одного из признаков отношений, которым характерна аффилированность.

Кроме того, что неконкретность понятия аффилированности обусловлена его использованием для описания различных форм экономической зависимости, представляется спорным, что аффилированность связана только с экономической зависимостью, поскольку в основе аффилированности могут быть иные формы социальной зависимости. Например, И.В. Григораш особо выделяет личную и организационную формы зависимости⁴⁰. Так, под личной зависимостью понимается, например, «перекрестный директорат», то есть такая ситуация, при которой руководящие должности на уровне различных органов управления юридического лица (совет директоров, единоличный исполнительный орган и др.) занимают одни и те же лица⁴¹. Под организационной формой зависимости понимается такая зависимость, которая связана с процедурными особенностями принятия решений. Такая зависимость отражается в учредительных документах юридического лица, его внутренних регламентах, а также в специальных правах, закрепленных за акциями⁴². Похожую характеристику организационной зависимости на примере отношений с участием зависимых и дочерних обществ дает Т.М. Звездина, отмечая, что возникновение организационной зависимости может быть обусловлено, например, созданием дочернего юридического лица путем его выделения из состава основного юридического лица, при условии, что в учредительном документе дочернего юридического лица закрепляются либо положения о дочерности, либо право основного юридического лица определять

⁴⁰ См.: Григораш И.В. Зависимые юридические лица в гражданском праве: опыт сравнительно-правового исследования. М.: ВолтерсКлувер. 2007. С. 43 и далее.

⁴¹ Там же. С. 43.

⁴² Там же. С. 44.

состав и (или) решения органов управления дочернего юридического лица⁴³. Таким образом, аффилированность может основываться на различных видах социальной зависимости. Тем самым, поскольку аффилированность представляет собой признаваемую правом зависимость одного лица от другого, для аффилированности имеет значение не только экономическая зависимость, возникающая по различным основаниям, но и иная социальная зависимость. Вместе с тем обобщение изложенных подходов свидетельствует о том, что именно наличие общественных отношений, основанных на зависимости юридического лица, в том числе и экономической, является одним из признаков аффилированности.

Зависимость как признак аффилированности можно рассматривать в значении сосуществования лиц в рамках их совместной деятельности, основанной на заинтересованности аффилированного лица в совместной деятельности с самим юридическим лицом. Неслучайно в судебной практике в ряде случаев обращается внимание на то, что отношения юридических лиц и их аффилированных лиц образуют единый хозяйствующий субъект, который хотя и состоит из множества правоспособных лиц, но с экономической точки зрения рассматривается как единое целое⁴⁴. Связи между юридическим лицом и его аффилированными лицами имеют правовое значение и обусловлены социальной зависимостью, что указывает на существование системы лиц, учитывая, что под системой понимается «упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство»⁴⁵. В связи с этим можно сказать, что социальная зависимость является системообразующим признаком аффилированности.

Являясь разновидностями систем, основанных на социальной зависимости, системы, состоящие из юридических лиц и их аффилированных

⁴³ См.: Звездина Т.М. Правовое положение дочерних и зависимых хозяйственных обществ: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 9.

⁴⁴ Определение Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 по делу № А53-885/2014 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 16.02.2017 по делу № 302-ЭС16-15043, А78-16444/2015 // СПС «КонсультантПлюс» и др.

⁴⁵ Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ; Отв. ред.: Уемов А.И. М.: Наука, 1974. С. 98.

лиц, предполагают управление, под которым в самом общем смысле понимается «интегрированный процесс целенаправленных воздействий субъекта на объект управления, необходимый для достижения целей организации»⁴⁶. Аффилированные лица участвуют в управлении юридическим лицом, влияя на его деятельность, действуя ради достижения целей сформировавшейся системы, определяя экономическую и иную социальную целесообразность деятельности юридических лиц.

Вместе с тем анализ возможности управления юридическим лицом со стороны аффилированного лица требует ответа на вопрос о том, какая степень влияния позволяет говорить об аффилированности. В ст. 4 Закона РСФСР о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках понятие аффилированного лица характеризуется через понятие «влияние», которое, однако, широко не используется в отечественном праве. Отсутствие указания на степень влияния затрудняет применение правовых последствий аффилированности.

При рассмотрении вопроса об определенности степени влияния как признаке аффилированности, уместно обратиться к американскому праву, поскольку, как полагает А.В. Габов⁴⁷, само понятие аффилированности было заимствовано из американского Закона об инвестиционных компаниях 1940 года⁴⁸. В данном законе приводится перечень лиц, которые признаются аффилированными. Из перечня аффилированных лиц следует, что аффилированными лицами по отношению к другим лицам называются следующие лица: любое лицо, прямо или косвенно владеющее, контролирующее или осуществляющее права голоса, приходящиеся на 5 или более процентов голосующих ценных бумаг этого другого лица; любое лицо 5 или более процентов ценных бумаг прямо или косвенно принадлежат, контролируются или осуществляются с правом голоса таким другим лицом;

⁴⁶ Еременко В. Д., Ершова Н. А., Остапенко В. С. Основы управления: Учебное пособие. М.: РГУП, 2017. С. 14.

⁴⁷ Габов А.В. Регулирование аффилированности в гражданском законодательстве: проблемы и перспективы // Сборник научно-практических статей Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом». М.: Юрист. 2014. С. 26.

⁴⁸ Investment Company Act of 1940 [as amended through P.L. 112-90, approved January 3, 2012] // URL: <https://www.sec.gov/about/laws/iaa40.pdf>. (дата обращения - 08.03.2017).

любое лицо, прямо или косвенно контролирующее, контролируемое или находящееся под общим контролем этого другого лица; любое должностное лицо, директор, партнер, совладелец или сотрудник этого другого лица; если другое такое лицо является инвестиционной компанией, каким-либо инвестиционным советником этого лица или каким-либо членом наблюдательного совета этого лица; если другое такое лицо является неинкорпорированной инвестиционной компанией, не имеющей совета директоров, депозитарий этого лица.

Исследуя зарубежный опыт правового регулирования отношений аффилированности, А.В. Габов пишет, что в основе американского регулирования аффилированности находятся отношения контроля, и предполагает, что «тем самым на законодательном уровне делается попытка упредить возможное негативное влияние контролирующего лица на организацию, которое может иметь отрицательные последствия для третьих лиц, состоящих с указанной организацией в тех или иных отношениях (участники и кредиторы прежде всего)»⁴⁹. В данном случае обращается внимание на такую степень влияния, как контроль, который может быть как прямым, так и косвенным. Вместе с тем это не дает понимания минимальной степени влияния, при которой возможна квалификация аффилированности. Кроме того, из перечисленного перечня аффилированных лиц следует, что аффилированностью охватывается контроль, возникающий при обладании лицом 5 или более процентов голосующих ценных бумаг организации. В этом смысле предположение о том, что аффилированность представляет собой контролирующее влияние, является не в полной мере соответствующим представлениям о контролирующем влиянии по российскому праву.

В отечественном законодательстве также существуют понятия контроля (ч. 8 ст. 11 ФЗ о защите конкуренции⁵⁰, ч. 1 ст. 3 ФЗ о порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое

⁴⁹ Габов А.В. Регулирование аффилированности в гражданском законодательстве: проблемы и перспективы. С. 26.

⁵⁰ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч). ст. 3434.

значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства⁵¹), контролирующего должника лица (ст. 61.10 ФЗ о несостоятельности (банкротстве)⁵²), контролирующего лица и подконтрольного лица (ст. 2 ФЗ о рынке ценных бумаг⁵³), контролирующего лица и контролируемого лица (ст. 5 ФЗ о порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства). Однако Л.Д. Эбралидзе справедливо обращает внимание на то, что содержание понятия «влияние» не сводится к контролю на данный момент, поскольку влияние аффилированных лиц может представлять собой не только контроль, позволяющий навязывать подконтрольному лицу решения, но и влияние меньшей степени⁵⁴. Рассматривая степени влияния, обеспечиваемого участием в уставном капитале хозяйственного общества, Л.Д. Эбралидзе оценивает пороговые значения участия, которые позволяют влиять на принятие решений юридического лица. При этом она отмечает, что наименьшее участие в уставном капитале, позволяющее оказывать влияние, возможно при наличии «блокирующего» пакета акций или долей участия, который позволяет голосовать против и отклонять вносимые на общее собрание вопросы, требующие квалифицированного большинства голосов⁵⁵. Таким образом, на уровне высшего органа корпоративного юридического лица для признания аффилированности не обязательно наличие такой степени влияния, как контроль, поскольку достаточно минимального участия, которое позволило бы влиять в форме блокирования принятия решений. Представляется, что вывод о «блокирующем» влиянии может быть распространен и при выявлении степени влияния на уровне других органов юридического лица.

⁵¹ Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // СЗ РФ. 2008. № 18. ст. 1940.

⁵² Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. ст. 4190.

⁵³ Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. ст. 1918.

⁵⁴ См.: Эбралидзе Л.Д. Аффилированные лица как правовой институт и правовое средство разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014. С. 81.

⁵⁵ Там же. С. 82.

Несмотря на зависимость юридического лица и влияние аффилированных лиц, их общую деятельность и общие интересы, у юридических лиц и их аффилированных лиц сохраняются собственные интересы, что актуализирует проблему обеспечения баланса интересов в отношениях между юридическим лицом и аффилированным лицом, а также между аффилированными лицами одного юридического лица. В данном случае уместно привести мнение С.Ю. Филипповой, которая полагает, что, несмотря на появление между сторонами определенной общности интересов, несмотря на субъективную ценность длящихся (долгосрочных) правоотношений и нежелание сторон ее разрушать, «в длящиеся правоотношения лица также вступают с разнонаправленными интересами, а потому в таких отношениях также возникает латентный конфликт, а значит существует возможность и открытой его стадии»⁵⁶. На данную особенность, присущую отношениям юридического лица и его аффилированных лиц, обращает внимание А.В. Габов, полагая, что цель правового регулирования аффилированности заключается в учете ситуаций, когда на экономического субъекта осуществляется воздействие⁵⁷. Указанный ученый при анализе аффилированности обращает внимание на определение потенциально конфликтогенных связей субъектов, которая может повлиять на отношения данных субъектов с третьими лицами. Он пишет, что в законодательстве о юридических лицах понятие аффилированности в настоящее время используется для определения потенциально конфликтогенной связи двух и более субъектов права, которая способна оказать влияние на отношения одного из связанного субъекта с третьими лицами, с которыми другой субъект тоже находится в состоянии связанности, а также на права и обязанности третьих лиц в состоянии связанности. Тем самым, по сути, в основе института аффилированности лежит конфликт интересов⁵⁸. В более ранней своей работе А.В. Габов обращал внимание, что конфликт интересов может отражать не только прямое противостояние, но и потенциальную

⁵⁶ Филиппова С.Ю. Конфликт субъектов как свойство частноправовой деятельности: опыт инструментального исследования // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 2. С. 26.

⁵⁷ Габов А.В. Проблемы определения отношений аффилированности. С. 90.

⁵⁸ Там же. С. 90 – 91.

возможность противостояния, противоречие, т.е. определенную ситуацию (состояние), в которой интересы того или иного участника корпоративных отношений не совпадают с интересами самого юридического лица и (или) не совпадают с интересами других участников корпоративных отношений⁵⁹. Тем самым обосновывается наличие индивидуальных интересов как у юридического лица, так и у его аффилированных лиц, которые могут быть конфликтными.

На данный аспект также обращалось внимание Л.Д. Эбралидзе. Рассматривая феномен «аффилированных лиц» как правовой институт и правовое средство разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности, указанный ученый отмечает, что главная функция данного правового средства состоит в обеспечении автономии воли участников гражданских правоотношений в процессе осуществления ими предпринимательской деятельности, поскольку гражданско-правовой аспект регулирования экономической зависимости заключается в отстранении аффилированных лиц от процесса принятия решения зависимым, подконтрольным лицом в случаях наличия конфликта интересов, что обеспечивает принятие и осуществление таким лицом гражданских прав и обязанностей «своей волей и в своем интересе»⁶⁰. Данный подход позволяет рассмотреть аффилированность с точки зрения качества связи аффилированных лиц, которая позволяет найти баланс интересов, а также применить правовые последствия при злоупотреблении со стороны аффилированных лиц своим влиянием. Тем самым цель правового регулирования отношений, которым свойственна аффилированность, заключается в обеспечении баланса общих интересов юридических лиц и их аффилированных лиц, обусловленных совместной деятельностью, и индивидуальных интересов, наличие которых обусловлено самостоятельным существованием юридического лица и аффилированных лиц как субъектов права.

⁵⁹ Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. С. 14.

⁶⁰ Эбралидзе Л.Д. Аффилированные лица как правовой институт и правовое средство разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014. С. 8-9.

Наличие социальной зависимости юридического лица, влияния аффилированного лица, благодаря которым осуществляется управление юридическим лицом, определяется целесообразность его деятельности, достигаются общие цели юридического лица и аффилированного лица, позволяют сделать вывод, что без аффилированных лиц юридическое лицо не может самостоятельно как таковое участвовать в гражданском обороте. Г.В. Цепов справедливо в данном аспекте указывает, что любое юридическое лицо изначально зависимо, поскольку в отношении него всегда осуществляется корпоративный контроль со стороны менеджмента, контролирующего участника, группы участников или он делится между всеми перечисленными лицами⁶¹. Примечательно, что ст. 53.2 ГК РФ «Аффилированность» находится в параграфе ГК РФ об общих положениях о юридических лицах, поэтому правила об аффилированности распространяются на любые юридические лица. Исходя из этого, аффилированность является необходимым, внутренним, имманентным признаком любого юридического лица, которое участвует в гражданском обороте, то есть аффилированность показывает, что любое юридическое лицо, участвующее в гражданском обороте, имеет хотя бы одно аффилированное лицо, которое им управляет, и, следовательно, находится с ним в состоянии аффилированности.

Вместе с тем в ст. 4 Закона РСФСР о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках делается оговорка, что под влиянием может быть только лицо, которое осуществляет предпринимательскую деятельность. Несмотря на это, данное правило не ограничивает круг юридических лиц только лишь коммерческими организациями. Исходя из п. 4 ст. 50 ГК РФ некоммерческие организации имеют право осуществлять приносящую доход деятельность в том случае, если такая деятельность предусмотрена их уставами, и лишь в той мере, в какой эта деятельность соответствует и способствует достижению целей, ради которых

⁶¹ См.: Цепов Г.В. Выйти из тумана метафор, или Ответственность контролирующего лица перед кредиторами компании // Закон. 2015. № 4. С. 90.

такие юридические лица созданы. Несмотря на проблему понимания приносящей доход деятельности⁶², данное положение способствует тому, что в России некоммерческие организации «нередко создаются для получения прибыли и активно ведут хозяйственную деятельность, направленную вовне: заключают договоры, продают товары, оказывают услуги, выполняют работы»⁶³. Такая деятельность некоммерческих юридических лиц имеет общие черты с предпринимательской деятельностью, признаки которой закреплены в ст. 2 ГК РФ, что ставит вопрос о возможности применения к ним предпринимательского законодательства. Неслучайно в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что если некоммерческие организации осуществляют приносящую доход деятельность, предусмотренную их уставами в той мере, в которой это служит достижению целей их создания, на такие некоммерческие организации в части осуществления приносящей доход деятельности распространяется законодательство, применимое к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность⁶⁴. Таким образом, деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие не имеет принципиального значения для выявления аффилированности. В связи с этим обосновывается распространение принципов и норм об аффилированности на некоммерческие организации.

Зависимость участия юридического лица в гражданском обороте от аффилированных лиц выражается в том, что правоотношения юридического лица с иными субъектами гражданского права возможны только при наличии

⁶² См.: Лескова Ю.Г. Реформирование института юридического лица: вопросы применения правил ГК РФ // Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, 12 февраля 2015 г. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 55-56.

⁶³ Болдырев В.А. Конструкция юридического лица несобственника: опыт цивилистического исследования. М.: Статут, 2012. С. 79.

⁶⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 30 июня.

аффилированности. В зависимости от наличия между лицами отношений связанности (аффилированности) ставится наступление правовых последствий, что прямо закреплено в ст. 53.2 ГК РФ. Следовательно, наличием аффилированности обусловлена возможность наступления определенных гражданско-правовых последствий для юридического лица.

Вместе с тем закрепленная в ГК РФ формулировка о возможности наступления правовых последствий в зависимости от наличия отношений связанности представляется дискуссионной, поскольку в принципе любым правоотношениям, как уже отмечалось, присуще свойство связанности сторон. В связи с этим формулировка «отношения связанности» представляет собой тавтологию.

Как справедливо указывает А.В. Габов, «для целей правового регулирования важно не существования связи вообще, а существование между лицами связи, обладающей определенными качественными характеристиками, наличие которых делает необходимым применение специальных правовых последствий»⁶⁵. В тексте ГК РФ на аффилированность указывается в скобках, чем акцентируется именно эта разновидность правовой связанности. Исходя из этого, можно сделать вывод, что по смыслу ст. 53.2 ГК РФ акцент делается на том, что отношение влечет правовые последствия, если оно обладает особой характеристикой правовой связанности - аффилированностью. Таким образом, аффилированность является свойством правоотношения, благодаря которому возникает правовое последствие.

На возможность правоотношения выступать в качестве юридического факта указывалось еще в советской правовой доктрине. Так, О.С. Иоффе писал, что познание правоотношения в полном смысле возможно в том лишь случае, если не только изучить его содержательную сторону (юридические факты, порождающие правоотношение, права и обязанности лиц, участвующих в правоотношении), но и изучить способность правоотношения выполнять роль

⁶⁵ Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве. С. 103. (автор части – Габов А.В.).

юридического факта, который сам по себе является причиной возникновения новых правоотношений и иных правовых последствий⁶⁶. В.Б. Исаков справедливо отмечает, что правоотношение в этом смысле понимается как форма наиболее значимых существенных связей, а «факт-правоотношение отражает правовую связь в обобщенном виде»⁶⁷. Из данного уточнения можно сделать вывод, что правовые последствия ставятся в зависимость не столько от формы существования правовых связей (правоотношение), а именно от самого содержания - правовой связи, т.е. правовые последствия для лиц возникают из факта их состояния в правовой связанности.

Такой подход позволяет объяснить, почему правовые последствия аффилированности возникают применительно к лицам, которые не находятся в непосредственных правоотношениях. Как уже было рассмотрено выше, аффилированность может характеризовать как непосредственные правоотношения, так и систему правоотношений. Например, при сложной аффилированности в рамках отношений основного-дочернего-внучатого обществ непосредственного правоотношения между внучатым и основным юридическим лицом нет, но в силу системы правоотношений с участием дочернего общества возникает правовая связанность, которая характеризует все правоотношения основного-дочернего-внучатого обществ. Следовательно, правовые последствия для субъектов права, в том числе и юридического лица, возникают не из конкретного непосредственного правоотношения как такового, а из состояния связанности субъектов права, а именно из аффилированности. Таким образом, правовые последствия возникают не в силу самих по себе правоотношений, а в силу нахождения субъектов права в состоянии аффилированности.

Рассмотрение аффилированности с точки зрения ее возможности порождать правовые последствия открывает вопрос об определении места такого юридического факта в общей системе юридических фактов.

⁶⁶ См.: Иоффе О.С. Указ. соч. С. 652.

⁶⁷ Общая теория государства и права. В 3-х т. Т. 2. Право: Академ. курс / М.Н. Марченко, С.Н. Бабурин и др.; Отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. С. 683. (автор главы – Исаков В.Б.).

Аффилированность субъектов гражданского права позволяет говорить об определенном состоянии, в котором они находятся. Учитывая это обстоятельство, А.А. Клячин предлагает рассматривать аффилированность как юридический факт-состояние (состояние-отношение)⁶⁸. Сама по себе идея о существовании юридических фактов-состояний в правовой доктрине является дискуссионной, поскольку, на первый взгляд, она не вписывается в деление юридических фактов на события и действия.

Вместе с тем в научной литературе правильность основного разграничения юридических фактов только на события и действия ставилась под сомнение. Так, К.А. Стальгевич считал, что наряду с указанными видами юридических фактов необходимо выделить еще и состояние, например, состояние в браке, состояние в гражданстве определенного государства, состояние на военной или иной службе⁶⁹. Данный подход был развит в трудах других ученых. Как полагает Ю.С. Новикова, юридический факт-состояние представляет конкретное жизненное обстоятельство, которое характеризуется относительной стабильностью, длительным периодом существования, в течение которого возникают правовые последствия из такого состояния самостоятельно или в совокупности с другими (дополнительными) юридическими фактами, при этом действие состояния как юридического факта не погашается в единократном акте правового воздействия⁷⁰. Согласно взглядам Ю.С. Новиковой реализацию правового состояния можно определить как «осуществление нормативно закрепленных и гарантированных государством субъективных прав и юридических обязанностей субъекта-носителя правового состояния, обладателя объекта-носителя правового состояния или участника общественного отношения-носителя правового состояния»⁷¹. Л.И. Глушкова, рассматривая факты-состояния, отмечает их относительную стабильность и длительный

⁶⁸ См.: Клячин А.А. Юридические факты в механизме гражданско-правового регулирования деятельности акционерных обществ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. С. 11.

⁶⁹ Стальгевич А.К. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 31.

⁷⁰ Новикова Ю.С. Правовое состояние как категория права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 6-7.

⁷¹ Там же. С. 7.

период их существования, в течение которого неоднократно, вместе с другими юридическими фактами они способны порождать определенные гражданско-правовые последствия⁷². В.А. Белов пишет, что «юридическими состояниями называются юридически значимые характеристики субъектов правоотношений»⁷³. Указанный ученый полагает, что «моменты начала и окончания наиболее принципиальных юридических состояний физических лиц (рождение, смерть, заключение брака, прекращение брака, перемена имени, установление отцовства и усыновление...) особо выделяются среди других юридических фактов под наименованием актов гражданского состояния»⁷⁴. Вместе с тем, несмотря на признание вспомогательной роли гражданского состояния как такового, В.А. Белов приводит конкретные примеры⁷⁵, в которых конкретные гражданские состояния влекут правовые последствия. Тем самым в приведенных суждениях подчеркивается возможность правовых состояний влечь правовые последствия.

Вместе с тем О.А. Красавчиков возражал против признания юридических фактов-состояний и полагал, что все виды юридических состояний, которые были перечислены К.А. Стальгевичем, должны относиться к правоотношениям, которые характеризуются относительной стабильностью⁷⁶. Представляется, что основная характеристика этих состояний заключается не в том, что они являются стабильными правоотношениями, а в том, что таким правоотношениям свойственна правовая связанность, в зависимости от наличия которой ставятся правовые последствия. Поэтому категоричный подход О.А. Красавчикова не позволяет рассмотреть сущность аффилированности в различных ее проявлениях и выявить действительное значение аффилированности, изложенное в ст. 53.2 ГК РФ.

⁷² Гражданское право: учебник в 3 т. Т.1. / отв. ред. В.П.Мозолин. М.: Проспект, 2015. С. 311. (автор главы – Глушкова Л.И.).

⁷³ Белов В.А. Юридические факты в гражданском праве: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 45.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 45-46.

⁷⁶ Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т.2. М.: Статут, 2005. С. 136.

Ю.К. Толстой указывал, что правильную позицию в вопросе о юридической природе состояний занимают авторы, рассматривающие их в качестве юридических фактов, выделяя их в особую группу. По его мнению, «было бы неверно отрицать за состоянием как таковым значение юридического факта. Так, состояние в браке, состояние в родстве сами по себе вызывают определенные правовые последствия, а следовательно, имеют значение для юридических фактов. В то же время состояния должны быть выделены в особую группу юридических фактов, поскольку они могут иметь как волевой (состояние в браке, состояние дезертирства), так и неволевой характер (состояние в родстве)»⁷⁷. Представленная позиция справедливо заслуживает поддержки, поскольку ее научное значение состоит в том, что выделение юридических фактов-состояний не нарушает общую классификацию юридических фактов по критерию воли.

Исследуя такую разновидность юридических фактов-состояний, как состояние-отношение, А.А. Клячин приходит к выводу, что юридический факт-состояние заключается в специальных характеристиках, которые предусмотрены законом и влекут правовые последствия для лица, находящегося в таком состоянии, в его отношениях с третьими лицами, а не в связях субъектов в рамках правоотношения, то есть не в содержании правоотношения как таковом⁷⁸. Применение данного подхода к аффилированности позволяет сделать вывод, что аффилированность как правовое состояние способно влечь правовые последствия не только в рамках одного правоотношения, но и системе правоотношений.

Возможность применения понятия правового состояния к аффилированности подтверждается использованием в судебной практике понятия «состояние аффилированности»⁷⁹. Практическое значение признания аффилированности юридическим фактом-состоянием состоит в том, что на

⁷⁷ Толстой Ю.К. Указ. соч. С. 14.

⁷⁸ Клячин А.А. Указ. соч. С. 11.

⁷⁹ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 03.07.2017 № С01-427/2017 по делу № СИП-664/2016 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 06.06.2016 по делу № А43-19763/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2010 № 17АП-3117/2010 по делу № А60-47397/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

основе этого факта-состояния юридическое лицо вступает в отношения с другими лицами. В этом смысле аффилированность имеет предварительное значение для дальнейших отношений с участием юридического лица, в основе которых будут лежать еще и другие юридические факты. Поскольку последующие правоотношения юридического лица будут возникать на основе нескольких юридических фактов, одним из которых обязательно будет являться аффилированность, аффилированность справедливо рассматривать как часть юридического (фактического) состава. При этом, как представляется, правовые последствия аффилированности будут зависеть от завершенности юридического (фактического) состава.

Что касается вопроса о правовых последствиях аффилированности как юридического факта в завершенном юридическом (фактическом) составе, то можно согласиться с классическим представлением о правовых последствиях, выражающихся в возникновении, изменении или прекращении правоотношений (динамика правоотношений)⁸⁰. Например, завершенный состав, включающий в себя отношения юридического лица с аффилированным лицом и деликт, совершенный аффилированным лицом в отношении юридического лица, влечет возникновение обязательственного правоотношения, связанного с возмещением убытков.

Вместе с тем вопрос о том, могут ли из части незавершенного юридического (фактического) состава наступать правовые последствия, затрагивался советскими учеными и остается проблемным сейчас.

О.А. Красавчиков писал, что «до завершения юридического состава никаких юридических последствий (понимая под этими последствиями движение правоотношения) для данного конкретного правоотношения не наступает»⁸¹. Таким образом, он категорически отрицал возможность движения правоотношения на основе части незавершенного состава. Вместе с тем такой подход имеет ограниченную сферу действия и не затрагивает вопроса о

⁸⁰ См.: Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 128; Рожкова М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. С. 11.

⁸¹ Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 114.

возможности наступления иных правовых последствий, которые непосредственно не связаны с динамикой правоотношения.

О.С. Иоффе полагал, что, если полный, то есть завершенный, фактический состав способен обуславливать возникновение прав и обязанностей, то его наступившая часть в рамках незавершенного состава создает лишь возможность для возникновения таких прав и обязанностей⁸². Близкой точки зрения придерживался В.Б. Исаков, который признавал возможность появления промежуточных правовых последствий при наличии незавершенного фактического состава, отмечая, что наиболее распространенной разновидностью является юридическая возможность накопления очередного элемента состава⁸³. В представленных подходах также в качестве правовых последствий не признаются различные варианты динамики правоотношения, но признаются особые правовые последствия, обладающие промежуточным значением, создающие возможность для накопления юридических фактов.

Сторонником того, что из части фактического состава могут возникать правовые последствия, являлся также С.С. Алексеев. Он отмечал промежуточное, внутреннее значение юридических фактов, которые являются частью фактического состава, поскольку они обслуживают динамику правоотношения, действие его «внутренних механизмов»⁸⁴. Указанный ученый выделял два правовых последствия из части сложного фактического состава: правовая связанность и право на положительное действие. При этом, по мысли ученого, правовая связанность является промежуточным правоотношением, выраженное в обязанности, которая направлена на обеспечение нормального развития сложного фактического состава. В то время как право на положительное действие представляет собой правомочие, которое дает возможность лицу проявить правовую активность – своим односторонним действием оказать влияние на развитие фактического состава. По мнению

⁸² Иоффе О.С. Указ. соч. С. 634.

⁸³ Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования: монография / под ред. С.С. Алексеева. Репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 94-95.

⁸⁴ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 361.

С.С. Алексеева, особенности права на положительные действия проявляются в секундарных правомочиях, которые предоставляют возможность лицу своим односторонним действием повлиять на развитие фактического состава и, следовательно, на развитие правоотношения⁸⁵. Однако, несмотря на указанные различия правовых последствий, в рамках данного подхода оба правовых последствия имеют общий признак, заключающийся в возможности завершения фактического состава. Таким образом, возможность завершения состава является универсальным правовым последствием юридического факта в незавершенном юридическом (фактическом) составе, что, в том числе применимо и к аффилированности.

Например, в случае с аффилированностью право на активные действия может быть выражено во влиянии на завершение фактического состава. В аспекте рассматриваемой темы уместно привести мнение А.Б. Бабаева, который приходит к выводу, что «право на участие в формировании воли юридического лица является секундарным, поскольку секундарно-управомоченному субъекту (акционеру, члену совета директоров, члену коллегиального исполнительного органа, единоличному исполнительному органу) противостоит связанность юридического лица волеизъявлением другого лица»⁸⁶. Управомоченный субъект может своим действием повлиять на движение правоотношения юридического лица с третьими лицами. В связи с этим аффилированность, являясь частью незавершенного состава, создает возможность для динамики правоотношений юридического лица с третьими лицами, учитывая, что аффилированное лицо может влиять на динамику правоотношений, в которых участвует юридическое лицо. Рассмотренный пример показывает, что секундарное правомочие является юридической возможностью накопления очередного элемента состава.

Таким образом, аффилированность как юридический факт в незавершенном составе порождает промежуточные правовые последствия,

⁸⁵ Там же. С. 361-362.

⁸⁶ Бабаев А.Б. Проблема секундарных прав в российской цивилистике: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8.

например, возможность аффилированных лиц участвовать в формировании воли юридического лица.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что аффилированность является имманентным признаком любого юридического лица, участвующего в гражданском обороте. Сущность аффилированности заключается в правовой связанности, характеризующей правоотношение юридического лица и аффилированного лица или систему правоотношений юридического лица с участием аффилированных лиц, основанных на экономической, организационной и иных формах социальной зависимости, при которой аффилированное лицо включается в осуществление совместной деятельности с юридическим лицом и приобретает заинтересованность в достижении результатов такой деятельности, имея возможность влиять на принятие решений юридического лица относительно его участия в гражданском обороте путем, как минимум, блокирования принятия решений юридического лица.

С точки зрения участия юридического лица в гражданском обороте аффилированность представляет собой юридический факт-состояние. При этом гражданско-правовые последствия аффилированности в отношении юридического лица зависят от значения аффилированности в сложном юридическом (фактическом) составе: 1) если аффилированность является юридическим фактом в завершенном составе, то гражданско-правовым последствием является возникновение, изменение или прекращение правоотношений с участием юридического лица (динамика правоотношений); 2) если аффилированность является юридическим фактом в незавершенном составе, то возникают промежуточные правовые последствия.

1.2. ВИДЫ АФФИЛИРОВАННЫХ ЛИЦ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аффилированность как разновидность правовой связанности имманентно предполагает наличие определенного субстрата, поскольку «связь — это не

предмет, не субстанция, она не существует сама по себе, вне того, что связано»⁸⁷. В этом смысле возможность определения разновидностей лиц, которые могут быть аффилированными, обусловлена самой сущностью аффилированности. Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, в ст. 4 Закона РСФСР о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках под аффилированными лицами понимаются только физические и юридические лица, способные оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Далее указанный закон конкретизирует первую часть определения аффилированных лиц, закрепляя, что аффилированными лицами юридического лица являются:

— «член его Совета директоров (наблюдательного совета) или иного коллегиального органа управления, член его коллегиального исполнительного органа, а также лицо, осуществляющее полномочия его единоличного исполнительного органа;

— лица, принадлежащие к той группе лиц, к которой принадлежит данное юридическое лицо;

— лица, которые имеют право распоряжаться более чем 20 процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли данного юридического лица;

— юридическое лицо, в котором данное юридическое лицо имеет право распоряжаться более чем 20 процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли данного юридического лица;

— если юридическое лицо является участником финансово-промышленной группы, к его аффилированным лицам также относятся члены Советов директоров (наблюдательных советов) или иных коллегиальных органов управления, коллегиальных исполнительных органов участников

⁸⁷ Спиркин А.Г. Философия: Учебник. М.: Гардарики, 2006. С. 265.

финансово-промышленной группы, а также лица, осуществляющие полномочия единоличных исполнительных органов участников финансово-промышленной группы».

Итак, аффилированными лицами юридического лица являются член совета директоров (наблюдательного совета) или иного коллегиального органа управления, член коллегиального исполнительного органа, а также лицо, осуществляющее полномочия его единоличного исполнительного органа. В научной литературе выдвигался подход, обосновывающий наличие управленческих отношений между юридическим лицом и его органом⁸⁸. Будучи сторонником данного подхода, В.К. Андреев полагает, что такие управленческие отношения возникают в силу того, что орган является самостоятельным субъектом права⁸⁹. Исходя из этого подхода, сам орган может быть аффилированным лицом по отношению к юридическому лицу. Однако в цитируемом законе аффилированным называется не орган юридического лица как таковой, а именно лицо, которое осуществляет полномочия органа. В этом смысле орган юридического лица опосредует, создает возможность для влияния лиц, которые входят в его состав. Представляется, что аффилированность юридического лица и членов органов юридического лица обусловлена возможностью данных лиц осуществлять полномочия органов, действуя в пределах их определенной компетенции.

Кроме того, аффилированными лицами являются «лица, принадлежащие к той группе лиц, к которой принадлежит данное юридическое лицо». Определение понятия аффилированного лица путем определения его принадлежности к группе лиц, в которую включается юридическое лицо (в понятиях ФЗ о защите конкуренции) актуализирует проблему соотношения понятий аффилированных лиц и участников группы лиц. Сравнивая указанные категории еще до принятия ФЗ о защите конкуренции 2006 г., В.В. Лаптев писал, что «понятие аффилированных лиц и понятие группы лиц выражают

⁸⁸ См.: Харитоновна Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 93.

⁸⁹ См.: Андреев В.К. Современное понимание юридического лица // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. № 2. С. 57, 59.

разную степень правовых связей между субъектами. Аффилированные лица не составляют единого субъекта права, хотя связи между ними имеют юридическое значение. Напротив, группа лиц обладает правосубъектностью, хотя и не во всех предпринимательских отношениях, а только в тех, которые относятся к сфере антимонопольного законодательства. Поэтому понятие аффилированных лиц и рассматривается, как отмечено выше, в качестве родового, а понятие группы лиц – в качестве видового понятия»⁹⁰. Данный подход не потерял своей актуальности. Действительно, в современном законодательстве, исходя из его буквального толкования, перечень аффилированных лиц юридического лица включает в себя тех лиц, которые входят в группу лиц с конкретным юридическим лицом.

В законодательстве отсутствует как таковое определение группы лиц, но в ст. 9 ФЗ о защите конкуренции приводится перечень лиц, образующих группу лиц. В правовой доктрине понимание группы лиц обычно сводится к тому, что под группой лиц признается совокупность субъектов, на деятельность которых может оказывать влияние один и тот же субъект (субъекты), позволяя группе в целом проводить единую согласованную политику на рынке⁹¹. В приведенной точке зрения неслучайно подчеркивается, что группообразующим элементом обязательно является такой субъект, который имеет возможность оказывать влияние на другого или на других субъектов. При этом при квалификации группы лиц без внимания остаются отношения между субъектами, которые одновременно находятся под влиянием общего для них лица.

В соответствии с конкурентным законодательством в группу лиц включены лица, способные непосредственно влиять на деятельность юридического лица, а также лица, не способные напрямую влиять на деятельность юридического лица. Так, согласно п.п. 8 и 9 ч. 1 ст. 9 ФЗ о защите конкуренции в группу лиц включаются, во-первых, лица, каждое из которых по какому-либо из указанных в этом же законе оснований входит в группу с одним

⁹⁰ Лаптев В.В. Субъекты предпринимательского права. М.: Юрист, 2003. С. 145.

⁹¹ См.: Варламова А.Н. Правовое обеспечение развития конкуренции: Учебное пособие. М.: Статут, 2010. С. 42.

и тем же лицом, а также другие лица, входящие с любым из таких лиц в группу по какому-либо из указанных в ст. 9 данного закона оснований; во-вторых, хозяйственное общество (товарищество, хозяйственное партнерство), физические лица и (или) юридические лица, которые по какому-либо из оснований входят в группу лиц, если такие лица в силу своего совместного участия в этом хозяйственном обществе (товариществе, хозяйственном партнерстве) или в соответствии с полномочиями, полученными от других лиц, имеют более чем пятьдесят процентов общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале этого хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства). Например, несколько юридических лиц, имеющие одно общее для всех аффилированное лицо, вместе с таким аффилированным лицом образуют группу лиц по ст. 9 ФЗ о защите конкуренции, хотя по отношению друг к другу такие юридические лица могут и не обладать возможностью оказывать влияние.

Признание законодательством всех лиц, входящих в группу лиц, аффилированными критикуется в научной литературе. А.В. Габов пишет, что определение аффилированности через группу лиц сталкивается с проблемой широты критериев принадлежности к группе лиц, то есть при определении группы лиц учитываются и те отношения, в которых фактически отсутствует конфликт интересов, имеющий значение для определения аффилированности⁹². И.С. Шиткина также критикует подход, согласно которому определение понятия аффилированности осуществляется через понятие «группа лиц», указывая на то, что эти понятия «относятся к двум самостоятельным отраслям законодательства, каждая из которых имеет свой предмет и метод регулирования»⁹³. Исходя из данных подходов, широкое понимание группы лиц не всегда позволяет четко определить наличие аффилированности, поскольку в отдельных случаях признаки для признания лиц аффилированными

⁹² Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве. С. 111. (автор части – Габов А.В.).

⁹³ Шиткина И.С. Правовое регулирование экономической зависимости // Хозяйство и право. 2010. № 8. С. 41.

отсутствуют. Наличие в группе лиц тех лиц, которые не имеют возможности оказывать влияние на деятельность юридического лица, свидетельствует о том, что в группе лиц не обязательно все лица являются аффилированными лицами относительно конкретного юридического лица. В связи с различием понятий группы лиц и аффилированных лиц применение правовых последствий, характерных для группы лиц не всегда будет характерно для лиц в состоянии аффилированности, хотя совпадения возможны.

Аффилированными лицами также признаются «лица, которые имеют право распоряжаться более чем 20 процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли данного юридического лица»; а также «юридическое лицо, в котором данное юридическое лицо имеет право распоряжаться более чем 20 процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли данного юридического лица».

Исходя из сущности аффилированности, исследованной в предыдущем параграфе, можно заключить, что указанные пороговые значения не отражают замысел правового регулирования аффилированности, поскольку по справедливому замечанию А.В. Габова сам по себе факт владения более 20 % голосов не может однозначно свидетельствовать о том, что лицо контролирует юридическое лицо⁹⁴. Однако данное высказывание характерно не только для контроля, но и для влияния вообще. Л.Д. Эбралидзе делает вывод о том, что распоряжение 20 и более процентами голосов от общего количества голосов на собрании не однозначно не свидетельствует о том, что владелец акций или долей приобрел дополнительные права, связанные с принятием решений на уровне высшего органа управления юридического лица⁹⁵. Несмотря на высказываемую критику по поводу порогового значения процента голосов,

⁹⁴ См.: Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве. С. 111. (автор части – Габов А.В.).

⁹⁵ См.: Эбралидзе Л.Д. Аффилированные лица как правовой институт и правовое средство разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014. С. 16.

Закон РСФСР о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках в ст. 4 до сих пор называет аффилированными лицами участников юридического лица, обладающих указанным количеством голосов, приходящихся на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли юридического лица. В этой связи аффилированность лица представляется необходимым устанавливать при наличии у него такого процента общего количества голосов, которые позволяли бы ему блокировать принятие решения по конкретным вопросам, на что уже обращалось внимание в предыдущем параграфе.

Согласно ст. 4 Закона РСФСР о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках до сих пор закреплено, что «если юридическое лицо является участником финансово-промышленной группы, к его аффилированным лицам также относятся члены Советов директоров (наблюдательных советов) или иных коллегиальных органов управления, коллегиальных исполнительных органов участников финансово-промышленной группы, а также лица, осуществляющие полномочия единоличных исполнительных органов участников финансово-промышленной группы». В связи с тем, что ФЗ о финансово-промышленных группах⁹⁶ утратил силу в связи с принятием Федерального закона «О признании утратившим силу Федерального закона «О финансово-промышленных группах»⁹⁷ отсылка к подобному понятию не актуальна.

Приведенный перечень аффилированных лиц демонстрирует, что аффилированными по отношению к юридическому лицу являются не только участники юридического лица, но и лица, которые по иным основаниям способны влиять на участие юридического лица в обороте. В качестве примера можно указать лиц, которые входят в состав органов юридического лица. Как показало исследование А.А. Берле-мл. (A.A. Berle Jr) и Г.К. Минса (G.C. Means), промышленная революция привела к изменениям в процессе

⁹⁶ Федеральный закон от 30.11.1995 № 190-ФЗ «О финансово-промышленных группах» // СЗ РФ. 1995. № 49. ст. 4697.

⁹⁷ Федеральный закон от 22.06.2007 № 115-ФЗ «О признании утратившим силу Федерального закона «О финансово-промышленных группах» // СЗ РФ. 2007. № 26. ст. 3088.

управления предприятиями и отделению контроля за предприятием от собственности на предприятие⁹⁸. Как следствие, образовались две группы: владельцы и, так называемый, менеджмент. Однако, несмотря на различное отношение к имуществу юридического лица, в результате такого разделения возможность влиять на деятельность юридических лиц имеют как собственники, так и менеджмент.

Развивая этот подход, И.Ф. Фама (E.F. Fama) и М.К. Дженсен (M.C. Jensen) обосновывают неточность самого принципа разделения собственности (ownership) и контроля (control). Они исходят из того, что ключевым моментом в управлении корпорацией является процесс принятия решений, который заключается в принятии решений (decision management) (иницирование и внедрение) и контроле за принятым решением (decision control) (ратификация и мониторинг)⁹⁹. Таким образом, акцент делается на самом процессе управления юридическим лицом без жесткой привязки к статусу управляющего. Несмотря на то, что для определения аффилированного лица важна возможность влияния на участие юридического лица в обороте, в рассматриваемом законе приведенный перечень аффилированных лиц является закрытым и не позволяет в полной мере охватить правовые связи, сущность которых состоит в оказании влияния на принятие решений юридического лица.

Кроме того, исследуя перечень аффилированных лиц, И.С. Шиткина делает вывод о том, что в российском законодательстве закреплена модель односторонней аффилированности, так как аффилированными лицами являются только лица, которые оказывают влияние на других лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, в то время как в законодательстве зарубежных стран к числу аффилированных лиц традиционно относят контролирующих, подконтрольных, а также находящихся под общим

⁹⁸ See: Berle Jr A.A., Means G.C. *The Modern Corporation and Private Property*. N.Y.: The Macmillan Company, 1936. P. 119-121.

⁹⁹ Fama E.F., Jensen M.C. *Separation of Ownership and Control* // *Journal of Law and Economics*, Vol. 26, №. 2, *Corporations and Private Property: A Conference Sponsored by the Hoover Institution*. 1983. P. 321-322.

контролем лиц¹⁰⁰. При реформировании ГК РФ была предпринята попытка решить проблему установления аффилированности путем составления нового перечня аффилированных лиц, который бы позволил относить к аффилированным лицам всех тех лиц, между которыми существуют соответствующие связи.

Так, в проекте Федерального закона № 47538-6¹⁰¹, принятом Государственной Думой в первом чтении 27 апреля 2012 г., указывалось, что наличие аффилированности признается:

«1) между контролирующим (включая его аффилированных лиц) и подконтрольным лицом, а также между лицами, находящимися под общим контролем, определяемым по признакам, предусмотренным статьей 53.3 настоящего Кодекса, за исключением лиц, находящихся под общим контролем публично-правовых образований;

2) между физическим лицом и его супругом, их родителями, детьми, полнородными и неполнородными братьями и сестрами, усыновителями и усыновленными, дедушками и бабушками, внуками, племянниками и племянницами, дядями и тетями;

3) между юридическим лицом и лицами, выполняющими функции органа управления или членов коллегиального органа управления данного юридического лица, а также лицами, признаваемыми аффилированными с ними в соответствии с подпунктом 2 настоящего пункта;

4) между юридическим лицом и имеющим возможность самостоятельно либо совместно с другими лицами прямо или косвенно (через третьих лиц) согласованно распоряжаться более чем двадцатью процентами общего количества голосов участников данного юридического лица лицом, а также его аффилированными лицами;

¹⁰⁰ Корпоративное право: учебный курс / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: КНОРУС, 2015. С. 659. (автор главы - Шиткина И.С.).

¹⁰¹ Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

5) между юридическими лицами, в которых функции органа управления и (или) большинства членов коллегиального органа управления выполняют одни и те же лица и (или) их аффилированные лица;

б) между юридическими лицами, в которых одно и то же лицо имеет возможность самостоятельно либо совместно с другими лицами прямо или косвенно (через третьих лиц) согласованно распоряжаться более чем двадцатью процентами общего количества голосов участников каждого из этих юридических лиц либо одного из них, являясь при этом контролирующим по отношению к другому. При этом не считаются аффилированными по данному основанию юридические лица, участником которых с соответствующей долей участия является публично-правовое образование;

7) между юридическими лицами, в одном из которых лицо и (или) его аффилированные лица выполняют функции органа управления, а в другом имеют возможность самостоятельно либо совместно с другими лицами прямо или косвенно (через третьих лиц) согласованно распоряжаться более чем двадцатью процентами общего количества голосов участников данного юридического лица, либо являются контролирующим лицом;

8) между хозяйственным товариществом и полным товарищем».

Как представляется, данные правовые связи во многом повторяют правовые связи, в силу которых лица признаются аффилированными по действующему законодательству. При принятии данного закона к числу аффилированных лиц относились бы все лица, которые находятся в состоянии аффилированности. Кроме того, в указанном законопроекте была предложена возможность признания наличия или отсутствия аффилированности, несмотря на закрепленный перечень аффилированных лиц (ст. 1 законопроекта, п.п. 3-4 ст. 53.2 ГК РФ в редакции законопроекта).

Как уже отмечалось, в настоящее время, исходя из действующего законодательства, аффилированными лицами называются только те лица, которые способны оказывать влияние на деятельность других лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, что исключает

квалификацию всех лиц, находящихся в состоянии связанности, как аффилированных лиц. В частности, аффилированными не называются подконтрольные лица, а также лица, находящиеся под общим контролем одного лица, по отношению друг к другу. Тем самым подчеркивается, что правовое значение для квалификации лица аффилированным имеет только лишь влияние одного лица на другое, несмотря на возможность обратного (взаимного) влияния в рамках их отношений.

Исследуя категорию отношения, Аристотель писал, что «все, соотнесенное с другим, высказывается по отношению к вещам, находящимся во взаимной зависимости с ним: так, раб называется рабом господина, а господин – господином раба...»¹⁰². При использовании данного подхода аффилированное лицо может быть выражено относительно того лица, из-за которого оно является аффилированным. Учитывая тему диссертационного исследования, логично отметить, что таким лицом может быть юридическое лицо в силу того, что аффилированное лицо оказывает на него влияние.

Как было выявлено в параграфе 1.1. настоящей диссертации, влиянию аффилированного лица противостоит зависимость юридического лица. В толковом словаре «явление, зависящее от другого и изменяющееся по мере изменения этого другого явления»¹⁰³ называется функцией. В связи с этим квалификация лиц в качестве аффилированных может быть рассмотрена с точки зрения функционального подхода к оценке деятельности юридического лица и его зависимости от влияния аффилированного лица.

Под функциональным подходом в гносеологическом смысле понимается направление исследования, в рамках которого «движение познания направлено не на изучение субстанции изолированных объектов, а на изучение взаимоотношений между объектами, т.е. на установлении зависимостей (функций), позволяющих осуществлять закономерный переход к ряду объектов

¹⁰² Аристотель. Категории. Пер. А.В. Кубицкого. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. С. 20.

¹⁰³ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. проф. Л.И. Скворцова. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство Мир и Образование», 2009. С. 1265.

от одного к другому»¹⁰⁴. При этом, если математическое понятие функции, введенное Лейбницем, характеризует переменную, которая рассматривается по отношению к другой (или другим) переменной (переменным), через которую она может выражаться и от значения которой зависит ее собственное значение¹⁰⁵, то есть акцент делается на изменении одной переменной (зависимого лица) от какой-то другой переменной (влияющего лица), то социологическое понимание функции, основанное на математическом понимании и уточненное под воздействием биологических наук, позволяет рассмотреть функцию с точки зрения роли, которую играет определенный элемент в отношении другого или других элементов системы и тем самым оказывает влияние на всю систему¹⁰⁶. Учитывая социологическое понимание функции, можно сделать вывод, что лицо является аффилированным, если юридическое лицо испытывает его влияние, становится зависимым, то есть если аффилированное лицо способно быть некой переменной, оказывающей влияние, которое и делает его аффилированным по отношению к юридическому лицу.

Квалификация лица по осуществляемой им роли соответствует подходу, согласно которому системно-функциональная дифференциация нивелирует фигуру личности¹⁰⁷. В этой связи выделение аффилированных лиц из правовой связи, которая всегда носит многосторонний характер, обусловлено необходимостью обозначить лицо с точки зрения выполняемой им роли, которая заключается в оказании влияния. Таким образом, аффилированным может быть любое лицо, выполняющее данную роль при наличии иных признаков аффилированности.

Функциональный подход также показывает несовершенство закрытого перечня лиц, способных оказывать влияние на деятельность юридических лиц, поскольку возможность такого влияния может возникнуть у любого лица вне

¹⁰⁴ Философский энциклопедический словарь. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1983. С. 751. (автор статьи – Юдин Б.Г.).

¹⁰⁵ См.: Фосс А.Э. Сущность математики. Пер. с нем. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009. С. 83.

¹⁰⁶ См.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 108-110.

¹⁰⁷ Луман Н. Введение в системную теорию. Пер. с нем. К. Тимофеева. М.: Логос, 2007. С. 22.

зависимости от его закрепления в законе. Как следствие, закрытый перечень аффилированных лиц не позволяет полноценно рассмотреть в качестве аффилированных тех лиц, которые не признаются таковыми позитивным правом. В частности, толкование норм об аффилированности исполнительными органами государственной власти исходит из того, что публично-правовые образования, органы публичной власти разного уровня не признаются аффилированными лицами¹⁰⁸. Судебная практика также чаще всего отрицает аффилированность юридических лиц с публично-правовыми образованиями, обосновывая это особенностями и целями участия публично-правового образования как субъекта в правоотношениях¹⁰⁹. В постановлении Президиума ВАС РФ по делу № А40-79121/10-144-441 отмечалось, что согласно ст. 4 Закона РСФСР о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках аффилированными лицами являются физические и юридические лица, способные оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, в то время как Российская Федерация не относится к физическим или юридическим лицам¹¹⁰. Таким образом, публично-правовые образования, как правило, не признаются аффилированными лицами юридических лиц.

Вместе с тем особый статус публично-правовых образований, обусловленный властной деятельностью, имеет значение не только для отраслей публичного права. Е.П. Губин, характеризуя государственное регулирование рыночной экономики, пишет, что в условиях рыночной экономики значительно возрастает роль индивидуального правового регулирования, которое распространяется и на предпринимательскую деятельность, поскольку урегулирование всех рыночных отношений

¹⁰⁸ См.: Письмо ФАС РФ от 27.03.2007 № АК/4056 «Об отнесении Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований к аффилированным лицам» // СПС «КонсультантПлюс»; Письмо Минэкономразвития РФ от 16.11.2009 № Д06-3271 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁹ См.: Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 10.09.2010 № 05АП-4420/2010 по делу № А59-1276/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁰ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 06.12.2011 № 11523/11 по делу № А40-79121/10-144-441 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 4.

невозможно только лишь с помощью правовых норм¹¹¹. В частности, публично-правовые образования осуществляют выдачу лицензий. Однако участие публично-правового образования в гражданских правоотношениях не всегда связано с публично-властной деятельностью, что свидетельствует о необоснованности автоматического неприменения к публично-правовому образованию норм об участии юридических лиц в гражданском обороте. Возможность применения п. 2 ст. 124 ГК РФ, согласно которому к публично-правовым образованиям по общему правилу применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, позволяет выявить признаки, аффилированности применительно к публично-правовым образованиям.

Деятельность публично-правового образования предопределяет особенности формирования и развития публичного сектора экономики, который в самом общем виде определяется путем перечисления его субъектов, к которым относятся: обладающие правами юридических лиц органы государственной власти; органы местного самоуправления; государственные и муниципальные учреждения; государственные и муниципальные унитарные предприятия; государственные корпорации; хозяйственные общества, если общая доля Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в их уставном капитале превышает 50 процентов или составляет такую величину, которая обеспечивает указанным публично-правовым образованиям осуществление решающего влияния на действия таких обществ¹¹². Опираясь на рассуждения Е.А. Суханова о «необходимости обоснования и разработки современной системы организационно-правовых форм участия государства и других публичных собственников (регионов, муниципальных образований) в имущественном обороте»¹¹³, можно сделать вывод, что использование юридических лиц позволяет публично-правовым

¹¹¹ См.: Губин Е.П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: Автореф. дис ... докт. юрид. наук. М., 2005. С. 10.

¹¹² Кирпичев А.Е. Предпринимательские обязательства в публичном секторе экономики: Монография. М.: РГУП, 2017. С. 63.

¹¹³ Суханов Е.А. О гражданской правосубъектности государственных юридических лиц // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 8.

образованиям участвовать в экономике. При этом юридические лица и публично-правовые образования, будучи сами по себе субъектами права, объединены совместной деятельностью, обусловленной спецификой публичного сектора экономики. Поскольку публично-правовое образование специально создает юридические лица и (или) участвует в них, оно имеет не только публично-властную (политическую), но и экономическую заинтересованность в отношении деятельности конкретных субъектов права в рамках публичного сектора экономики. Следовательно, деятельность публично-правового образования в отношении юридических лиц в таком понимании является проявлением не публично-властных полномочий, а влиянием, регулируемым гражданским законодательством. Необходимость влияния публично-правового образования на деятельность юридических лиц публичного сектора экономики подчеркивает экономическую, организационную зависимость последних. Таким образом, обнаруживаются такие признаки аффилированности, как 1) включенность публично-правового образования в совместную деятельность с юридическим лицом и заинтересованность публично-правового образования в достижении результатов такой деятельности, а также 2) возможность публично-правового образования оказывать влияние на деятельность юридического лица в силу экономической и организационной зависимости последнего.

Указанные признаки дополняются тем, что между публично-правовым образованиями и юридическими лицами возникают определенные правоотношения. При этом, рассуждая о корпоративных юридических лицах, представляется, что они состоят со своими участниками (т.е. публично-правовыми образованиями) в корпоративных отношениях. В то же время В.А. Болдырев справедливо задается вопросом о том, «каким термином ... характеризовать отношения по поводу управления унитарными организациями?»¹¹⁴. Акцентируя внимание на таких отношениях, О.В. Гутников отмечает их управленческий корпоративный характер.

¹¹⁴ Болдырев В.А. Указ.соч. С. 209.

Указанный ученый обоснованно пишет, что «все правомочия собственника в отношении имущества, находящегося в хозяйственном ведении или в оперативном управлении, являются не правомочиями собственника, а правомочиями субъекта корпоративного управления в отношении юридического лица (учреждения или предприятия)»¹¹⁵. По мысли указанного ученого, отношения, связанные с управлением любым юридическим лицом можно отнести к корпоративным. Он обосновывает этот тезис отсутствием принципиальной разницы между управлением корпоративным и унитарным юридическими лицами, за исключением лишь той разницы, что в унитарных юридических лицах полномочия, связанные с управлением принадлежат одному лицу (учредителю, собственнику имущества), а в корпоративных юридических лицах полномочия по управлению принадлежат одновременно нескольким лицам, которые совместно участвуют в управлении юридическим лицом на уровне его высшего органа¹¹⁶. Ранее Н.В. Козлова также писала, что между любыми юридическими лицами и его учредителями, а также иными субъектами, которые осуществляют функции его органов управления, возникают корпоративные отношения, несмотря на то, что юридическое лицо может называться учреждением, то есть не быть корпорацией¹¹⁷. А.Е. Кирпичев также приходит к выводу, что «управленческие отношения по поводу осуществлений функций собственника имущества в отношении учреждений и унитарных предприятий имеют ту же правовую природу, что и корпоративные отношения»¹¹⁸. Представляется, что юридические лица и публично-правовые образования связаны правоотношениями, правовая природа которых позволяет квалифицировать их как корпоративные.

¹¹⁵ Гутников О.В. Государственные организации как субъекты корпоративных отношений: о допустимости участия в корпоративных отношениях унитарных юридических лиц // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 48.

¹¹⁶ Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х томах. Т. 1. Общие положения о юридических лицах /А.В. Габов, О.В. Гутников, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. С. 137. (автор – Гутников О.В.).

¹¹⁷ Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. С. 121.

¹¹⁸ Кирпичев А.Е. Участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в корпоративных и иных отношениях по поводу управления юридическими лицами // Российское правосудие. 2013. № 9. С. 57.

Управление имуществом, публичным сектором экономики в целом, предполагает, что публично-правовое образование должно иметь такую степень влияния в отношении зависимых юридических лиц, которая достаточна, как минимум, для блокирования принятия их решений. При ином подходе участие публично-правовых образований в управлении юридическими лицами представляется необоснованным и нецелесообразным. Исходя из вывода В.В. Ершова о различии правового и индивидуального регулирования общественных отношений¹¹⁹, а также о системе индивидуального регулирования общественных отношений, деятельность публично-правовых образований по поводу управления юридическими лицами представляется возможным рассматривать как индивидуальное регулирование, осуществляемое органами, которые уполномочены принимать решения в отношении юридических лиц. Тем самым индивидуальное регулирование публично-правовыми образованиями участия зависимых юридических лиц в гражданском обороте должно обеспечиваться механизмами, позволяющими, как минимум, блокировать принятие решений последних. Это характерно как для унитарных, так и для корпоративных юридических лиц, что соответствует выводу В.А. Болдырева, сделанному на основе исследования отечественного и зарубежного права, о «необходимости сохранения в отечественном праве двух моделей управления государственными юридическими лицами - корпоративной (предполагающей сложную структуру органов управления) и унитарной (базирующейся на принципе единоначалия)»¹²⁰. Выявленные признаки, характерные отношениям публично-правовых образований и юридических лиц свидетельствуют о возможности квалификации публично-правовых образований в качестве аффилированных лиц.

Признаки аффилированности обнаруживаются при анализе отношений публично-правовых образований с их подведомственными учреждениями.

¹¹⁹ См. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российское правосудие. 2013. № 4. С. 21.

¹²⁰ См.: Болдырев В.А. Модели управления юридическими лицами, учрежденными государством: опыт России, Китая и Норвегии // Право и экономика. 2012. № 11. С. 16.

Например, согласно ФЗ о некоммерческих организациях¹²¹ «государственные (муниципальные) задания для бюджетного учреждения в соответствии с предусмотренными его учредительными документами основными видами деятельности формирует и утверждает соответствующий орган, осуществляющий функции и полномочия учредителя»; «бюджетное учреждение не вправе отказаться от выполнения государственного (муниципального) задания» (п. 3 ст. 9.2); «бюджетное учреждение без согласия собственника не вправе распоряжаться особо ценным движимым имуществом, закрепленным за ним собственником или приобретенным бюджетным учреждением за счет средств, выделенных ему собственником на приобретение такого имущества, а также недвижимым имуществом» (п. 10 ст. 9.2); «крупная сделка может быть совершена бюджетным учреждением только с предварительного согласия соответствующего органа, осуществляющего функции и полномочия учредителя бюджетного учреждения» (п. 13 ст. 9.2).

Зависимыми от публично-правового образования являются и государственные (муниципальные) унитарные предприятия. Так, согласно п. 1 ст. 295 ГК РФ помимо решения вопросов создания предприятия, определения предмета и целей его деятельности, его реорганизации и ликвидации, назначения директора (руководителя) предприятия, собственник имущества осуществляет контроль за использованием по назначению и сохранностью принадлежащего предприятию имущества. Влияние на деятельность унитарного предприятия представляет собой форму управления государственным или муниципальным имуществом. Кроме того, ст. 20 ФЗ о государственных и муниципальных унитарных предприятиях¹²² и Постановление Правительства РФ от 03.12.2004 № 739¹²³ закрепляют

¹²¹ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. ст. 145.

¹²² Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // СЗ РФ. 2002. № 48. ст. 4746.

¹²³ Постановление Правительства РФ от 03.12.2004 № 739 (ред. от 05.05.2017) «О полномочиях федеральных органов исполнительной власти по осуществлению прав собственника имущества федерального государственного унитарного предприятия» // СЗ РФ. 2004. № 50. ст. 5074.

полномочия федерального органа исполнительной власти по осуществлению прав собственника имущества федерального унитарного предприятия.

Кроме того, ФЗ о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц¹²⁴ устанавливает общие принципы закупки товаров, работ, услуг и основные требования к закупке товаров, работ, услуг, в том числе, «хозяйственными обществами, в уставном капитале которых доля участия Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования в совокупности превышает пятьдесят процентов» (п. 1 ч. 2 ст. 1); «дочерними хозяйственными обществами, в уставном капитале которых более пятидесяти процентов долей в совокупности принадлежит указанным в пункте 1 настоящей части юридическим лицам» (п. 2 ч. 2 ст. 1); «дочерними хозяйственными обществами, в уставном капитале которых более пятидесяти процентов долей в совокупности принадлежит указанным в пункте 2 настоящей части дочерним хозяйственным обществам» (п. 3 ч. 2 ст. 1). В данном случае в законодательстве устанавливается особое правовое последствие зависимости, однако сама такая зависимость однозначно не называется аффилированностью. Это осложняет применение к данным отношениям иных гражданско-правовых последствий аффилированности. Представляется, что квалифицировать данные последствия как последствия аффилированности проблематично ввиду отсутствия прямого указания на аффилированность публично-правовых образований.

В то же время сами юридические лица признают наличие аффилированности. Например, согласно списку аффилированных лиц АО «Гарнизон» на отчетную дату 30 июня 2015 г. в состав аффилированных лиц данного юридического лица входит Российская Федерация в лице Министерства обороны Российской Федерации, которому принадлежит 100 % доля участия в уставном капитале и 100 % доля обыкновенных акций¹²⁵. Представляется, что аффилированность в подобных ситуациях существует

¹²⁴ Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. 1). ст. 4571.

¹²⁵ URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=23874>. (дата обращения: 03.04.2016).

объективно, однако, возможность применения ее последствий затрудняется. В данном случае представляется обоснованным признать аффилированность, но ограничить состав правовых последствий, которые применяются к публично-правовым образованиям в целях исключения неоднозначности в правоприменительной практике.

Признаки аффилированности с публично-правовыми образованиями обнаруживаются и в отношении других юридических лиц. Особую теоретическую проблему представляет правовая оценка полномочий Президента Российской Федерации, а также Правительства Российской Федерации в отношении государственных корпораций. Так, например, ст. 5 ФЗ о Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»¹²⁶ и ст. 5 ФЗ о Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос»¹²⁷ закрепляют ряд полномочий Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в отношении корпораций по вопросам назначения председателей и иных членов наблюдательного совета корпораций и прекращения их полномочий, генерального директора корпорации, порядка передачи корпорации имущественного вклада Российской Федерации, утверждения перечня федерального имущества, передаваемого корпорациям в качестве имущественного вклада Российской Федерации, программы деятельности корпораций на долгосрочный период, порядка отчисления средств на формирование специальных резервных фондов корпораций, а также принятия иных решений в отношении корпораций. Таким образом, Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации дают обязательные указания, формируют органы управления, решают имущественные вопросы и принимают иные решения, что характерно для описания влияния аффилированных лиц на деятельность юридических лиц.

Итак, действующее законодательство закрепляет закрытый перечень аффилированных лиц, которыми признаются физические и юридические лица,

¹²⁶ Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // СЗ РФ. 2007. № 49. ст. 6078.

¹²⁷ Федеральный закон от 13.07.2015 № 215-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). ст. 4341.

способные оказывать влияние на предпринимательскую деятельность юридического лица в связи с осуществлением полномочий органов юридического лица; в связи с принадлежностью к той группе лиц, к которой принадлежит юридическое лицо; в связи с правом распоряжаться более чем 20 процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли юридического лица.

Вместе с тем фактическое влияние на деятельность юридических лиц могут оказывать любые субъекты гражданского права, поскольку признание лица в качестве аффилированного имеет функциональное обоснование. Проведенное исследование показало, что публично-правовые образования также могут быть признаны аффилированными лицами, в частности, в отношении определенных юридических лиц, из которых формируется публичный сектор экономики.

В то же время отношения внутри группы лиц, предусмотренной антимонопольным законодательством, не всегда тождественны по признакам и правовым последствиям аффилированности, поскольку лицо, входящее в группу лиц, не всегда имеет возможность влияния на всех лиц, являющихся участниками соответствующей группы лиц. Квалификация лица, принадлежащего к той группе лиц, к которой принадлежит юридическое лицо, как аффилированного лица возможна лишь при наличии признаков его аффилированности.

1.3. ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СОСТОЯНИИ АФФИЛИРОВАННОСТИ

Как было отмечено в параграфе 1.1 настоящей диссертации, аффилированность как особая разновидность правовой связанности создает

потенциальную возможность аффилированного лица осуществлять влияние на деятельность юридических лиц. В связи с этим возникает необходимость исследования особенностей правоспособности таких юридических лиц, которые вынуждены осуществлять свою деятельность под влиянием других лиц.

Исходя из положений общей теории права, участники общественных отношений приобретают возможность вступать в правоотношения в силу правосубъектности, которая представляет собой признанную государством способность лица, которая позволяет ему выступать в качестве носителя юридических прав и обязанностей, а также самостоятельно или с помощью представителей осуществлять их и отвечать в случае их неправильной реализации¹²⁸. Следовательно, правосубъектность как теоретическая категория представляет собой качество, при наличии которого участник общественного отношения признается субъектом права.

В соответствии со ст. 49 ГК РФ участие юридического лица в гражданских правоотношениях в качестве субъекта права обусловлено наличием правоспособности как возможности иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительном документе, и нести связанные с этой деятельностью обязанности.

Несмотря на легальное определение правоспособности через родовое понятие «возможность», теоретические споры по поводу этого понятия не перестают быть актуальными. Так, С.Н. Братусь, будучи сторонником подхода, согласно которому правоспособность является особым правом, полагал, что правоспособность является общей предпосылкой правообладания для всех прав, которые в принципе могут быть у субъекта¹²⁹. Как разновидность данного подхода можно рассматривать подход И.В. Ершовой, которая понимает под предпринимательской правоспособностью необходимый элемент правосубъектности, который означает совокупность прав субъекта

¹²⁸ Витрук Н.В. К теории правосубъектности (правоспособности) как правоотношения // Избранное. Т. 1. Статьи. Доклады. Рецензии. 1963-1990. М.: РАП, 2012. С. 196.

¹²⁹ См.: Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. С. 6.

предпринимательской деятельности, которыми он наделяется в соответствии с законом и учредительным документом, а также в ряде случаев и на основании лицензии или членства в саморегулируемой организации¹³⁰. Логичным следствием рассмотрения правоспособности как совокупности прав является признание того, что эти права могут меняться, что означает изменение самой правоспособности.

При этом уместно вспомнить подход М.М. Агаркова, который понимал правоспособность динамически, полагая ошибочным представлять правоспособность статически и считать, что в любой момент лицо может оказаться субъектом любого гражданского правоотношения. Он писал, что гражданская правоспособность каждого конкретного лица в каждый определенный момент времени означает возможность иметь определенный комплекс прав и обязанностей, совокупность которых зависит от его взаимоотношений с другими субъектами права¹³¹. Различая такие характеристики правоспособности, как содержание и объем, В.А. Белов пишет, что содержание правоспособности определяется способностью приобретать, иметь (нести), осуществлять (исполнять, прекращать) и защищать (отвечать за нарушения) субъективные права (обязанностей), а также распоряжаться ими (как правами, так и обязанностями), в то время как конкретные субъективные права и обязанности (их род, вид) может иметь (нести) конкретный субъект определяют объем правоспособности¹³². Наличие у правоспособности динамических характеристик в виде содержания и объема предполагает возможность их изменения, например, возможность расширения объема правоспособности за счет приобретения конкретных субъективных прав. В этом смысле подход В.А. Белова является продолжением и развитием подхода М.М. Агаркова.

¹³⁰ Современное предпринимательское право: монография / отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2014. С. 196 (автор параграфа – Ершова И.В).

¹³¹ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. С.71-72.

¹³² См.: Белов В. А. Гражданское право. В 4 т. Т. II. Общая часть. В 2 кн. Книга 1. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 59-60.

Рассмотрение правоспособности как совокупности прав позволяет обнаружить спорность данного подхода, так как совокупность конкретных прав субъекта - это не сама способность иметь права, а такая совокупность прав, которая отражает значение другого понятия – правового положения юридического лица, ядро которого составляет «система юридических прав, свобод, обязанностей и законных интересов личности в их единстве, т.е. правовой статус»¹³³. В результате происходит некоторое смешение понятий правоспособности, совокупности прав, а также правового статуса.

Я.Р. Веберс считал, что правоспособность представляет собой субъективное право не потому, что она есть элемент, стадия развития иного субъективного права или заключает в себе в качестве компонентов содержания какие-либо иные субъективные права, или своим содержанием имеет конкретные субъективные права в обобщенном, абстрактном виде, а потому, что она (правоспособность) как право, которое принадлежит каждому гражданину, обладает самостоятельным содержанием, которое заключается в способности иметь субъективные права и обязанности¹³⁴. Таким образом, способность иметь права и обязанности рассматривается как содержание правоспособности как особого права. Рассмотрение правоспособности как особого права затрагивает вопрос о существовании правоотношений, содержанием которых было бы такое особое право (правоотношение по поводу правоспособности).

Действительно, некоторые ученые пришли к выводу, что правоспособность - это особое общее правоотношение с государством по поводу имени тех или иных прав. В рамках этого подхода правоспособность в механизме правового регулирования рассматривается как общее правоотношение.

Так, по мнению С.С. Алексеева, правоспособность оформляется в виде общих (общерегулятивных) отношений, которые характеризуются не

¹³³ Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 31-32.

¹³⁴ Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига: Издательство «ЗИНАТНЕ», 1976. С. 57.

индивидуализированной связью между конкретными лицами, а правовым состоянием, выражающим правовое положение субъектов права¹³⁵. Раскрывая значение общих (общерегулятивных) отношений, Н.И. Матузов, указывал на синонимичность понятий «общее правоотношение», «правовой статус», поясняя, что специфика общерегулятивных правоотношений состоит, в том числе в том, что они «выражают общее правовое положение (состояние, статус) субъектов, их взаимную обязанность и взаимную ответственность друг перед другом и перед государством; в этом смысле они являются статутными»¹³⁶. Вместе с тем при таком подходе правоспособность как общее правоотношение трудно отличить от правового положения (статуса), что также свидетельствует о смешении данных понятий.

Возражая против самой конструкции общерегулятивных отношений, Н.В. Витрук писал, что правоспособность сама по себе не есть право (или совокупность прав) и обязанность и не является отношением или правоотношением, но правоспособность является особым юридическим качеством (свойством) субъекта права. Это объясняется тем, что юридическое признание государством лица в качестве правосубъектного основано на признании у последнего относительно свободной воли, поскольку правовые нормы регулируют поведение лиц путем воздействия на их сознание и их волю¹³⁷. При таком понимании правоспособности принципиальным положением является то, что государство не дает право быть участником правоотношений, а признает возможность быть таковым.

В целом подход к правоспособности как особой возможности быть участником правоотношений получил широкое распространение в научной литературе. О.С. Иоффе писал, что правоспособность представляет собой общую способность иметь права и обязанности, поскольку правоспособность создает для конкретного лица, за которым она признается, абстрактную

¹³⁵ Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 1. Свердловск. 1963. С. 138, 139.

¹³⁶ Матузов Н.И. Общие правоотношения и их специфика // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 3. С. 31.

¹³⁷ Витрук Н.В. К теории правосубъектности (правоспособности) как правоотношения. С. 196.

возможность приобретения любого субъективного права¹³⁸. По мнению О.А. Красавчикова, правоспособность не является правом, а является именно способностью обладать субъективными правами и обязанностями¹³⁹. В.В. Лаптев также отмечал, что предпринимательская правоспособность, то есть правоспособность субъекта предпринимательского права, является способностью иметь права и обязанности, которые связаны с осуществлением и регулированием (организацией) предпринимательской деятельности¹⁴⁰. Таким образом, правоспособность юридического лица можно рассматривать как свойство участника общественных отношений (организации), благодаря которому он признается субъектом права.

В то же время само по себе наличие правоспособности юридического лица автоматически не означает участие в правоотношениях, поскольку чтобы иметь права и нести обязанности юридическое лицо должно реализовывать правоспособность. При этом реализация правоспособности юридического лица имеет отличительные черты в сравнении с реализацией правоспособности физического лица.

Что касается физических лиц, то их участие в гражданском обороте обусловлено наличием у них гражданской дееспособности как способности гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (ст. 21 ГК РФ). Возможность ограничения дееспособности и признания гражданина недееспособным, не затрагивая его правоспособности, позволяет говорить, что у гражданина правоспособность и дееспособность отделены.

Конструкция юридического лица не позволяет в полной мере применять правила о дееспособности по аналогии с дееспособностью гражданина. Как отмечал С.С. Алексеев, спецификой правосубъектности организаций является невозможность разделения правосубъектности на такие отдельные элементы, как правоспособность и дееспособность. Он указывает на немыслимость такой

¹³⁸ Иоффе О.С. Указ. соч. С. 635.

¹³⁹ См.: Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 89.

¹⁴⁰ Лаптев В.В. Указ соч. С. 26.

ситуации, когда организация обладала бы правоспособностью, т.е. способностью иметь субъективные юридические права и обязанности, но была бы лишена дееспособности, то есть способности самостоятельно их осуществлять¹⁴¹. В современной учебной литературе отмечается, что возникновение юридического лица как субъекта права обусловлено обладанием правоспособностью и дееспособностью¹⁴². Н.В. Козлова также признает существование дееспособности юридического лица, но вместе с тем она обращает внимание на отсутствие легального определения дееспособности юридического лица в гражданском законодательстве Российской Федерации, предполагая, что дееспособность юридического лица реализуется посредством деятельности его органов управления, которые образованы из людей¹⁴³. В этом смысле даже признание дееспособности в ее единстве с правоспособностью за юридическим лицом все-равно не позволит приравнять ее с дееспособностью гражданина. Вместе с тем сам по себе вопрос о наличии у юридического лица дееспособности является спорным.

Пытаясь решить эту проблему, В.К. Андреев пишет, что утверждение о возникновении дееспособности одновременно с правоспособностью юридического лица неверно: «ее (то есть дееспособности. - А.Е.) нет у юридического лица, а есть компетенция его органов»¹⁴⁴. По мнению указанного ученого, «правоспособность корпорации как основного субъекта предпринимательского права взаимодействует с компетенцией органа корпорации как самостоятельного субъекта, ее осуществляющего»¹⁴⁵. На компетенцию органов юридического лица в процессе реализации правоспособности юридического лица указывает и Д.В. Ломакин, отмечая неразрывную связь компетенции органов акционерного общества с правоспособностью юридического лица, поскольку компетенция является

¹⁴¹ Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. С. 288.

¹⁴² Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгалов. Т. 1. М.: Статут, 2017. С. 118.

¹⁴³ Козлова Н.В. Указ. соч. С. 35.

¹⁴⁴ Андреев В.К., Кирпичев А.Е. Юридические лица. Введение в корпоративное право. М.: РАП, 2014. С. 22. (автор главы – Андреев В.К.).

¹⁴⁵ Андреев В.К. Предпринимательское (хозяйственное) право в современных условиях // Избранное. М.: РГУП, 2017. С. 46.

правовым средством, с помощью которого права и обязанности юридического лица преобразуются в полномочия его органов¹⁴⁶. Приведенные подходы свидетельствуют о том, что органы юридического лица играют значительную роль в реализации правоспособности юридического лица, хотя и не только они могут ее реализовывать, поскольку в редких случаях в Гражданском кодексе Российской Федерации предусматривается, что правоспособность юридических лиц реализуется через участников такого юридического лица. Например, исходя из смысла п. 1 ст. 72 ГК РФ каждый участник полного товарищества вправе действовать от имени товарищества, если учредительным договором не установлено, что все его участники ведут дела совместно или ведение дел поручено отдельным полным товарищам¹⁴⁷. Как представляется, данное замечание скорее является исключением из общего правила о реализации правоспособности юридического лица через его органы.

Действительно, участие юридических лиц в гражданском обороте обусловлено их собственной правоспособностью, но согласно п. 1 ст. 53 ГК РФ по общему правилу «юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом». Следовательно, влияние аффилированных лиц на юридическое лицо осуществляется через влияние на органы такого юридического лица.

В научной литературе сформировалось несколько подходов к пониманию сущности органа юридического лица. Отечественная правовая доктрина выработала следующие основные теории органа юридического лица: орган как часть юридического лица, как его представитель и как самостоятельный субъект права.

Так, Е.В. Богданов, Г.В. Цепов, Э.Ю. Матвеева и другие склоняются к признанию за органом юридического лица статуса представителя юридического

¹⁴⁶ Ломакин Д.В. Гражданско-правовые аспекты деятельности совета директоров акционерного общества // Хозяйство и право. 2010. № 1. С. 26.

¹⁴⁷ Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. С. 123. (автор параграфа – Гонгало Б.М.).

лица¹⁴⁸. Однако большинство авторов поддерживают подход, согласно которому орган юридического лица является его частью¹⁴⁹. Критически оценивая существующие теории органа юридического лица, В.К. Андреев пишет, что «орган юридического лица обладает компетенцией, определенной законом и учредительным документом, выступает как самостоятельный субъект права, создавая, изменяя и прекращая права и обязанности юридического лица своими действиями»¹⁵⁰. При этом оценка теорий органа юридического лица, состоящего в аффилированности, невозможна без обращения к анализу специального законодательства.

Как отмечалось в предыдущем параграфе, в Законе РСФСР о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках закреплено, что аффилированными лицами юридического лица являются член его Совета директоров (наблюдательного совета) или иного коллегиального органа управления, член его коллегиального исполнительного органа, а также лицо, осуществляющее полномочия его единоличного исполнительного органа; участник с определенным количеством голосов и т.д. Таким образом, в процессе управления юридическим лицом участвует не орган как таковой, а аффилированные лица, которые принимают участие в осуществлении полномочий конкретного органа в пределах его компетенции.

В связи с тем, что орган юридического лица создается только в целях обеспечения функционирования конкретного юридического лица, его действительная сущность раскрывается в рамках теории органа как части юридического лица, основные постулаты которой сводятся к следующим положениям: во-первых, орган юридического лица представляет собой организационно оформленную часть юридического лица, представленную или

¹⁴⁸ См.: Богданов Е.В. Правовое положение органа юридического лица // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 113; Цепов Г.В. Понятие органа юридического лица по российскому законодательству // Правоведение. 1998. № 3. С. 91; Матвеева Э.Ю. Правовой статус органа юридического лица // Юрист. 2013. № 7. С. 25.

¹⁴⁹ См. Черепухин Б.Б. Органы и представители юридического лица // Труды по гражданскому праву. М., 2001. С. 468 – 477; Ломакин Д.В. Общие положения об органах акционерного общества // Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. М., 2005. С. 93 – 95; Сумской Д.А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2007. С. 43; Лескова Ю.Г. К вопросу об особенностях системы органов саморегулируемой организации // Вестник Евразийской академии административных наук. 2012. № 3. С. 88.

¹⁵⁰ Андреев В.К., Кирпичев А.Е. Указ. соч. С. 24-25. (автор главы – Андреев В.К.).

одним, или несколькими физическими лицами; во-вторых, орган юридического лица создается в соответствии со специальным порядком, который определяется законом и учредительным документом юридического лица; в-третьих, органу юридического лица свойственно наличие определенных полномочий, которые реализуются в рамках его компетенции; в-четвертых, процесс и итоги волеобразования и волеизъявления юридического лица оформляется путем принятия специальных актов управления органов юридического лица¹⁵¹. Из описанного подхода следует, что орган представляет собой часть юридического лица, с помощью которого лица, осуществляющие полномочия органов юридического лица, управляют юридическим лицом. Орган юридического лица позволяет обозначить единоличный или коллективный характер деятельности лиц, осуществляющих полномочия органов юридических лиц и определить их полномочия. Именно поэтому гражданско-правовую ответственность несет не орган как самостоятельный субъект права, а лицо, которое осуществляет полномочия, связанные с управлением юридическим лицом в пределах компетенции, закрепленной за органом. Таким образом, под деятельностью органов в итоге понимается деятельность тех или иных лиц, осуществляющих полномочия органов.

В связи с тем, что управление юридическим лицом осуществляется не органом как таковым, а «через» орган иными лицами, в том числе и аффилированными, уместно привести более точную позицию О.В. Гутникова о том, что «любой орган юридического лица – это по сути всего лишь технико-юридическое обозначение определенных компетенций и набора полномочий, которые осуществляют назначенные в установленном порядке лица, составляющие этот орган и выполняющие его функции»¹⁵². Оставляя орган фактически частью юридического лица, указанный ученый подчеркивает его функциональную сущность, благодаря которой обеспечивается управление юридическим лицом со стороны, в том числе, аффилированных лиц. Таким

¹⁵¹ См.: Могилевский С.Д. Органы управления хозяйственными обществами: Правовой аспект: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2001. С. 110.

¹⁵² Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 57.

образом, юридическое лицо самостоятельно осуществляет правоспособность, своими органами (исключение – хозяйственные товарищества). Участие юридического лица в обороте обусловлено деятельностью его органов в пределах компетенции, которая осуществляется аффилированными лицами, входящими в состав этих органов или имеющими возможность влиять иначе на уровне деятельности этих органов.

Если воспринимать аффилированность как часть незавершенного юридического (фактического) состава, то получается, что «реализованная часть фактического состава создает для лица, в пользу которого она установлена, возможность приобретения не всякого, а лишь такого права, юридическим основанием которого данный состав является. При этом реализация правовой возможности может зависеть не только от действий лица, приобретающего права и обязанности (а именно в этом усматривают существо прообраза права сторонники этого понятия), но и от действий других лиц или даже от внешних событий, если только они составляют недостающую часть фактического состава»¹⁵³. Таким образом, при наличии аффилированности реализация правоспособности юридического лица, связанная с участием юридического лица в гражданском обороте, во многом зависит от деятельности аффилированных лиц, влияющих на юридическое лицо через его органы в пределах определенной компетенции и способных завершать накопление юридического (фактического) состава.

Используя понятие «компетенция» в отношении органов юридического лица, необходимо отметить, что оно изначально рассматривалось в публично-правовом аспекте. Опираясь на публичный характер компетенции, Ю.С. Харитонова указывает на нецелесообразность определения прав, обязанностей и функций органа юридического лица с помощью понятия компетенции, отмечая, что компетенция публично-правового образования (или его органов) имеет особую природу и источник происхождения, в отличие от права и обязанностей органов юридических лиц, в том числе и применительно к

¹⁵³ Иоффе О.С. Указ. соч. С. 635.

случаям, когда в гражданском обороте участвуют публично-правовые образования, поскольку их органы выступают в качестве частных лиц, на что специально указывается в ГК РФ¹⁵⁴. В.В. Лисицын также указывает на отсутствие легальных оснований для использования в научном обороте (в сфере частного права) термина «хозяйственная компетенция»¹⁵⁵. Однако активное использование в гражданском законодательстве понятия компетенции (п. 1 ст. 53 ГК РФ, ст. 65.3 ГК РФ, ст. 67.1 ГК РФ, ст. 67.2 ГК РФ и др.) побудило Ю.С. Харитонову полагать, что «понятие компетенции, используемое в корпоративном праве, заимствовано в административном праве и чуждо сфере частного права»¹⁵⁶. Тем самым, несмотря на прямое закрепление в гражданском законодательстве понятия компетенции, в теории указывается на чуждость данного понятия сфере частного права. Вместе с тем конструктивным видится возможность объяснения заимствования понятия компетенции из публичного права тем, что понятие «компетенция» обладает общими признаками как в административном, так и в корпоративном (и в целом частном) праве.

Действительно, понятие компетенции характеризуется не только и не столько ее публичной природой, сколько функциональностью. Существенной чертой компетенции является не ее публичность, а возможность отражать процесс управления определенным объектом. Так, Ю.А. Тихомиров пишет, что, несмотря на публичность института компетенции, данный институт как таковой оказался типичным для всех структур управления. Он указывает, что «корпоративные структуры, отличающиеся от государственных структур иными формами собственности и порядком ведения дел и управления, воспринимают общие компетенционные элементы»¹⁵⁷. Представляется, что компетенция характеризует предмет ведения и полномочия не с точки зрения их принадлежности субъекту, действующему в публичной сфере, а с точки

¹⁵⁴ Харитонова Ю.С. Указ. соч. С. 136.

¹⁵⁵ См.: Лисицын В.В. К вопросу о «хозяйственной компетенции» // Адвокатская практика. 2005. № 6. С. 36.

¹⁵⁶ Харитонова Ю.С. Указ. соч. С. 138.

¹⁵⁷ Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М.: Издание г-на Тихомирова М.Ю. 2001. С. 209.

зрения процесса управления, который характерен, в том числе, для корпоративных структур, в предпринимательских объединениях.

Формулируя определение понятия компетенции, С.Д. Могилевский пишет, что под ней понимается «совокупность установленных законом или иным правовым актом прав, позволяющих органам юридического лица осуществлять определенные действия по решению вопросов его внутренней организации и по его представлению вовне, реализуя при этом волю самого юридического лица, и тем самым приобретать от имени и для него гражданские права и принимать от его имени гражданские обязанности»¹⁵⁸. Различия в компетенции позволяют идентифицировать тот или иной орган юридического лица как элемент системы, которую образуют органы.

На проблему формирования и деятельности систем обращается серьезное внимание в философской литературе. Описывая операции систем, в частности, социальных, Н. Луман приходит к выводу, что эволюция неизбежно ведет к замыканию систем, к возникновению общего порядка, способствующего сохранению закрытых систем. При этом под закрытостью социальных систем он понимал только оперативную закрытость. Система закрывается от комплексности и разрушающего влияния окружающей среды. Таким образом, система не вступает в непосредственный контакт с окружающей средой, а создает возможности собственных операций через результаты собственных операций¹⁵⁹. Подчеркивая системную обусловленность функционирования органов юридического лица, С.М. Алтухова пишет, что все органы юридического лица образуют определенную систему, в которой структурные элементы подчинены и связаны единой целью, взаимодействуют друг с другом и оказывают друг на друга взаимное влияние¹⁶⁰. В связи с этим существование органов юридического лица с определенной компетенцией как элементов системы представляет собой внутреннюю структуру юридического лица, с

¹⁵⁸ Могилевский С.Д. Органы управления хозяйственными обществами: Правовой аспект. С. 115.

¹⁵⁹ См. Луман Н. Указ. соч. С. 102; Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Весь Мир, 2007. С. 53.

¹⁶⁰ Алтухова С.М. Правовой статус единоличного исполнительного органа юридического лица // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2011. № 2. С. 172.

помощью которой юридическое лицо вступает в правоотношения с другими субъектами права, в том числе с аффилированными лицами.

В то же время при рассмотрении влияния аффилированности на реализацию правоспособности юридического лица обращает на себя внимание то, что аффилированность подразумевает управление деятельностью юридического лица. И.С. Шиткина делит органы юридического лица по характеру выполняемых функций на органы управления (руководящие и исполнительные) и контрольные. При этом к первым относятся такие органы, как общее собрание акционеров (участников), то есть высший орган управления, совет директоров и исполнительные органы¹⁶¹, что дает основания для выделения подсистемы органов управления юридического лица, на уровне которой аффилированные лица могут участвовать в управлении.

Системная организация органов управления предполагает их упорядоченность, иерархичность. В соответствии с этим в ст. 65.3 ГК РФ, имеющий название «Управление в корпорации», описывается иерархия (уровни) органов управления корпоративного юридического лица.

Высшим органом корпорации является общее собрание ее участников. В некоммерческих корпорациях и производственных кооперативах с числом участников более ста высшим органом может являться съезд, конференция или иной представительный (коллегиальный) орган, определяемый их уставами в соответствии с законом (п. 1 ст. 65.3 ГК РФ).

В корпорации может быть образован в случаях, предусмотренных ГК РФ, другим законом или уставом корпорации, коллегиальный орган управления (наблюдательный или иной совет), контролирующей деятельность исполнительных органов корпорации и выполняющий иные функции, возложенные на него законом или уставом корпорации (п. 4 ст. 65.3 ГК РФ).

В корпорации образуется единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор, председатель и т.п.) (абз. первый п. 3 ст. 65.3 ГК РФ).

¹⁶¹ Корпоративное право: учебный курс / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: КНОРУС, 2015. С. 559-560.

В случаях, предусмотренных ГК РФ, другим законом или уставом корпорации, в корпорации образуется коллегиальный исполнительный орган (правление, дирекция и т.п.) (абз. второй п. 3 ст. 65.3 ГК РФ).

Как можно заметить, эта иерархия органов управления как раз совпадает с тем перечнем органов юридического лица, на уровне которых может возникать аффилированность (ст. 4 Закона о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках, ст. 9 ФЗ о защите конкуренции).

В то же время в законодательстве иерархия органов в унитарных юридических лицах не всегда конкретно определена. Например, возникает вопрос о сущности высшего органа унитарного юридического лица. Отмечая, что некоторые юридические лица не имеют явно выраженных высших органов управления, С.М. Соловьева на примере унитарного предприятия, учреждения, государственной корпорации, государственной компании, фонда и автономной некоммерческой организации пишет, что функции и полномочия высших органов управления в данных юридических лицах сосредоточены у их учредителей¹⁶². Следовательно, такой подход позволяет называть лиц, которые способны на уровне высшего органа юридического лица осуществлять влияние на деятельность унитарного юридического лица, аффилированными, к числу которых можно отнести, в том числе и публично-правовые образования, выступающие в качестве учредителей соответствующих юридических лиц.

Подводя итог по настоящему параграфу, можно сделать следующие выводы.

Из различных подходов к пониманию правоспособности юридического лица, рассматривающих ее как особое право, как совокупность прав, как общерегулятивное правоотношение или как свойство участника общественных отношений (организации), благодаря которому он признается субъектом права, наиболее убедительной представляется последний подход.

¹⁶² Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х томах. Т. 1. С. 238-239. (автор главы – Соловьева С.М.).

Наличие правоспособности юридического лица предполагает ее реализацию, то есть приобретение гражданских прав и принятие на себя гражданских обязанностей, в силу чего юридическое лицо участвует в гражданском обороте. Значительную роль в реализации правоспособности юридического лица играют органы юридического лица, представляющие собой части юридического лица, с помощью которых лица, осуществляющие их полномочия, управляют юридическим лицом. При этом реализация правоспособности юридического лица зависит от деятельности аффилированных лиц, влияющих на юридическое лицо через его органы управления в пределах определенной компетенции.

Сравнивая влияние аффилированных лиц через органы управления корпоративного и унитарного юридических лиц, выявляется разница в структуре самих органов данных юридических лиц, что, однако, не меняет правовой природы аффилированности в отношении аффилированных лиц с корпоративной и унитарной организацией, поскольку создается возможность осуществления влияния на уровне органов как тех, так и других разновидностей юридических лиц. Таким образом, аффилированные лица могут быть как у корпоративных, так и у унитарных юридических лиц, однако отличие аффилированности корпоративных юридических лиц от унитарных заключается в органах, на уровне которых возникает аффилированность.

ГЛАВА 2. ОСНОВАНИЯ АФФИЛИРОВАННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

2.1. КЛАССИФИКАЦИЯ ОСНОВАНИЙ АФФИЛИРОВАННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Будучи разновидностью правовой связанности, аффилированность возникает на основании конкретных жизненных обстоятельств, с которыми право связывает свое действие. В соответствии с общетеоретическим подходом различные «жизненные условия, обстоятельства, факты, которые признаются значимыми в юридическом отношении и которые в обязательном порядке влекут за собой юридические последствия»¹⁶³ являются юридическими фактами. Признание аффилированности в ст. 53.2 ГК РФ обуславливает актуальность определения оснований ее возникновения.

В правовой доктрине сформировалось два подхода к способу выявления аффилированности: по фактическим обстоятельствам и по формальным, закрепленным в законодательстве.

Признание субъектов права в качестве аффилированных лиц сталкивается с проблемой оснований, в соответствии с которыми лицо признается аффилированным. К.В. Городулин полагает необходимым следовать подходу о квалификации аффилированности по фактическому содержанию. Он пишет о возможности установления аффилированности в судебном порядке по ходатайству уполномоченного лица, даже если по формальному признаку лицо не подпадает ни под одну из разновидностей аффилированных лиц по законодательству Российской Федерации¹⁶⁴. Исследуя зарубежный опыт, Л.Д. Эбралидзе также указывает на необходимость закрепления в законе права суда исследовать такие фактические обстоятельства, которые свидетельствовали бы о возможности либо невозможности участника

¹⁶³ Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. М.: ТК Велби, Проспект, 2004. С. 601.

¹⁶⁴ См.: Городулин К.В. Указ. соч. С. 94.

юридического лица оказывать влияние на принятие юридическим лицом управленческих решений, независимо от формальных признаков, которые перечислены в законе¹⁶⁵. В целом, данные точки зрения отражают подход, при котором аффилированность можно устанавливать по фактическим обстоятельствам. Однако указанные авторы наделяют правом признавать аффилированность только суд. Представляется, что признание аффилированности в рамках правоприменения может осуществляться не только судом, но и антимонопольным органом, Банком России и т.д. Общая характеристика данного подхода сводится к тому, что закрепить в норме все разновидности экономических связей невозможно, поскольку экономическая и иная социальная зависимость в силу развития общественных отношений может возникать в изменяющихся формах, которые не сразу воспринимаются и закрепляются в законодательстве.

Напротив, формальный подход не позволяет устанавливать аффилированность по основаниям, не закрепленным в законодательстве, исходя из того, что аффилированность имеет системный характер, представляя собой системную связь лиц, которая существует независимо от ситуативных внешних и внутренних факторов. Так, Е.А. Суханов полагает, что квалификация аффилированности по фактическим признакам повлечет неопределенность субъектов гражданского оборота¹⁶⁶. Таким образом, сторонники данного подхода обосновывают признание аффилированности по формальным критериям необходимостью соблюдения принципа определенности права при регулировании устойчивых, системных правовых связей субъектов права.

Рассуждая о соотношении формального и фактического подхода к основаниям аффилированности, А.В. Габов отмечает явную необоснованность подхода квалификации аффилированности по фактическим основаниям, но в то же время он приходит к выводу, что «путь формального описания отношений

¹⁶⁵ Эбралидзе Л.Д. Признание акционера аффилированным по отношению к акционерному обществу в праве России и США // Международное публичное и частное право. 2013. № 4. С. 44.

¹⁶⁶ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. С. 249 – 254.

аффилированности, выбранный в антимонопольном законе изначально тупиковый и неверный: описать все значимые связи лица просто невозможно»¹⁶⁷.

Оригинальный подход был предложен в Концепции развития корпоративного законодательства, где содержалось положение о необходимости «конкретизировать перечень оснований аффилированности и разработать четкие критерии отнесения тех или иных лиц к аффилированным лицам, включив соответствующие нормы в акты корпоративного законодательства. При этом необходимо дифференцировать круг аффилированных лиц в зависимости от целей различных правовых институтов»¹⁶⁸.

В этой связи уместно рассмотреть определенную эволюцию научного взгляда И.С. Шиткиной на основания аффилированности. В 2010 году она выступала за дифференцированный подход к установлению оснований аффилированности, указывая на проблематичность понимания и применения в конкретных целях открытого перечня оснований аффилированности, особо заостряя внимание на том, что открытый перечень оснований аффилированности не позволит надлежащим образом раскрывать информацию об аффилированных лицах¹⁶⁹. В 2016 году она высказалась о целесообразности использования понятия «аффилированные лица» с учетом судебного усмотрения, имея в виду, что при наличии примерного перечня оснований, судам должно принадлежать право «устанавливать связанность с учетом всех фактических обстоятельств»¹⁷⁰. Таким образом, И.С. Шиткина, по сути, признала необходимость установления аффилированности по фактическим обстоятельствам.

¹⁶⁷ Габов А.В. Регулирование аффилированности в гражданском законодательстве: проблемы и перспективы. С. 29.

¹⁶⁸ Концепция развития корпоративного законодательства на период до 2008 года // URL: <http://ilts.ru/files/file38.pdf> (дата обращения: 13.03.2017).

¹⁶⁹ См.: Шиткина И.С. Правовое регулирование экономической зависимости. С. 42.

¹⁷⁰ Шиткина И.С. Межотраслевая унификация понятий, обозначающих экономическую зависимость, вовсе не обязательна // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 4. С. 15.

Такой вывод о квалификации аффилированности по фактическим обстоятельствам может быть обоснован перспективами правового регулирования аффилированности, в том числе и в сфере раскрытия информации об аффилированных лицах. Например, согласно п. 4 ст. 93 ФЗ об акционерных обществах акционерное общество обязано вести учет его аффилированных лиц и представлять отчетность о них в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации¹⁷¹. В настоящее время порядок, сроки и форма обязательного раскрытия информации об аффилированных лицах акционерного общества определены рядом подзаконных актов, в число которых входят следующие: Порядок предоставления бирже списка аффилированных лиц хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение на соответствующем товарном рынке, аккредитованным и (или) участвующим в торгах (в том числе путем подачи заявок на участие в торгах брокеру, брокерам)¹⁷², Положение о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг¹⁷³, Положение о порядке ведения учета и представления информации об аффилированных лицах кредитных организаций¹⁷⁴. Исследование представленных документов позволяет сделать вывод, что раскрытие информации осуществляется по формально определенным основаниям.

В то же время в современных условиях активно обсуждаются варианты отхода от раскрытия информации по формальным основаниям. Как отмечается Банком России «объем раскрываемой информации оценивается эмитентами и инвесторами, с одной стороны, как избыточный, а с другой – как не охватывающий все существенные аспекты деятельности компании, влияющие на принятие инвестиционных решений», поэтому «требуется внесение

¹⁷¹ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. ст. 1.

¹⁷² Приказ ФАС России от 26.06.2012 № 409 (ред. от 05.09.2013) «Об утверждении Порядка предоставления бирже списка аффилированных лиц хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение на соответствующем товарном рынке, аккредитованным и (или) участвующим в торгах (в том числе путем подачи заявок на участие в торгах брокеру, брокерам)» // Российская газета. 2012. 15 августа.

¹⁷³ Положение о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг (утв. Банком России 30.12.2014 № 454-П) (ред. от 27.09.2017) // Вестник Банка России. 2015. № 18 - 19.

¹⁷⁴ Положение о порядке ведения учета и представления информации об аффилированных лицах кредитных организаций (утв. Банком России 20.07.2007 № 307-П) (ред. от 09.02.2016) // Вестник Банка России. 2007. № 52.

изменений в законодательство в части установления правил, регулирующих раскрытие информации на рынке ценных бумаг. В рамках этих изменений предполагается переход от раскрытия информации на основе формальных критериев к раскрытию информации, основанному на принципе «существенности»¹⁷⁵. Несмотря на возможные риски, подход к раскрытию информации, в том числе и об аффилированных лицах, основанный на принципе существенности информации позволит приблизить российскую систему раскрытия информации к практике стран с развитыми финансовыми рынками - США, Великобритании, стран континентальной Европы¹⁷⁶. Таким образом, подход, согласно которому перечень оснований аффилированности для целей раскрытия информации об аффилированных лицах должен быть открытым, представляет собой проявление тенденции современного развития правового регулирования раскрытия информации об аффилированных лицах.

Несмотря на то, что законодательно данная тенденция не получила закрепления, уместно подчеркнуть, что в упоминавшемся ранее проекте Федерального закона № 47538 - 6 предлагалось предоставить суду право признавать отсутствие или наличие аффилированности между лицами, несмотря на закрепленный перечень аффилированных лиц (ст. 1 законопроекта, п.п. 3, 4 ст. 53.2 ГК РФ в редакции законопроекта). Таким образом, можно сделать вывод об активном обсуждении возможности и необходимости признания аффилированности по фактическим основаниям.

Квалификация аффилированности по фактическим основаниям соответствует современной парадигме правоприменения. Рассматривая влияние правопонимания на процесс правоприменения, В.Н. Корнев отмечает необходимость постепенного перехода от юридического позитивизма к юриспруденции оценок, которая «даёт возможность судье при принятии решения осуществлять поиск таких стандартов, которые давали бы

¹⁷⁵ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов (Одобрено Советом директоров Банка России 26.05.2016). М.: Центральный Банк Российской Федерации, 2016. С. 41.

¹⁷⁶ Опрос. Что думают эмитенты про переход на «существенность»? // Вестник Центра раскрытия корпоративной информации. 2017. № 43. С. 2.

возможность провести оценку норм позитивного права с целью защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц»¹⁷⁷. Такой подход позволяет выявлять аффилированность путем оценки существующих фактов с признаками аффилированности.

На необходимость оценки фактических оснований аффилированности указал Верховный Суд Российской Федерации, сделав вывод о возможности доказывать наличие фактической аффилированности между заемщиком и гарантирующим лицом любыми не запрещенными процессуальным законом средствами, имея в виду, что два юридических лица хотя и не входят в одну группу лиц, но имеют в числе дебиторов одних и тех же лиц, у данных предприятий пересекаются основные виды деятельности, полученные кредитные средства расходовались и на обеспечение нужд поручителя (в том числе путем получения от заемщика и его учредителя беспроцентных займов), принадлежащая заемщику продукция отгружалась со складов поручителя; два юридических лица выступали взаимными кредиторами и дебиторами друг друга; заявления о банкротстве обеих компаний по упрощенной процедуре были поданы в один день. По мнению судебной коллегии по экономическим спорам, совокупность указанных обстоятельств могло подтвердить фактическую аффилированность организаций¹⁷⁸. Данный подход представляется дискуссионным, поскольку такие фактические отношения не показывают механизм влияния одного юридического лица на другое. Однако, несмотря на спорность такого подхода, в целом из приведенного судебного акта можно сделать вывод о необходимости оценки фактов, а не автоматического подведения факта под норму права путем логического силлогизма.

Открытый перечень влияющих лиц, которые соответствуют признакам аффилированности, позволит учитывать не только устойчивые отношения экономической зависимости, на которые особое внимание обращают сторонники формального подхода, но и ситуативные отношения

¹⁷⁷ Корнев В.Н. Философские и правовые основания понимания и применения международного и внутригосударственного права // Российское правосудие. 2011. № 4. С. 36.

¹⁷⁸ Определение Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 по делу № А53-885/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

аффилированности. Таким образом, можно сделать вывод о необходимости открытого перечня оснований аффилированности с закреплением конкретных оснований для специальных целей, например, выявление отношений между основным юридическим лицом и дочерним хозяйственным обществом. Для правоприменения важно, чтобы определенными были понятие аффилированности и ее признаки, в то время как устанавливать аффилированность необходимо по фактическим основаниям, которые выражаются в различных по своему содержанию жизненных обстоятельствах, оценка которых позволит принять решение о том, насколько фактические основания соответствуют признакам аффилированности.

Вместе с тем квалификация аффилированности по фактическим обстоятельствам актуализирует проблему выявления и классификации оснований, которые могут свидетельствовать об аффилированности. С точки зрения логики, классификация представляет собой «распределение предметов по группам (классам), где каждый класс имеет свое постоянное, определенное место»¹⁷⁹. О.А. Красавчиков указывал на то, что «для проведения любой классификации должен быть избран какой-то определенный признак. При сопоставлении различных явлений становится возможным разграничить их по этому признаку. Разграничивая полученные группы на определенные подгруппы по избранному нами признаку, мы устанавливаем отношения соподчинения»¹⁸⁰. Только при таких условиях классификация позволяет исследовать различные по своей сущности основания аффилированности и представить их в виде определенной схемы, определить общие черты и свойства явлений, которые выделяются в одну группировку на основании определенного классификационного критерия, а с практической точки зрения позволяет использовать классификацию оснований для выявления аффилированности и единообразно применять принципы и нормы к отношениям, возникшим из одинаковых юридических фактов.

¹⁷⁹ Антюшин С.С., Михалкин Н.В. Логика: учебное пособие. М.: РАП, 2013. С. 41.

¹⁸⁰ Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 134.

В научной литературе сформировался достаточно устоявшийся подход к классификации оснований аффилированности. И.В. Григораш указывает на четыре формы зависимости: «это зависимость имущественно-финансового характера, договорного, личного и организационного. Они разделяются по основанию возникновения «прав контроля» у одного лица по отношению к другому. Их сущность в структуре отношений между субъектами зависимости – т.е. в механизме и орудиях контроля одного лица над другим»¹⁸¹. Рассматривая основания аффилированности, И.С. Шиткина приводит похожий перечень, полагая, что «причиной зависимости одного самостоятельного субъекта предпринимательской деятельности от другого с точки зрения законодательства могут быть отношения различного рода:

- имущественные, основанные на преобладающем участии в уставном капитале хозяйственного общества;
- договорные, основанные на наличии договорных обязательств, позволяющих одной стороне определять условия ведения предпринимательской деятельности другой стороной (например, договор кредита с залогом имущества);
- организационно-управленческие, в частности, основанные на участии физических лиц в органах управления юридических лиц;
- родственные»¹⁸².

В целом приведенный перечень оснований действительно отражает всю совокупность возможных обстоятельств, влекущих аффилированность. В то же время анализ приведенных оснований аффилированности не позволяет выявить определенный критерий для их классификации. Например, представляется неясным основание аффилированности при приобретении по договору акций, наличие которых позволяет говорить о преобладающем участии в уставном капитале. С одной стороны, данное основание можно квалифицировать как

¹⁸¹ Григораш И.В. Зависимые юридические лица в гражданском праве: опыт сравнительно-правового исследования. С. 12.

¹⁸² Корпоративное право: учебный курс: учебник / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: КНОРУС, 2015. С. 658. (автор главы – Шиткина И.С.).

имущественное, а с другой стороны, как договорное. Неопределенность критериев классификации оснований аффилированности обуславливает отсутствие четкой связи основания аффилированности с местом и ролью аффилированного лица в системе управления юридическим лицом. Признание лиц аффилированными без учета основания аффилированности способствует восприятию самого юридического лица как образования, не имеющего внутренней структуры, уровней органов управления. Как следствие, создаются теоретические основания усомниться в необходимости сохранении юридического лица как самостоятельного субъекта права, поскольку такая конструкция может быть воспринята как определенный промежуточный элемент в отношениях участников оборота, а том числе аффилированных лиц, кредиторов и т.д., что характерно для зарубежного понимания юридического лица в качестве связки договоров (*nexus of contracts*).

С точки зрения популярной в зарубежных странах концепции экономического анализа права, исследователи называют классическую капиталистическую фирму договорной организацией по снижению расходов, которая осуществляет контроль в случаях, когда имеется совместный вклад или совместное производство различных участников рынка¹⁸³. М. Дженсен (M. Jensen) и У. Меклинг (W. Meckling) полагая, что частная корпорация или фирма представляют собой одну из форм юридической фикции, которая служит связующим звеном для договорных отношений, делали вывод о нецелесообразности пытаться отличить те вещи, которые находятся «внутри» фирмы (или любой другой организации) от тех вещей, которые «находятся за ее пределами», поскольку существует на самом деле лишь множество сложных отношений (т. е. контрактов) между юридической фикцией (фирма) и собственниками труда, материальными и капитальными вложениями и потребителями продукции¹⁸⁴. Таким образом, как таковое юридическое лицо понимается как юридическая фикция, само понятие юридического лица

¹⁸³ Alchian A.A., Demsetz: H. Production, Information Costs, and Economic Organization // The American Economic Review. 1972. V. 62. № 5. P. 783.

¹⁸⁴ See: Jensen M.C., Meckling W.H. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. 1976. V. 3. №. 4. P. 311.

заменяется понятием фирмы, представляющей собой связку договоров (nexus of contracts).

Истоки данной концепции объясняются тем, что понятие «связка договоров» было введено экономистами. С экономической точки зрения, существование контрактов, под которыми понимаются отношения, характеризующиеся взаимными ожиданиями и поведением, подразумевает существование рынков, поэтому создание корпораций рассматривается в качестве связующего звена договоров, следовательно, означает, что корпорация является просто продуктом рыночных сил¹⁸⁵. Таким образом, в этом смысле деятельность фирмы является формой и результатом динамики рыночного механизма.

Современные зарубежные исследователи, рассматривая теорию корпорации, отмечают наличие правосубъектности у корпорации, поскольку «более точным является описание фирмы как связующего звена для (выделено мною. – А.Е) контрактов, в том смысле, что фирма служит, в основном, в качестве общего контрагента в многочисленных контрактах с поставщиками, сотрудниками и клиентами, координируя действия этих многочисленных лиц посредством осуществления своих договорных прав¹⁸⁶. Вместе с тем договорная основа корпорации также сохраняется, несмотря на признание юридической личности последней.

Д.И. Степанов, рассматривая теорию фирмы с точки зрения экономического анализа права, отмечает, что фирма (или корпорация, или юридическое лицо) является своеобразной осью, вокруг которой формируются контрактные (договорные) отношения, так как в основе фирмы лежит договор или несколько договоров с лицами, которые так или иначе связаны с деятельностью фирмы. По мысли указанного ученого, фирма представляет

¹⁸⁵ Eisenberg M.A. The Conception That the Corporation Is a Nexus of Contracts, and the Dual Nature of the Firm // The Journal of Corporation Law. 1999. P. 823.

¹⁸⁶ The anatomy of corporate law: A comparative and functional approach. Third Edition. Oxford University Press. 2017. P. 5. (authors - J. Armour, H. Hansmann, R. Kraakman, M. Pargendler).

собой средоточие, связку контрактов¹⁸⁷. В целом данный подход к пониманию юридического лица стирает различия принципов и норм, регулирующих корпоративные и договорные отношения. Данный вывод подвергает сомнению устоявшиеся в отечественной правовой доктрине представления о юридическом лице и является в настоящее время дискуссионным.

С одной стороны, распространение договорной модели на все юридические лица представляется необоснованным даже с точки зрения экономического анализа права. Так, А.Г. Карапетов пишет, что свободное выстраивание внутрикорпоративных отношений в публичных корпорациях экономически неэффективно, в частности, для мелких инвесторов, в связи с чем формируются условия для максимально жесткого императивного регулирования отношений внутри публичных корпораций с целью их стандартизации¹⁸⁸. Таким образом, правовое регулирование организации юридического лица ограничивает сферу действия индивидуального договорного регулирования соответствующих отношений. В связи с этим рассмотрение корпорации и вообще юридического лица как связки договоров имеет, во-первых, ограничения по своему применению, а, во-вторых, показывает высокую степень условности.

С другой стороны, Е.А. Суханов, критически воспринимающий концепцию экономического анализа права, отмечает, что сущность и структура юридического лица не может быть определена сугубо экономическим обоснованием, поскольку существует объективная необходимость учитывать особенности культурно-исторического развития правопорядка конкретной страны и сложившуюся в ней систему правового регулирования¹⁸⁹. Концепция юридического лица как связки договоров при ее абсолютизации ведет в конечном итоге к необоснованному расширению понятия юридического лица и игнорированию его организационного единства. В связи с этим данная концепция не может быть в полной мере воспринята в отечественном праве.

¹⁸⁷ Степанов Д.И. Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9. С. 118.

¹⁸⁸ См.: Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. С. 237-238.

¹⁸⁹ См.: Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. С. 25.

Традиционное отечественное понимание юридического лица достаточно последовательно различает внутренние и внешние стороны юридического лица. Полагая, что юридическое лицо обладает признаками внутреннего организационного единства и внешней автономии, О.А. Красавчиков понимал под данным признаком систему существенных взаимосвязей всех структурных подразделений юридического лица между собой и их подчинение руководящему органу, что позволяет рассматривать юридическое лицо как единое организационное целое, а не как «социальную сумму» его элементов¹⁹⁰. В то же время «не менее существенной является и внешняя сторона дела. Юридическое лицо должно обладать внешней автономией, под которой понимается необходимая мера самостоятельности в действиях данного юридического лица по отношению ко всем «третьим лицам»»¹⁹¹. Воспринимая подход О.А. Красавчикова в современных условиях можно сказать, что организационное единство, с одной стороны, предопределяет характер внутреннего устройства юридического лица, а с другой стороны, выражает юридическое лицо как единое целое перед другими лицами (например, кредиторами). В то же время аффилированность не разрушает юридическое лицо, а лишь обозначает необходимый механизм влияния на деятельность юридического лица через его органы управления, подчеркивая тем самым его внутреннюю структуру, иерархию органов.

Иерархия органов юридического лица свидетельствует о том, что управление юридическим лицом дифференцировано на соответствующие уровни. Выделение уровней управления используется при описании установления контроля в группе лиц. Например, анализируя объективные критерии формирования группы лиц, М.А. Егорова отмечает, что они базируются на «компетенциях корпоративного управления, качественное и количественное содержание которых определяет содержание возможности

¹⁹⁰ Красавчиков О.А. Сущность юридического лица // Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т.2. М.: Статут, 2005. С. 250-251.

¹⁹¹ Там же. С. 251.

установления контроля внутри группы лиц. Эти компетенции имеют в соответствии с уровнем управления юридическим лицом четыре градации:

- 1) установление контроля внутри группы на уровне высшего органа управления юридическим лицом;
- 2) установление контроля на уровне коллегиальных органов управления юридическим лицом...; коллегиального исполнительного органа...;
- 3) установление контроля на уровне единоличного исполнительного органа юридического лица;
- 4) установление контроля на основании обязательных для юридического лица указаний, следующих из договоров корпоративного содержания»¹⁹².

Данный подход, основанный на определении уровней управления в зависимости от компетенции соответствующих органов, позволяет судить о том, что контроль в группе лиц может возникать на разных уровнях управления юридическим лицом, а именно: на уровне высшего органа управления; коллегиального органа управления; коллегиального исполнительного органа; единоличного исполнительного органа. Следовательно, у лиц, входящих в группу лиц с юридическим лицом, имеются разные права в отношении такого юридического лица, характер которых зависит от компетенции органа управления юридического лица, на уровне которого устанавливается контроль, то есть от перечня вопросов, решение которых лицо способно контролировать. При этом права лиц на одном уровне имеют одинаковую характеристику по перечню вопросов, входящих в компетенцию органа управления, независимо от конкретного юридического факта.

Функционирование органов управления юридического лица подразумевает не только контроль, характерный для группы лиц, но и любое влияние, которое может оказываться аффилированными лицами. Это обстоятельство свидетельствует о том, что аффилированность также может

¹⁹² Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве. С. 457. (автор части – Егорова М.А.).

возникать на разных уровнях органов управления юридического лица, которые компетентны принимать решения в процессе реализации его правоспособности.

Применение данного подхода при рассмотрении аффилированности позволяет сделать вывод, что все юридические факты, влекущие аффилированность на определенном уровне управления юридическим лицом, объединяет то, что они характеризуют права аффилированных лиц по перечню вопросов, входящих в компетенцию органа управления. В этой связи основания аффилированности логично классифицировать по критерию определенности органа управления юридического лица, на деятельность которого возможно влияние аффилированного лица, на те, при которых орган юридического лица определен, и те, при которых орган юридического лица остается неопределенным на момент возникновения аффилированности.

В соответствии с этим определенные основания аффилированности характерны определенным уровням органов управления. Например, если речь идет о корпоративном юридическом лице, то выделяются следующие уровни: высшего органа юридического лица, коллегиального органа управления, исполнительных органов. При этом сами основания могут быть различными: участие в уставном капитале или иное полномочие, позволяющее блокировать принятие решений на уровне высшего органа юридического лица; договор о передаче полномочий единоличного исполнительного органа и т.д.

Наряду с основаниями аффилированности, возникающей на разных определенных уровнях органов управления юридического лица, аффилированность также возникает в силу особенностей структуры внешних отношений юридического лица с третьими лицами, оформляемых договором. Тем самым на момент возникновения аффилированности уровень влияния аффилированного лица для него остается неопределенным, поскольку уровень влияния зависит от структуры органов, перераспределения компетенции между ними, о чем аффилированное лицо может не знать. Данное обстоятельство учитывает конкурентное законодательство, относя к группе лиц хозяйственное общество (товарищество, хозяйственное партнерство) и физическое лицо или

юридическое лицо, если такое физическое лицо или такое юридическое лицо на основании учредительных документов этого хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства) или заключенного с этим хозяйственным обществом (товариществом, хозяйственным партнерством) договора вправе давать этому хозяйственному обществу (товариществу, хозяйственному партнерству) обязательные для исполнения указания (п. 3 ч. 1 ст. 9 ФЗ о защите конкуренции). В этом смысле договор является таким юридическим фактом, в силу которого возникновение влияния не обусловлено включенностью аффилированного лица в систему управления юридическим лицом на уровне конкретного органа. Влияние осуществляется не в процессе внутреннего принятия решения, а в процессе деятельности юридического лица как единого целого. Следовательно, уровень органа юридического лица на момент возникновения аффилированности остается неопределенным.

Таким образом, основания аффилированности представляют собой юридические факты, с которыми право связывает возникновение аффилированности.

Учитывая невозможность закрепления в законодательстве всех жизненных обстоятельств, влекущих аффилированность, представляется обоснованным подход, согласно которому аффилированность необходимо выявлять по фактическим основаниям, учитывая, что в определенных целях основания могут быть закреплены в специальном законодательстве.

Существующие подходы к классификации оснований аффилированности не основаны на применении конкретных критериев, что порождает проблемы при квалификации аффилированности по конкретному основанию. Теоретическая и практическая ценность классификации аффилированности в зависимости от определенности органа юридического лица, на функционирование которого аффилированное лицо может оказывать влияние, заключается в определенности характера прав аффилированного лица с точки зрения перечня вопросов, на решение которых оно может оказывать влияние.

В соответствии с данным критерием аффилированность возникает из отношений юридического лица с аффилированными лицами, влияющими на деятельность конкретных органов управления юридического лица, а также аффилированность может возникать на основании договора, влекущего влияние на юридическое лицо в целом, но уровень конкретного органа, где такое влияние будет является неопределенным.

2.2. ОСНОВАНИЯ АФФИЛИРОВАННОСТИ, ВОЗНИКАЮЩЕЙ В ОТНОШЕНИИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Анализ оснований аффилированности логично начать с уровня, на котором осуществляются функции высшего органа управления юридического лица. Если говорить о хозяйственных обществах, то, по общему правилу, аффилированность на уровне его высшего органа возникает при наличии участия в уставном капитале юридического лица¹⁹³. В научной литературе данное основание характеризуется как имущественно-финансовое¹⁹⁴. А.Г. Сергеев пишет, что имущественно-финансовая форма зависимости выражается в праве собственности на акции, вклады, доли, причем для признания лица аффилированным его доля участия в капитале должна составлять 20 процентов¹⁹⁵. Тем самым для квалификации аффилированности подчеркивается значимость участия в уставном капитале, делается акцент на имущественно-финансовой зависимости юридического лица.

Вместе с тем распространение данного подхода на все юридические лица представляется спорным, поскольку при рассмотрении некоммерческих корпораций выявляется, что аффилированность обусловлена не столько

¹⁹³ См.: Корпоративное право: учебный курс: учебник / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: КНОРУС, 2011. С. 700. (автор главы – Шиткина И.С.).

¹⁹⁴ См., например, Сергеев А.Г. Гражданско-правовое положение аффилированных, взаимозависимых лиц и групп лиц: Дис. ... канд. юрид. наук. М. 2010. С. 34-35.

¹⁹⁵ Там же.

имущественно-финансовой зависимостью, сколько управленческой. В этой связи можно привести мнение В.К. Андреева, который указывает, что «а ассоциациях (союзах), общественных организациях нет участия в их имуществе, ... многочисленные общественные организации и объединения, а также ассоциации (союзы) являются специфической формой привлечения их членов в управление делами»¹⁹⁶. Подчеркивая значимость участников (членов) прежде всего с точки зрения управления в корпорации, можно сделать вывод, что аффилированность на уровне высшего органа управления обусловлена не имущественными (или финансовыми) особенностями, а правами, связанными с управлением, которые возникают, в том числе и при обладании определенным имуществом.

Кроме того, возвращаясь к хозяйственным обществам, можно отметить спорность однозначного установления 20 % участия в уставном капитале в связи с правом собственности на акции, вклады, доли, паи для квалификации аффилированности.

Во-первых, рассмотрению подлежит вопрос о том, что для квалификации аффилированности участие в уставном капитале должно основываться на праве собственности. Учитывая, что аффилированным лицом может быть лицо, входящее в группу лиц с конкретным юридическим лицом, уместно сослаться на п. 1 ч. 1 ст. 9 ФЗ о защите конкуренции, согласно которой группой лиц признается хозяйственное общество (товарищество, хозяйственное партнерство) и физическое лицо или юридическое лицо, если последние имеет в силу своего участия в этом юридическом лице либо в соответствии с полномочиями, полученными, в том числе на основании письменного соглашения, от других лиц, более чем пятьдесят процентов общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале этого юридического лица. Следовательно, в данном случае аффилированность основывается на приобретении голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале юридического

¹⁹⁶Андреев В.К. Решения собраний // Цивилист. 2013. № 3. С. 66.

лица. При этом согласно п. 16 ст. 4 ФЗ о защите конкуренции под приобретением акций (долей) хозяйственных обществ понимается покупка, а также получение иной возможности осуществления предоставленного акциями (долями) хозяйственных обществ права голоса на основании договоров доверительного управления имуществом, договоров о совместной деятельности, договоров поручения, других сделок или по иным основаниям. Д.В. Ломакин также полагает, что права распоряжения голосами могут возникнуть по различным основаниям, таким как договор доверительного управления, договор поручения, договор простого товарищества, поскольку «косвенное распоряжение голосами (посредством действия третьих лиц), так же как и прямое (непосредственное) распоряжение ими, служит доказательством установления отношений аффилированности»¹⁹⁷. В связи с этим представляется, что природа субъективного права, на основании которого возникает возможность влияния на деятельность юридического лица в целях установления аффилированности, не имеет принципиального значения. Для выявления аффилированности важен сам факт получения возможности осуществления прав голоса, воплощенных в приобретаемых акциях (долях).

Во-вторых, как было отмечено в параграфе 1.1. настоящей диссертации, аффилированность характеризуется таким влиянием, которая, как минимум, позволяет лицу блокировать принятие решений. Говоря о некорректности установления в законе какого-либо заранее определенного значения размера процента участия в уставном капитале юридического лица в качестве критерия аффилированности по причине различного правового регулирования принятия решения юридическими лицами различных организационно-правовых форм, Л.Д. Эбралидзе на основе анализа законодательства о хозяйственных обществах делает вывод, что блокирующий пакет акций или долей участия, позволяющий голосовать против и отклонять выносимые на общее собрание вопросы, требующие квалифицированного большинства голосов составляет «более

¹⁹⁷ Ломакин Д.В. Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. М.: Статут, 2005. С. 86.

тридцати трех процентов для обществ с ограниченной ответственностью и более двадцати пяти процентов для акционерных обществ»¹⁹⁸. Вместе с тем указанный ученый продолжает свое рассуждение и приходит к выводу, что установить в законе такой порог тоже неверно, поскольку «закон по-разному регулирует процесс принятия решений высшим органом управления юридических лиц различных организационно-правовых форм»¹⁹⁹. В итоге указанный ученый предлагает «в качестве критерия аффилированности использовать распоряжение таким количеством голосов в уставном капитале юридического лица, которое в каждом конкретном случае обеспечивает возможность блокировать наиболее значимые для деятельности юридического лица решения»²⁰⁰. Можно в целом согласиться с подходом, предложенным Л.Д. Эбралидзе, поскольку блокирующий процент участия не может быть определен одинаково для всех юридических лиц и по всем вопросам, которые входят в компетенцию органа управления конкретного юридического лица. Для признания лица аффилированным по отношению к конкретному юридическому лицу необходимо на основе законодательства об определенных организационно-правовых формах юридических лиц и учредительного документа конкретного юридического лица оценивать возможность блокирования при принятии решения квалифицированным большинством. При этом выделение наиболее значимых для деятельности юридического лица решения, принятие которых может блокировать юридическое лицо представляется неопределенным и произвольным, что не позволит в полной мере согласиться с анализируемым подходом. Как представляется, любой вопрос, входящий в компетенцию органа управления, является важным для юридического лица. Реализация такого уточненного подхода позволит квалифицировать аффилированность с точки зрения возможности лица блокировать принятие решений по конкретным вопросам в рамках компетенции органа управления, а не по формальному соответствию

¹⁹⁸ Эбралидзе Л.Д. Аффилированные лица как правовой институт и правовое средство разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2014. С. 82.

¹⁹⁹ Там же. С. 85.

²⁰⁰ Там же.

пороговому значению процентного количества голосов, который жестко закреплен в законодательстве.

При этом влияние на осуществление деятельности юридического лица может возникнуть также при отсутствии у отдельных участников корпорации участия, предполагающего возможность блокирования принятия решений, так как участники с низким процентом участия могут получить такую возможность и стать аффилированными лицами в силу корпоративного договора. Согласно ст. 67.2 ГК РФ участники хозяйственного общества или некоторые из них вправе заключить между собой корпоративный договор об осуществлении своих корпоративных прав. В.Г.Бородкин справедливо пишет, что на основании заключенного корпоративного договора возникают обязательственно-правовые отношения, но данным отношениям присущ внутренний корпоративно-правовой эффект²⁰¹. В научной литературе обращается внимание, что корпоративный договор самостоятельно не порождает новых корпоративных прав и обязанностей и направлен на осуществление уже имеющихся прав²⁰². Отдельные авторы указывают на организационную правовую природу корпоративного договора, поскольку он направлен именно на организацию уже существующих общественных отношений²⁰³. В связи с этим корпоративный договор не является самостоятельным договорным основанием аффилированности, а лишь помогает участникам объединять свои имеющиеся корпоративные права по управлению юридическим лицом и действовать коллективно, контролируя или блокируя деятельность юридического лица. Следовательно, все участники корпоративного договора, если они получают возможность контролировать (или хотя бы блокировать) деятельность общества, становятся аффилированными лицами в силу их участия в уставном капитале.

²⁰¹ Бородкин В.Г. Корпоративный договор как механизм разрешения тупиковых ситуаций в хозяйственном обществе // Закон. 2015. № 10. С. 143.

²⁰² См.: Андреев В.К. Существо корпоративного договора // Модернизация гражданско-правового регулирования договорных отношений: сборник научных статей / Отв. ред. Л.А. Аксенчук. М.: РАП, 2014. С. 14; Ломакин Д.В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. № 8. С.14, 16.

²⁰³ См.: Морозов С.Ю. Совершенствование российского гражданского законодательства о юридических лицах на современном этапе // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2013. № 3. С. 76.

Через участников корпорации могут влиять кредиторы общества и иные третьи лица, так как они могут заключить договор с участниками хозяйственного общества, по которому последние в целях обеспечения охраняемого законом интереса таких третьих лиц обязуются осуществлять свои корпоративные права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств. К этому договору соответственно применяются правила о корпоративном договоре (п. 9 ст. 67.2 ГК РФ). Называя данный договор «квазикорпоративным», С.Ю. Филиппова отмечает его активное использование в банковской практике, «соответствующие условия включаются в кредитные договоры, по которым банку (кредитору) предоставляется право определять содержание волеизъявления при голосовании»²⁰⁴. Это свидетельствует о том, что третьи лица по отношению к юридическому лицу также могут влиять на деятельность данного юридического лица, если они на основании договора приобретают право контролировать юридическое лицо и, следовательно, входят в систему управления юридическим лицом, то есть после заключения корпоративного договора они становятся участниками отношений на уровне высшего органа корпорации, хотя они не являются собственно участниками юридического лица.

От участия в уставном капитале отличается специальное право участия «золотая акция» (далее также – золотая акция). Данное основание аффилированности в научной литературе обычно относится к организационной форме зависимости²⁰⁵. Данное специальное право тесно связано с управлением юридическим лицом. Возникновение зависимости организационного характера

²⁰⁴ Филиппова С.Ю. Сделки, направленные на управление правом голоса участника корпорации: природа, применение, новеллы правового регулирования // *Хозяйство и право*. 2017. № 12. С. 70.

²⁰⁵ Сергеев А.Г. Указ. соч. С. 36.

связано с тем, что «одно лицо может определять поведение другого благодаря наличию определенных властных полномочий структурно-организационного, управленческого характера»²⁰⁶.

Действительно, как следует из ч. 1 ст. 38 ФЗ о приватизации государственного и муниципального имущества²⁰⁷ золотая акция представляет собой право публично-правового образования на участие в управлении акционерными обществами, создаваемыми в результате приватизации имущественных комплексов унитарных предприятий. В теории делается акцент на том, что «золотая акция» не является акцией в обычном понимании: не является ценной бумагой, не отнесена законом к числу таковых (ст. ст. 142, 143 ГК РФ) и не предоставляет своему владельцу каких-либо имущественных прав, в том числе права на дивиденды, а также не имеет номинальной стоимости²⁰⁸. Указанные признаки золотой акции отличают ее от классического участия в уставном капитале юридического лица, подчеркивая ее целевое назначение, состоящее исключительно в возможности влияния на деятельность юридического лица.

Участие в управлении юридическим лицом осуществляется на уровне деятельности высшего органа управления юридического лица, поскольку представители Российской Федерации, субъектов Российской Федерации имеют право вносить предложения в повестку дня годового общего собрания акционеров и требовать созыва внеочередного общего собрания акционеров. Представители Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, назначенные в совет директоров (наблюдательный совет) акционерного общества, участвуют в общем собрании акционеров с правом вето при принятии общим собранием акционеров решений, определенных ФЗ о приватизации государственного и муниципального имущества.

²⁰⁶ Писенко К.А., Цинделиани И.А., Бадмаев Б.Г., Казарян К.В. Антимонопольное право: Учебник. М.: РГУП, 2015. С. 50.

²⁰⁷ Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О приватизации государственного и муниципального имущества» // СЗ РФ. 2002. № 4. ст. 251.

²⁰⁸ Ласкина Н.В., Тимофеева Н.Ю., Бирюкова Т.А., Головань А.А., Слесарев С.А. Комментарий к Федеральному закону от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

Кроме того, золотая акция позволяет управлять юридическим лицом на уровне совета директоров (наблюдательного совета), поскольку представители Российской Федерации, субъекта Российской Федерации назначаются в состав данного органа. Таким образом, влияние на деятельность юридического лица в силу золотой акции отражает включенность публично-правового образования на уровне деятельности высшего и коллегиального органов управления в процесс управления юридическим лицом, что позволяет отнести золотую акцию к числу оснований, порождающих аффилированность.

Поскольку аффилированность применима ко всем юридическим лицам, представляется, что и в унитарных юридических лицах тоже можно влиять на уровне высшего органа юридического лица, который подразумевается в силу того, что определенное лицо так или иначе выполняет функции данного органа. Как уже упоминалось в параграфе 1.2. настоящей диссертации, функции высшего органа управления у некоторых юридических лиц выполняют их учредители. Публично-правовое образование создает унитарное юридическое лицо и автоматически получает весь объем прав в отношении такого юридического лица в пределах осуществления функции на уровне его высшего органа управления. Несмотря на наличие имущественных отношений, основанием аффилированности является само учреждение юридического лица, то есть его создание.

Аффилированность также возникает в силу того, что лицо приобретает возможность влиять на деятельность юридического лица на уровне не только высшего, но и на уровне коллегиальных органов управления, исполнительных органов юридического лица, на что прямо указывает законодательство.

Во-первых, согласно ст. 4 Закона РСФСР о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках к числу аффилированных лиц юридического лица относятся: член его совета директоров (наблюдательного совета) или иного коллегиального органа управления, член его коллегиального исполнительного органа. Следовательно, основанием аффилированности в данном случае является приобретение статуса

члена совета директоров (наблюдательного совета) или иного коллегиального органа управления, члена коллегиального исполнительного органа. Например, согласно ст. 66 ФЗ об акционерных обществах члены совета директоров (наблюдательного совета) общества избираются общим собранием акционеров в порядке, предусмотренном указанным законом и уставом общества, на срок до следующего годового общего собрания акционеров. Выборы членов совета директоров (наблюдательного совета) общества осуществляются кумулятивным голосованием. Избранными в состав совета директоров (наблюдательного совета) общества считаются кандидаты, набравшие наибольшее число голосов.

Во-вторых, на уровне коллегиального органа управления и коллегиального исполнительного органа могут обнаружиться входящие в группу лиц юридические лица, в которых более чем пятьдесят процентов количественного состава коллегиального исполнительного органа и (или) совета директоров (наблюдательного совета, совета фонда) составляют одни и те же физические лица. Так, по одному из дел было установлено, что в совет директоров ООО «РЦК» на годовом общем собрании участников общества избраны шесть членов. В то же время на общем собрании акционеров ОАО «Ангарскцемент» избран совет директоров в количестве пяти человек, в состав которого вошли четыре физических лица, которые являлись членами совета директоров ООО «РЦК». Суд сделал вывод, что «советы директоров указанных юридических лиц более чем на 50% составляют одни и те же физические лица, следовательно, ООО «РЦК» и ОАО «Ангарскцемент» составляли группу лиц ... и являются аффилированными лицами»²⁰⁹. Исходя из данного вывода суда, основанием аффилированности можно считать участие в коллегиальных органах управления разных юридических лиц. Однако, как было рассмотрено в параграфе 1.2. настоящей диссертации, наличие группы лиц не обязательно свидетельствует об аффилированности. Представляется, что при квалификации

²⁰⁹ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15.01.2015 № Ф02-5807/2014 по делу № А19-13537/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

аффилированности данных юридических лиц суд не выявил, в частности, такой признак аффилированности, как возможность одного лица влиять на деятельность другого лица.

В-третьих, на основании п. 6 ч. 1 ст. 9 ФЗ о защите конкуренции группой лиц признается хозяйственное общество и физическое лицо или юридическое лицо, если по предложению такого физического лица или такого юридического лица избрано более чем пятьдесят процентов количественного состава коллегиального исполнительного органа либо совета директоров (наблюдательного совета) этого хозяйственного общества. Уровень коллегиального органа управления и коллегиального исполнительного органа позволяет обнаружить аффилированное лицо, по предложению которого избрано 50% состава данных органов.

Согласно ст. 53 ФЗ об акционерных обществах выдвинуть кандидатов в совет директоров (наблюдательный совет) общества, коллегиальный исполнительный орган вправе акционеры (акционер), являющиеся в совокупности владельцами не менее чем 2 процентов голосующих акций общества. Таким образом, указанный процент участия при соответствующем избрании кандидатов в указанные органы позволяет говорить об аффилированности акционеров (акционера), однако не на основании участия в уставном капитале, а на основании сложного юридического (фактического) состава: предложения и соответствующего избрания.

Данное правило распространяется на акционеров независимо от конкретного основания приобретения прав по распоряжению акциями. Так, С.А. Швецов указывает на проблему выдвижения кандидатов в совет директоров со стороны акционеров, которые купили акции на один день по сделке репо, поскольку они получили титул собственника, проводя залоговую операцию, размещая свои денежные средства, хотя у них нет никакой обязанности заботиться о компании²¹⁰. Поскольку данные акционеры также

²¹⁰ Интервью. Сергей Швецов: сложнее, но эффективнее раскрытие по «принципам» // Вестник центра раскрытия корпоративной информации. 2016. № 41. С. 5.

будут являться аффилированными, отсутствие должной заботы должно признаваться ситуацией, в которой интересы акционера вступают в конфликт с самим юридическим лицом. Исследуя более общую проблему уязвимости участника юридического лица при реализации корпоративных прав другими лицом (в частности, залогодержателем), С.Ю. Филиппова полагает, что «защитить имущественные интересы такого участника можно с использованием положений ГК РФ о запрете злоупотребительных действий, об обязанности добросовестности участников гражданского оборота, а также совершения действий с учетом прав и законных интересов друг друга (ст. 1, 10, 307 ГК РФ)»²¹¹. Представляется, что в подобных ситуациях к лицу, реализующему корпоративные права участника без должной заботы, справедливо применять последствия, связанные со злоупотреблением права (ст. 10 ГК РФ).

В-четвертых, в соответствии со ст. 4 Закона о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках аффилированными являются лица осуществляющие полномочия единоличного исполнительного органа. Возникновение аффилированности такого лица можно рассмотреть на примере единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью.

В соответствии с пп. 2 п. 2.1 ст. 32, пп. 4 п. 2 ст. 33, ст. 39, п. 1 ст. 40 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью²¹² рассмотрение вопросов об избрании единоличного исполнительного органа общества и досрочном прекращении его полномочий отнесено к компетенции общего собрания участников (в обществе, состоящем из одного участника, - к компетенции единственного участника), если уставом решение этих вопросов не передано совету директоров (наблюдательному совету). Кроме того, согласно абз. второму п. 1 ст. 40 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью между обществом и лицом, осуществляющим функции единоличного

²¹¹ Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 2. М.: Статут, 2018. С. 447. (автор главы – Филиппова С.Ю.).

²¹² Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. ст. 785.

исполнительного органа общества, подписывается договор об осуществлении соответствующих полномочий. Несмотря на наличие двух юридических фактов, в судебной практике сформировалась устойчивая правовая позиция по поводу основания возникновения у лица полномочий единоличного исполнительного органа.

Так, согласно правовой позиции, сформированной еще ВАС РФ, «возникновение прав и обязанностей единоличного исполнительного органа связано с решением уполномоченного органа управления данного юридического лица, которое оформляется протоколом общего собрания акционеров (участников) или решением единственного акционера (участника)»²¹³. Современная судебная практика также основывается на том, что полномочия лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа, возникают с момента принятия решения уполномоченным органом управления общества, при этом возникновение либо прекращение полномочий единоличного исполнительного органа не связано с фактом внесения в ЕГРЮЛ таких сведений²¹⁴. Таким образом, основанием аффилированности является именно решение компетентного органа об избрании лица на данную должность.

В этой связи основанием аффилированности нельзя считать договор, который заключается между обществом и лицом, осуществляющим функции единоличного исполнительного органа, поскольку такой договор согласно п. 4 ст. 40 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью не подтверждает полномочия соответствующего лица, но «может устанавливать лишь порядок ведения деятельности единоличного исполнительного органа общества и

²¹³ Определение ВАС РФ от 21.05.2010 № ВАС-6657/10 по делу № А82-7895/2009-29 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.06.2016 № 09АП-20144/2016-ГК по делу № А40-163511/14 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2016 № 05АП-1931/2016 по делу № А51-28049/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.02.2016 № 19АП-898/2015 по делу № А64-6563/2014 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 17.05.2016 по делу № 33-6998/2016 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.07.2016 № Ф04-2983/2016 по делу № А70-10426/2015 // СПС «КонсультантПлюс» и др.

принятия им решений, но не полномочия или компетенцию указанного лица»²¹⁵.

В этой связи Е.В. Тычинская справедливо подчеркивает, что конкретные полномочия единоличного исполнительного органа возникают у лица при его избрании или назначении общим собранием или советом директоров. Вместе с тем обязанность осуществлять такие полномочия обусловлена наличием обязательственного отношения между единоличным исполнительным органом и обществом²¹⁶. Следовательно, сами полномочия у лица возникают с момента избрания, а договор об осуществлении полномочий единоличного исполнительного органа порождает дополнительные права и обязанности.

Обусловленность аффилированности наличием полномочий, а не конкретным механизмом их реализации, позволяет согласиться с подходом В.А. Болдырева, согласно которому «полномочия лица, выполняющего функции единоличного исполнительного органа, не прекращаются фактом дисквалификации, а совершенные дисквалифицированным руководителем сделки от имени юридического лица являются действительными»²¹⁷. Тем самым аффилированность, возникшая с момента избрания лица компетентным органом, сохраняется и в период, когда публично-правовая санкция блокирует механизм реализации полномочий лица, что является лишь предпосылкой для прекращения аффилированности в отношении такого лица по решению компетентного органа. Вместе с тем В.А. Болдырев обращает внимание на различия трудовых и корпоративных отношений лица на уровне единоличного исполнительного органа, приводя в пример ситуацию, когда директор общества находится в отпуске по беременности и родам (сохраняются трудовые отношения), а участники соответствующего общества принимают решение о прекращении полномочий такого директора и назначении нового (прекращаются отношения, связанные с реализацией полномочий

²¹⁵ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 31.03.2015 по делу № А74-7120/2014 // СПС «КонсультантПлюс»

²¹⁶ Тычинская Е.В. Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества / Под ред. Л.Ю. Михеевой. М.: Статут, 2012. С. 115.

²¹⁷ Болдырев В.А. Частноправовые последствия дисквалификации руководителя организации // Современное право. 2015. № 8. С. 72.

единоличного исполнительного органа)²¹⁸. Тем самым состояние лица в трудовых отношениях не всегда свидетельствует о его аффилированности. Следовательно, сам по себе трудовой договор не является основанием аффилированности, поскольку он не свидетельствует о наличии и возможности реализации полномочий единоличного исполнительного органа юридического лица.

Кроме того, полномочия единоличного исполнительного органа могут передаваться иным лицам, например, по договору управляющей организации (управляющему). В таком случае основанием аффилированности, как представляется, является соответствующий договор, подтверждающий то, что управляющая организация (управляющий) принимают на себя выполнение функции аффилированного лица (например, абз. третий п. 1 ст. 69 ФЗ об акционерных обществах). Тем самым основанием аффилированности лиц, которые осуществляют полномочия единоличного исполнительного органа, могут быть разные юридические факты. В частности, лицо приобретает возможность осуществлять полномочия единоличного исполнительного органа на основании избрания (например, ст. 69 ФЗ об акционерных обществах), а согласно п. 1 ст. 69 Закона об акционерных обществах; п.п. 1,2 ст. 42 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью в случае передачи полномочий единоличного исполнительного органа управляющей организации (или управляющему) – с момента заключения соответствующего договора о передаче полномочий единоличного исполнительного органа.

В-пятых, согласно п. 5 ч. 1 ст. 9 ФЗ о защите конкуренции в группу лиц входят хозяйственное общество (хозяйственное партнерство) и физическое лицо или юридическое лицо, если по предложению такого физического лица или такого юридического лица назначен или избран единоличный исполнительный орган этого хозяйственного общества (хозяйственного партнерства). Следовательно, уровень единоличного исполнительного органа

²¹⁸ См.: Болдырев В.А. Статус руководителя организации: корпоративные и трудовые споры // Адвокат. 2015. № 5. С. 49.

позволяет обнаружить аффилированных лиц, по предложению которых назначено или избрано лицо, которое осуществляет полномочия данного органа. По аналогии с предложением кандидатов в совет директоров (наблюдательный совет) и коллегиальный исполнительный орган, кандидата на должность единоличного исполнительного органа вправе выдвинуть акционеры (акционер), являющиеся в совокупности владельцами не менее чем 2 процентов голосующих акций общества. Следовательно, если конкретной группе лиц свойственны все признаки аффилированности в совокупности, то указанный процент участия при соответствующем избрании кандидатов в единоличный исполнительный орган позволяет говорить об аффилированности акционеров (акционера), однако не на основании участия в уставном капитале, а на основании сложного юридического (фактического) состава: предложения и соответствующего избрания (назначения).

Итак, основания аффилированности, возникающей в отношении органов управления юридического лица, включают в себя юридические факты, влекущие возможность влияния на процесс принятия решений юридического лица.

На уровне высшего органа управления юридического лица аффилированность возникает при наличии участия в капитале юридического лица или при наличии иных полномочий, свидетельствующих о возможности блокирования принятия решений, для которого необходимо квалифицированное большинство голосов. В том числе аффилированность на уровне высшего органа управления может возникнуть у нескольких участников в совокупности в силу корпоративного договора, даже при отсутствии у каждого из них по отдельности блокирующего участия, так как они могут объединять свои права по управлению юридическим лицом и, действуя коллективно, влиять на деятельность юридического лица.

Кроме того, даже кредиторы и третьи лица по отношению к юридическому лицу могут быть в силу корпоративного договора включены в

систему управления данным юридическим лицом на уровне его высшего органа.

Влияние на деятельность юридического лица в силу золотой акции отражает включенность публично-правового образования на уровне деятельности высшего и коллегиального органов управления в процесс управления юридическим лицом, что позволяет отнести золотую акцию к числу оснований аффилированности.

На уровне коллегиального органа управления и исполнительных органов управления юридического лица аффилированность возникает в силу юридических фактов, влекущих возможность лиц осуществлять полномочия соответствующих органов. Например, на уровне деятельности единоличного исполнительного органа таким юридическим фактом является избрание на должность, договор о передаче полномочий единоличного исполнительного органа и т.п. Также аффилированность на уровне данных органов возможна при наличии юридического (фактического) состава: лицо будет аффилированным в связи с предложением кандидатуры в члены данных органов, при условии ее последующего избрания (назначения) на должность.

2.3. ДОГОВОРНЫЕ ОСНОВАНИЯ АФФИЛИРОВАННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В управлении юридическим лицом участвуют не только собственно субъекты корпоративного управления, но и субъекты, которые не входят в состав органов управления, но принадлежат к внешней относительно юридического лица среде (инфраструктуре) и имеют возможность оказывать влияние на состояние и деятельность юридического лица²¹⁹. Влияние на деятельность юридического лица внешних лиц обусловлено участием

²¹⁹ См.: Корпоративное право. М.: КНОРУС, 2011. С. 578. (автор главы – Шиткина И.С.).

юридического лица в различных договорных отношениях. Следовательно, основанием такого влияния является договор, который, как представляется, может влечь такую степень зависимости юридического лица, которая соответствует признакам аффилированности.

В российской правовой доктрине отсутствует общепризнанный подход к тому, какой (какие) договор (договоры) влечет (влекут) аффилированность. А.Г. Сергеев пишет, что в качестве примеров указанных договоров могут быть договор доверительного управления акциями или правами по акциям, договор передачи полномочий единоличного исполнительного органа и др.²²⁰. Как отмечается в литературе, экономическая зависимость чаще всего лежит в основе отношений, связанных с долгосрочными поставками (особенно в крупные торговые сети), с дистрибьюторскими отношениями, франчайзингом и коммерческим представительством²²¹. В указанных подходах называются различные договоры, которые влекут аффилированность, однако в научной литературе не объясняется, почему из договора равноправных сторон возникает экономическая зависимость в форме контроля или, как полагают отдельные ученые, значительного влияния.

И.В. Григораш, ссылаясь на немецких исследователей, пишет, что «спектр договоров, которые порождают зависимость, начинается с обычных гражданско-правовых и торговых договоров и заканчивается договорами на управление и контроль»²²². Согласно его выводам из договора поставки может следовать фактический контроль над компанией, которая производит крайне редкий продукт, со стороны исключительного потребителя данной продукции, договоры займа могут создавать зависимость одного субъекта от другого посредством включения в них оговорок о правах кредитора производить мониторинг деятельности должника. Сюда также относятся договоры на передачу технологий, эксклюзивные контракты на дистрибуцию, агентские

²²⁰ Сергеев А.Г. Указ. соч. С. 34-35.

²²¹ См.: Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве. С. 428. (автор части – Егорова М.А.).

²²² Григораш И.В. Указ. соч. С. 30.

договоры, договоры коммерческой концессии и др.²²³. Указанный ученый, формулируя теоретический вывод, указывает, что договорная форма зависимости заключается в подчинении на определенный период и в рамках исполнения конкретных обязательств одного субъекта воле другого субъекта по собственному желанию и в собственном интересе²²⁴. При этом, сравнивая договорную форму зависимости с имущественно-финансовой, он пишет, что первая характеризует обязательства юридического лица в целом, а вторая характеризует обязанности органов юридического лица; кроме того, договорная форма зависимости возникает добровольно и может быть актуальна при совершении одного или нескольких действий зависимого юридического лица, а имущественно-финансовая зависимость характеризуется как комплексная зависимость, при установлении которой зависимое лицо, как правило, не может повлиять на ее установление, и которая не ограничивается совершением определенного действия или действий юридического лица²²⁵. Следовательно, аффилированность, возникающая на основе договора юридического лица, возникает и существует только в рамках конкретного обязательства. Поскольку в обязательстве участвует само юридическое лицо, аффилированное лицо не включается во внутренний процесс управления юридическим лицом, что влечет невозможность установления комплексной зависимости. Противопоставленность сторон в договорных правоотношениях обеспечивает раздельное существование субъектов права, несмотря на то, что их деятельность в процессе исполнения обязательства будет являться совместной. Таким образом, аффилированность по данному основанию возникает в силу влияния на деятельность юридического лица в целом, то есть влияние аффилированных лиц *ex ante* напрямую не связано с деятельностью конкретных органов юридического лица.

Выявление признаков совместной деятельности, при которой возникает право одной стороны влиять на деятельность другой стороны невозможно без

²²³ Там же.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Там же. С. 33.

анализа структуры связей, возникающих из договора. Обращая внимание на принципиальное различие корпоративных договоров и договоров, порождающих обязательства, В.В. Кулаков пишет, что если корпоративные договоры направлены на создание более-менее устойчивого сообщества, то бесконечно существующих обязательств быть не может²²⁶. Природа договорных (обязательственных) отношений заключается в динамике, в акте товарообмена, в отличие от договоров, которые направлены на создание квази-субъектного сообщества. Однако, несмотря на различия данных договоров, представляется, что они все способны влечь аффилированность в силу способности договора как такового связывать лиц, в том числе и до состояния аффилированности.

Во-первых, договорные основания аффилированности порождают обязательства при совершении актов товарообмена, в силу которых одна сторона (кредитор) получает право осуществлять влияние на деятельность юридического лица, которое является в обязательстве должником. Вместе с тем такой подход нуждается в уточнении в связи с необходимостью отличать любое влияние контрагентов от аффилированности.

В целом любой договор, направленный на совершение товарообмена, предусматривает частноправовую власть кредитора над действиями должника. Так, Д.И. Степанов пишет, что в договорном обязательстве кредитор тоже наделяется определенной экономической властью в отношении своего должника, которая реализуется, например, в возможности выдачи обязательных для должника указаний, касающихся, в частности, вопросов о способе исполнения обязательства²²⁷. Например, на феномен экономической зависимости, возникающей из устойчивых договорных связей субъектов гражданского и предпринимательского права, обращал внимание М.И. Кулагин. Данный ученый писал, что американская корпорация «Дженерал Моторс» владела лишь 130 предприятиями, но кооперационные

²²⁶ Кулаков В.В. О системе договоров в гражданском праве // Модернизация гражданско-правового регулирования договорных отношений: Сборник научных статей / Отв. ред. Л.А. Аксенчук. М.: РАП, 2014. С. 67.

²²⁷ См.: Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2009. № 3. С. 146.

связи связывали ее с 40 тысячами предприятий-поставщиков. Данная корпорация осуществляла господство над своими контрагентами с помощью системы договоров так называемого специализированного заказа. В силу того, что подрядчик специализировался на изготовлении определенной продукции, которая использовалась зачастую только одним заказчиком, специализация носила долговременный характер. Это обстоятельство обуславливало существование долгосрочных договорных обязательственных отношений. Интересно обратить внимание, что в подобных договорах по общему правилу определялось не только количество продукции, которая должна была быть изготовлена, сроки конкретных поставок, но также и требования к используемым при ее производстве материалам, оборудованию, уровню квалификации персонала²²⁸. Как отмечается, «посредством договоров достигается, по существу, такая же степень контроля за деятельностью предприятия, как и в случае, когда оно находится в полной финансовой зависимости от материнской компании»²²⁹. Таким образом, единый с экономической точки зрения процесс производства объединяет самостоятельных производителей на основе договорных связей, влекущих фактическую экономическую зависимость соответствующих субъектов гражданского права. При этом зависимость имеет взаимный характер, то есть деятельность поставщика зависит от заказчика, но в то же время и деятельность крупных корпораций зависит от деятельности отдельных поставщиков. Несмотря на это, признание аффилированности в данном и подобных случаях является дискуссионным, поскольку, с одной стороны, при анализе подобных отношений выявляются такие признаки аффилированности, как наличие связанности лица с юридическим лицом отношением или системой отношений, в том числе обязательственных; оказание лицом влияния на деятельность юридического лица в силу экономической, организационной или иной социальной зависимости;

²²⁸ Кулагин М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада. М.: Дело. 1992. С. 78.

²²⁹ Dupuy Y. Essai de definition du groupe. Grenoble, 1977. P. 48. // Цит. по Кулагин М.И. Указ. соч. С. 78.

включенность лица в совместную деятельность с юридическим лицом и его заинтересованность в достижении результатов такой деятельности, а с другой стороны, стороны действуют самостоятельно при принятии решений, и кредитор не оказывает влияние на реализацию правоспособности должника, что свидетельствует об отсутствии таких признаков аффилированности, как наличие возможности влиять на принятие решений юридического лица относительно его участия в правоотношениях с другими лицами; достижение такой степени влияния на юридическое лицо, которое характеризует, как минимум, возможность блокировать принятие решений юридического лица.

Вместе с тем законодательство допускает возможность контрагента приобретать статус аффилированного лица. Действующее гражданское законодательство позволяет устанавливать отношения дочерности путем заключения договора, закрепляя возможность создания, так называемого, договорного холдинга (п. 1 ст. 67.3 ГК РФ). В холдинге как предпринимательском объединении основное общество имеет возможность определять решения, принимаемые дочерним обществом. Таким образом, основное общество приобретает возможность оказывать влияние на дочернее общество путем контроля его деятельности.

Анализируя холдинговые отношения, О.Е. Кутин справедливо замечает, что в законодательстве не конкретизировано, какими именно договорами должен обеспечиваться контроль основного общества над дочерним. В качестве примера он приводит договор об управлении, под которым данный автор понимает договор передачи полномочий исполнительного органа управляющей организации²³⁰. С данной позицией не соглашается И.С. Шиткина, указывая, что договор об управлении не порождает отношений экономической субординации, поэтому не влечет установления холдинговых отношений в их содержательном значении, несмотря на то, что экономические результаты управляемого общества зависят от эффективности деятельности управляющей

²³⁰ См.: Кутин Е.О. Основания возникновения холдинговых отношений // Юрист. 2012. № 14. С. 28.

организации²³¹. Данный ученый выводит основной принцип холдинговых отношений, заключающийся в том, что договоры должны порождать экономическую субординацию субъектов предпринимательской деятельности²³². Анализ современной судебной практики также свидетельствует о том, что такой договор не порождает отношений дочерности²³³. Таким образом, можно заключить, что данный договор не порождает отношений дочерности, однако заключение договора влечет аффилированность на уровне единоличного исполнительного органа.

Исследуя правовую природу холдингов, И.С. Шиткина отдельно выделяет такой вид холдинга, причиной формирования которого является любой гражданско-правовой договор, исполнение которого приводит к возникновению экономической зависимости. При этом, по мнению указанного ученого, отношения по договору для квалификации их в качестве холдинговых должны иметь стабильный, системный характер и не относятся только лишь к отдельным действиям как в обычном договоре. Решение вопроса о способности того или иного договора порождать экономическую зависимость в каждом конкретном случае зависит от условий конкретного договора и фактических обстоятельств, в которых он заключен и исполняется²³⁴. Таким образом, в приведенной позиции подчеркивается устойчивый характер взаимоотношений сторон, исключающий возникновение ситуативной аффилированности по договорным основаниям. Однако использование двух критериев для квалификации договора (критерий условий договора и критерий фактических обстоятельств заключения и исполнения договора), способного породить аффилированность, может создать проблемные ситуации. Кроме того, при таком подходе основание аффилированности может ставиться в зависимость от последствий, порождаемых таким основанием.

²³¹ Шиткина И.С. Правовое регулирование организации и деятельности холдинга как формы предпринимательского объединения: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. С. 14.

²³² Там же.

²³³ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2009 № 09АП-27651/2009-ГК по делу № А40-100086/09-142-717 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Уральского округа от 09.07.2008 № Ф09-4806/08-С4 по делу № А47-7988/2006-33гк // СПС «КонсультантПлюс».

²³⁴ Шиткина И.С. Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление: научно-практ. издание. М.: ВолтерсКлувер, 2006. С.164.

В германском праве существуют специальные договоры о предприятии, в числе которых отдельно выделяются договор об управлении (Beherrschungsvertrag) и договор об отчислении прибыли (Gewinnabführungsvertrag). Так, согласно параграфу 291 Акционерного закона ФРГ по договору об управлении руководство акционерного общества или коммандитного товарищества на акциях подчиняется другому предприятию, а по договору об отчислении прибыли устанавливается обязанность одного предприятия отчислять всю свою прибыль другому предприятию или обязанность акционерного общества или коммандитного товарищества на акциях вести свое предприятие за счет другого предприятия²³⁵. Данные договоры предоставляют управляющему предприятию право давать указания подчиненному предприятию (параграф 308 Акционерного закона), однако управляющее предприятие обязано возмещать причиненные убытки, которые возникли в результате реализации таких указаний (параграф 309 Акционерного закона). Существенным признаком корпоративной самостоятельности подчиненного предприятия является то, что согласно параграфу 299 Акционерного закона управляющее лицо не может давать указания об изменении, сохранении в силе или прекращении договора. Указанные договоры заключаются в письменной форме только с одобрения общего собрания общества, которое в будущем будет подчиненным, большинством, составляющим минимум три четверти представленного при принятии решения уставного капитала (параграф 293 Акционерного закона). При этом договор становится действительным при условии соблюдения правил о его регистрации в торговом регистре (параграф 294 Акционерного закона). По общему правилу договоры могут быть прекращены только в конце хозяйственного года или в конце иного расчетного периода (параграф 296 Акционерного закона), то есть они имеют относительно устойчивый характер своего действия. Несмотря на достаточно подробное законодательное регулирование подобных договорных

²³⁵ Aktiengesetz vom 6. September 1965 (BGBl. I S. 1089), das zuletzt durch Artikel 5 des Gesetzes vom 10. Mai 2016 (BGBl. I S. 1142) geändert worden ist // URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/aktg/gesamt.pdf> (дата обращения - 19.03.2017).

отношений, данные договоры не получили широкого распространения в ФРГ, поскольку «лишь немногие юридические лица заключают между собой договоры подчинения»²³⁶. В связи с этим восприятие опыта разработки специальных договоров об установлении дочерности в российской правовой системе представляется необоснованным.

Вместе с тем в Концепции развития законодательства о юридических лицах обращалось внимание на необходимость законодательного закрепления договора, согласно которому юридические лица приобретали бы статус материнских и дочерних. В Концепции также обращается внимание, что в законе в настоящее время содержится абстрактная формулировка договорного основания дочерности, что приводит к квалификации дочерности отношения, основанные на договоре целевого займа (кредита). При этом, как отмечается в Концепции, речь должна идти или о специальном гражданско-правовом договоре, или о специальном условии (условиях) смешанного договора²³⁷. Положение, содержащееся в Концепции, о необходимости законодательно определить специальный гражданско-правового договор об установлении дочерности представляется необоснованным, учитывая, что приведенные выше точки зрения ученых о широком спектре договоров, влекущих экономическую зависимость, дополнительно свидетельствуют о невозможности использования какого-либо специального договора. В то же время можно согласиться с необходимостью выработки специального условия (условий) смешанного договора, поскольку аффилированность влекут не фактические обстоятельства заключения и тем более исполнения договора, а его непосредственное заключение на соответствующих условиях. Именно факт заключения договора порождает возможность влиять на деятельность юридического лица, а исполнение договора подразумевает лишь конкретный способ реализации этого влияния. При этом отдельные условия, связанные с влиянием на предпринимательскую деятельность, могут содержаться в нескольких

²³⁶ Крылов В.Г. Доктрина снятия корпоративной вуали в Германии // Гражданское право. 2014. № 1. С. 20.

²³⁷ Концепция развития законодательства о юридических лицах // Вестник гражданского права. 2009. № 2. С. 42.

договорах, которые можно понимать как взаимосвязанные договоры, которые могут взаимно обуславливать друг друга, быть объединенными, в частности, единой целью²³⁸. Таким образом, договорные основания аффилированности представляется необходимым квалифицировать по специальным условиям договора (взаимосвязанных договоров).

В качестве примера можно привести договор коммерческой концессии. Согласно ст. 1027 ГК РФ по данному договору одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау). Контроль правообладателя над предпринимательской деятельностью пользователя заключается в том, что по общему правилу правообладатель обязан контролировать качество товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) пользователем на основании договора коммерческой концессии (п. 2 ст. 1031 ГК РФ). Договором коммерческой концессии могут быть предусмотрены ограничения прав сторон по этому договору, в частности может быть предусмотрено обязательство пользователя согласовывать с правообладателем каких-либо решений в сфере предпринимательской деятельности (ст. 1033 ГК РФ).

В качестве другого примера можно привести позицию Г.С. Шапкиной, которая пишет, что отношения дочерности могут возникнуть в силу заключения договора о передаче права на использование новой технологии с условием, согласно которому в течение определенного периода времени общество, получившее такое право, будет реализовывать выпускаемую с

²³⁸ Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. С. 9, 108; Михайлов А.В., Челышев М.Ю. Взаимосвязанные сделки в гражданском праве России // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Кн. 4. С. 103; Кирпичев А.Е. Категория взаимосвязанных договоров в российском и европейском праве // Гражданское право. 2014. № 2. С. 40 - 43.

приложением данной технологии продукцию только с согласия своего контрагента²³⁹.

Из проанализированных позиций следует вывод, что отношения основного и дочернего общества могут возникнуть на основании любого гражданско-правового договора. Однако, несмотря на наличие широкого спектра договоров, влекущих экономическую зависимость, модель договорного холдинга не получила своего распространения²⁴⁰. Вместе с тем сама по себе возможность создания договорного холдинга сохраняется.

Помимо договоров, влекущих отношения основного и дочернего обществ, аффилированность также может возникать из договоров, влекущих образование группы лиц. Такая возможность предусмотрена п. 3 ч. 1 ст. 9 ФЗ о защите конкуренции, согласно которому «хозяйственное общество (товарищество, хозяйственное партнерство) и физическое лицо или юридическое лицо, если такое физическое лицо или такое юридическое лицо на основании учредительных документов этого хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства) или заключенного с этим хозяйственным обществом (товариществом, хозяйственным партнерством) договора вправе давать этому хозяйственному обществу (товариществу, хозяйственному партнерству) обязательные для исполнения указания».

В качестве договоров, которые способны выступать в роли основания аффилированности по признаку вхождения его сторон в группу лиц, могут выступать различные соглашения о сотрудничестве. По одному из дел²⁴¹ судами было установлено, что обществами «Кавалькада» и «Фаэтон-Аэро» подписано соглашение о сотрудничестве, в котором было закреплено, что 1) общество «Фаэтон-Аэро» окажет обществу «Кавалькада» содействие в приобретении зданий и сооружений; 2) общество «Фаэтон-Аэро» вправе давать

²³⁹ Шапкина Г.С. АО расширяет сферу влияния // Бизнес-адвокат. 1997. № 5. С. 7.

²⁴⁰ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 05.07.2016 № Ф03-2239/2016 по делу № А37-1586/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.10.2016 № Ф08-6057/2016 по делу № А63-13503/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.12.2016 № 11АП-14506/2016 по делу № А55-6716/2010 // СПС «КонсультантПлюс» и др.

²⁴¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 26.07.2011 № 2763/11 по делу № А56-24071/2010 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.

обществу «Кавалькада» обязательные для исполнения указания, касающиеся приобретения недвижимого имущества. Суд сделал вывод о возникновении группы лиц, состоящей из обществ «Фэтон-Аэро» и «Кавалькада», и об аффилированности названных хозяйственных обществ. Представляется, что решающим аргументом для квалификации аффилированности послужило наличие специального условия о возможности одного лица давать обязательные указания другому лицу.

В рамках другого дела судами был принят во внимание тот факт, что общество «Уралтелекомсервис» в силу договора на рынке оказания услуг местной связи исполняет поручения общества «Уралсвязьинформ» на наиболее выгодных для последнего условиях и, следовательно, самостоятельностью на указанном товарном рынке не обладает. Суды пришли к правомерному выводу о том, что применительно к рынку услуг местной телефонной связи на территории Свердловской области общество «Уралсвязьинформ» и общество «Уралтелекомсервис» образуют группу лиц²⁴². При рассмотрении другого дела суд установил, что между сторонами заключен договор, согласно которому одному обществу было поручено осуществление деятельности, связанной с эксплуатацией электрических сетей в определенном муниципальном образовании. Данная деятельность включала в себя: оперативно-техническое обслуживание, текущий и капитальный ремонт объектов электросетевого хозяйства, надзор за техническим состоянием электроустановок, обеспечение качества электроэнергии в точках поставки электрической энергии и в точках передачи ее потребителям, ограничение, прекращение и возобновление передачи электрической энергии потребителям от имени другого общества, выдачу потребителям технических условий на подключение электроустановок к сетям, заключение договоров на технологическое присоединение. Поверенный при этом должен был отчитываться о выполненных работах перед своим контрагентом, представлять ему необходимые материалы и отчетность,

²⁴² Постановление ФАС Уральского округа от 02.08.2011 № Ф09-4532/11 по делу № А60-40549/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

которые были связаны с эксплуатацией электрических сетей, а контрагент обязан был осуществлять контроль и оплачивать выполненную работу. Оценив указанные обстоятельства, суд пришел к выводу о том, что данный договор влечет образование группы лиц²⁴³. Способность договора поручения образовывать группу лиц, признаваемую в качестве единого хозяйствующего субъекта, действующего в едином экономическом интересе на одном товарном рынке, подтверждается практикой антимонопольного органа и судебной практикой²⁴⁴. Несмотря на признание аффилированности, возникающей на основании договора поручения, такой подход требует уточнения, поскольку иначе любой договор поручения можно признать основанием аффилированности.

Определенное уточнение описанного выше подхода для квалификации аффилированности было сделано в Постановлении ФАС Северо-Западного округа от 30.03.2012 по делу № А56-36258/2011. Суд, не соглашаясь с позицией антимонопольного органа, указал, что, несмотря на то, что между Предприятием и Обществом заключен агентский договор, по условиям которого Предприятие обязано совершать юридические и фактические действия по поручению Общества, стороны указанного договора не являются группой лиц, поскольку с позиций антимонопольного законодательства группа лиц рассматривается как один хозяйствующий субъект, действующий в едином экономическом интересе на одном товарном рынке, в то время как в данном случае контрагенты осуществляют деятельность на разных рынках, поскольку Общество осуществляло деятельность на рынке жилищно-коммунальных услуг, а Предприятие - на рынке услуг по расчетам платежей²⁴⁵. В данном случае оказание различных услуг не могло, по мнению суда, свидетельствовать об осуществлении деятельности указанных лиц на одном рынке. В связи с этим при оценке способности того или иного договора, в частности агентского, влечь

²⁴³ Постановление ФАС Уральского округа от 01.10.2009 № Ф09-7512/09-С1 по делу № А60-1840/2009-С9 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁴ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 31.12.2008 по делу № А26-2221/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁵ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 30.03.2012 по делу № А56-36258/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

образование группы лиц необходимо учитывать, что деятельность должна осуществляться на одном рынке. Такой подход может быть поддержан, поскольку осуществление деятельности в рамках одного рынка может свидетельствовать о связанности лиц единым производственным процессом, что указывает на такой признак аффилированности, как оказание влияния лицом на деятельность юридического лица в силу экономической, организационной или иной социальной зависимости.

В то же время существует противоположная судебная практика, отрицающая образование группы лиц, даже если стороны действуют на одном рынке. Так, суд, оценив условия субагентских договоров, пришел к выводу об отсутствии права общества давать обязательные для исполнения указания заявителям; заключенные обществом и заявителями договоры не относятся к соглашениям, названным в п. 3 ч. 1 ст. 9 ФЗ о защите конкуренции, поскольку сам по себе факт заключения субагентского договора не может подтверждать наличие группы лиц, иначе в таком случае возникнет необходимость признавать любых хозяйствующих субъектов, которые заключили агентские договоры, в качестве группы лиц, что в целом не соответствует антимонопольному законодательству, противоречит принципу свободы экономической деятельности, а также является излишним обременением участников рынка²⁴⁶.

К аналогичному выводу пришел суд при рассмотрении условий агентского договора, заключенного между ООО «Технология» и ООО ТД «Химпром», поскольку агентский договор не содержал права ООО «Технология» давать своему контрагенту обязательные указания. Суд, указывая на отсутствие у антимонопольного органа оснований для признания контрагентов по агентскому договору группой лиц, привел аналогичную формулировку, что сам по себе факт заключения агентского договора не может быть однозначным подтверждением существования группы лиц, так как в

²⁴⁶ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 25.04.2014 по делу № А25-1237/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

противном случае возникнет необходимость признавать любых хозяйствующих субъектов, заключивших агентские договоры с ООО ТД «Химпром», группой лиц, что не соответствует антимонопольному законодательству, противоречит принципу свободы экономической деятельности, а также является излишним обременением участников рынка²⁴⁷. При рассмотрении другого дела суды, оценивая условия лицензионного договора, на предмет наличия признаков, свидетельствующих о создании группы лиц, пришли также к выводу, что «сам факт заключения лицензионных соглашений не может рассматриваться как подтверждение наличия группы лиц, поскольку в противном случае группой лиц необходимо также признавать любых хозяйствующих субъектов, заключивших договоры, что не соответствует целям антимонопольного законодательства»²⁴⁸. При этом сохраняется сама возможность признания контрагентов аффилированными лицами по договорам, направленным на организацию совместной деятельности. Так, суд отметил необходимость проверки условий лицензионного договора на предмет того «могут ли его условия свидетельствовать о том, что создана группа лица, с учетом требований статьи 9 Закона о защите конкуренции»²⁴⁹. Такой подход в судебной практике позволяет говорить не о формальном понимании признания контрагентов группой лиц на основании договора, в которых содержатся или могут содержаться условия о влиянии на деятельность юридического лица, а направлен на оценку конкретных условий, поскольку сам факт наличия договора, предполагающего совместную деятельность, еще не свидетельствует о наличии аффилированности.

Применение выявленных в параграфе 1.1. настоящей диссертации признаков, свидетельствующих об аффилированности лица, позволяет сделать вывод, что возможность контрагентов образовывать группу лиц и квалифицировать контрагента юридического лица в качестве аффилированного

²⁴⁷ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 07.03.2012 по делу № А27-4602/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁸ Постановление ФАС Московского округа от 03.03.2009 № КА-А40/12967-08-П по делу № А40-25769/07-152-183 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁹ Постановление ФАС Московского округа от 05.05.2008 № КА-А40-1538/08 по делу № А40-25679/07-152-183 // СПС «КонсультантПлюс».

лица обусловлена наличием договора, в силу которого контрагенты совместно осуществляют деятельность на одном товарном рынке, от их совместной деятельности зависит их общий результат деятельности, т.е. контрагент заинтересован в эффективности деятельности юридического лица, при этом по условиям договора контрагент должен иметь возможность влиять на принятие решений юридического лица путем дачи обязательных для исполнения указаний, что свидетельствует об экономической, организационной или иной социальной зависимости юридического лица.

В этом смысле договор с юридическим лицом может влечь аффилированность, только если его условия предполагают влияние, которое так или иначе связано с влиянием на реализацию правоспособности юридического лица, то есть с деятельностью органов управления юридического лица. Однако в договоре с юридическим лицом как единым целым не могут быть обозначены органы юридического лица, поскольку контрагентам важно получить влияние над деятельностью юридического лица в целом, а не на уровне того или иного органа. Но несмотря на это аффилированное лицо, влияя на юридическое лицо в целом, может давать обязательные указания по поводу решения вопросов, которые так или иначе относятся к компетенции того или иного органа юридического лица. Поэтому договорное основание характеризует зависимость юридического лица в целом.

Таким образом, аффилированность юридического лица по договорным основаниям возникает в силу особенностей структуры общественных отношений, оформляемых договором, в которых участвует юридическое лицо.

Основанием аффилированности является заключение договора, а не фактические обстоятельства заключения и тем более исполнения договора, поскольку возможность влияния на деятельность юридического лица возникает с момента заключения договора, а непосредственная реализация аффилированности, происходящая при исполнении договорных обязательств, является правовым последствием аффилированности. В настоящем исследовании было выявлено, что договорными основаниями аффилированности могут

служить договоры, влекущие отношения дочерности (отношения основного и дочерного юридических лиц) и любые договоры, которые влекут образование группы лиц.

Квалифицирующим признаком договора, в соответствии с которым возникает аффилированность, является условие, в силу которого контрагенты совместно осуществляют деятельность на одном товарном рынке, от их совместной деятельности зависит их общий результат деятельности, т.е. контрагент заинтересован в эффективности деятельности юридического лица, при этом по условиям договора контрагент должен иметь возможность влиять на принятие решений юридического лица путем дачи обязательных для исполнения указаний, что свидетельствует об экономической, организационной или иной социальной зависимости юридического лица. При этом отдельные условия, связанные с влиянием на деятельность юридического лица, могут содержаться в нескольких договорах, свидетельствующих о наличии системы отношений, которым свойственна аффилированность. Таким образом, сущность договорных оснований аффилированности заключается в специальном условии (условиях) договора (системы договоров).

ГЛАВА 3. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АФФИЛИРОВАННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

3.1. ВЛИЯНИЕ АФФИЛИРОВАННОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВОЛИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Совокупность отдельных проявлений участия юридического лица в гражданском обороте формирует определенный характер его существования, развития в определенных условиях, то есть поведение²⁵⁰. Возможность применения понятия поведения к юридическому лицу обосновывается наличием у юридического лица как самостоятельного субъекта права собственной воли, ведь неслучайно в п. 2 ст. 1 ГК РФ закреплено, что «граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе». Исходя из того, что участие юридического лица в гражданском обороте, в котором возникают, изменяются и прекращаются его права и обязанности, основывается на его самостоятельной воли, влияние на волю способно изменять характер его поведения. В этом смысле исследование аффилированности позволяет раскрыть механизмы влияния аффилированных лиц на юридическое лицо, на его волю и участие в обороте.

В отличие от других факторов, влияющих на поведение юридического лица, возникновение аффилированности характеризуется тем, что в результате возникших отношений «воля формально независимых субъектов гражданского оборота формируется извне, то есть другими формально независимыми субъектами»²⁵¹. В связи с этим формирование извне воли юридического лица является правовым последствием аффилированности.

²⁵⁰ См.: Большой толковый словарь русского языка / автор и руководитель проекта, главный редактор С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 850.

²⁵¹ Эбралидзе Л.Д. Аффилированные лица как правовой институт и правовое средство разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2014. С. 17.

Выявлению особенностей влияния аффилированности на формирование воли юридического лица предшествует решение вопроса о сущности воли вообще и воле юридического лица в частности. С философской точки зрения воля рассматривается как «способность к выбору цели деятельности и внутренним усилиям, необходимым для ее осуществления; специфическая активность, не сводимая к сознанию и деятельности»²⁵². Рассмотрение воли как способности осуществлять выбор, влияя на осуществление определенной деятельности, роднит философское понимание воли с психологическим пониманием воли как средства регуляции поведения.

Оценивая понятие воли при рассмотрении функционирования механизма гражданско-правового регулирования, О.М. Родионова отмечает, что «воля отдельных лиц, закрепляемая в частно-автономных регуляторах, представляет собой, прежде всего, психическое явление»²⁵³. Так, с психологической точки зрения В.И. Селиванов обращает внимание на регуляционную функцию воли, отмечая, что под волей понимается «регулирующая функция мозга, выраженная в способности человека сознательно управлять собой и своей деятельностью, руководствуясь определенными побуждениями и целями»²⁵⁴. Исследуя феномен воли, В.А. Ойгензихт понимал под ней «психическое регулирование поведения, заключающееся в детерминированном и мотивированном желании достижения поставленной цели, в выборе решения, разработке путей, средств и применении усилий для их осуществления»²⁵⁵. На связь воли с психическими процессами обращал внимание О.С. Иоффе, по мнению которого «там, где протекает волевой процесс, воля всегда в своем социальном содержании выступает в то же время и как определенный психологический акт»²⁵⁶. Изложенные подходы характеризуют волю как психический акт,

²⁵² Антюшин С.С., Горностаева Л.Г. Философия: Учебник для студентов юридического вуза. М.: РГУП, 2016. С. 436. (автор глоссария – Антюшин С.С.).

²⁵³ Родионова О.М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. С. 32-33.

²⁵⁴ Селиванов В.И. Воля и ее воспитание. М.: Знание, 1976. С. 17.

²⁵⁵ Ойгензихт В.А. Воля и волеобразование. (Очерки теории философии и психологии права). Душанбе: Дониш, 1983. С. 24.

²⁵⁶ Иоффе О.С. Указ. соч. С. 575.

регулирующий деятельность (поведение) человека. Следовательно, в таком смысле воля может быть только у живого человека, т.е. физического лица.

Признание юридического лица как самостоятельного субъекта права, способного самостоятельно осуществлять деятельность, затрагивает вопрос о сущности его волевого компонента. И.А. Покровский писал, что «юридическое лицо составляет живое продолжение индивидуальных лиц; личность и воля этих последних продолжает жить в создаваемых ими образованиях»²⁵⁷. Несмотря на признание юридического лица самостоятельным субъектом права, данный подход не позволяет сделать вывод о наличии воли у юридического лица, поскольку происходит смешение воли юридического лица с волей конкретных индивидуумов.

Признание юридического лица самостоятельным субъектом права с необходимостью ставит вопрос о наличии у него собственной воли. К выводу о возможности юридического лица иметь собственную волю пришла И.П. Политова, установив «зависимость определения значимых элементов волеиспособности организации от того или иного понимания сущности юридического лица»²⁵⁸. Обоснование воли юридического лица изначально строилось на положениях органической теории юридического лица. Так, О. Гирке (O. Gierke) писал, что носителем свободной воли может быть только человек. В то же время, признавая правоспособность союзной личности, О. Гирке полагал, что союзная личность это и есть люди, поскольку люди выступают в качестве личности в правовом измерении или как индивиды, или как союзы²⁵⁹. В этом смысле союзная личность представляет собой разновидность людей в их правовом измерении. Следовательно, союзная личность может иметь свою волю, поскольку сами живые люди и являются такой союзной личностью.

²⁵⁷ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1917. С. 140.

²⁵⁸ Политова И.П. Категория воли в гражданском праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 18.

²⁵⁹ Gierke O. Deutsches Privatrecht. Bd. I. Leipzig: Duncker & Humblot, 1895. S. 472.

В рассматриваемом аспекте к органической теории близка теория коллектива, которая разрабатывалась советскими цивилистами. Исследуя понятие юридического лица, А.В. Венедиктов определял его как «коллектив трудящихся, осуществляющий предусмотренные законом, административным актом или уставом задачи, имеющий урегулированную в том же порядке организацию, обладающий на том или ином праве и в той или иной мере обособленным имуществом и выступающий в гражданском обороте от своего имени – в качестве самостоятельного (особого) носителя гражданских прав и обязанностей»²⁶⁰. Теория коллектива прямо поставила человека (вернее, коллектив людей) на место субстрата юридического лица.

В.К. Андреев, рассматривая функционирование хозяйственных органов, имеющих с юридическими лицами общие признаки, связанные с их принадлежностью к более общему понятию организации, писал, что, учитывая уровень развития социальной психологии, теория коллектива способна стать ключом к выявлению и описанию воли предприятия или производственного объединения при их правовой характеристике в качестве хозяйственного органа. При этом указанный ученый подчеркивал, что реальность юридической конструкции хозяйственного органа как раз и обусловлена введением в научный оборот общественно-психологических категорий²⁶¹. С таким мнением можно согласиться, поскольку теория коллектива показывает происхождение воли юридического лица от воли коллектива, который составляет его субстрат. Вместе с тем вопрос о том, совпадает ли воля юридического лица с волей коллектива, остается открытым.

Критикуя теорию коллектива за абстрактность коллектива как субстрата юридического лица, О.А. Красавчиков отмечал, что «поиск субстрата должен иметь своей целью не «людей» («стоящих за»), а их социальные связи»²⁶². В этом смысле воля юридического лица является не простой суммой воли

²⁶⁰ Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. С. 657.

²⁶¹ См.: Андреев В.К. Правосубъектность хозяйственных органов: сущность и реализация // Избранное. М.: РГУП, 2017. С. 183.

²⁶² Красавчиков О.А. Сущность юридического лица. С. 245.

коллектива как субстрата юридического лица, а именно волей коллектива, связанного, упорядоченного и организованного определенным образом.

На этот аспект также обращал внимание В.А. Ойгензихт, отмечая, что воля юридического лица формируется, в частности, органом юридического лица. Взяв за основу именно теорию коллектива, указанный ученый пришел к выводу, что «воля органа признается справедливо волей юридического лица. Но она становится волей самого юридического лица потому, что выражает волю коллектива, является по существу реализацией воли коллектива, т.е. трансформированной воли всех членов этого коллектива»²⁶³. Таким образом, рассмотрение процесса формирования воли через призму деятельности органов юридического лица позволяет применять такой подход независимо от количественного состава «коллектива» на уровне определенного органа юридического лица.

В научной литературе существуют мнения, согласно которым воля юридического лица формируется не только органами юридического лица, но и другими лицами. Например, Ю.Л. Сенина утверждает, что «волеобразование и волеизъявление всегда осуществляет само юридическое лицо – либо через соответствующий орган, либо через представителя»²⁶⁴. Представляется, что такой подход является дискуссионным, поскольку ситуация, когда представитель формирует волю представляемого юридического лица, а потом ее же и изъявляет, выглядит нелогичной. Кроме того, такой подход не может быть положен в основу при исследовании аффилированности, т.к. аффилированность связана с деятельностью именно органов управления юридического лица.

С учетом данной оговорки формирование воли может быть рассмотрено на уровне органов управления юридического лица. Исходя из вышеприведенного подхода В.А. Ойгензихта, можно сказать, что функционирование органов юридического лица позволяет трансформировать

²⁶³ Ойгензихт В.А. Указ. соч. С. 157.

²⁶⁴ Сенина Ю.Л. Категория воли в гражданском праве России (в аспекте гражданско-правовой сделки): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 7.

воли отдельных лиц, в том числе и аффилированных, в волю самого юридического лица. Иными словами, воля, которая имела психическое значение, при трансформации в волю юридического лица на уровне органов управления теряет психическое значение.

В этой связи воля юридического лица может быть рассмотрена только с точки зрения его правового значения. Г.А. Гаджиев указывает, что «юридические понятия не совпадают с аналогичными понятиями в других интеллектуальных концептах»²⁶⁵, поэтому даже «психологическая воля человека не имеет ничего общего с его юридической волей»²⁶⁶. С.Н. Братусь также отмечал, что юридическое лицо может формировать и изъяслять свою волю, которая является необходимым условием действия права. Источником и вектором воли юридического лица является та цель, ради которой оно и было создано. При этом необходимой предпосылкой воли юридического лица как особого общественного образования является психологическая воля отдельных лиц, от отдельных волений которых обособляется юридическая воля юридического лица²⁶⁷. Понимание воли юридического лица не в психологическом (психическом) смысле, а в юридическом смысле как трансформированной психической воли других субъектов права, затрагивает вопрос о механизме такой трансформации.

Ответ на данный вопрос можно найти в том, что, как было выявлено выше, аффилированность влияет на формирование воли юридического лица на уровне его компетентного органа управления. Функционирование органов управления внешне выражается в принятии конкретных решений от имени юридического лица в рамках компетенции. Следовательно, аффилированность проявляется во влиянии аффилированных лиц на процесс принятия решений на соответствующих уровнях компетентных органов управления юридического лица.

²⁶⁵ Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 18.

²⁶⁶ Там же. С. 19.

²⁶⁷ См.: Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. Ученые труды: Понятие, виды, государственные юридические лица. Вып. 12. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. С. 46.

Принятие решения от имени юридического лица осуществляется по-разному в зависимости от составной характеристики конкретного органа управления юридического лица. И.С. Шиткина в отношении корпоративных юридических лиц пишет, что «по составу традиционно выделяют коллегиальные и единоличные органы корпораций»²⁶⁸. Представляется, что приведенная классификация позволяет рассмотреть процедуру принятия решений данных разновидностей органов.

Особенности механизма формирования воли в коллегиальных органах управления обусловлены множеством участвующих лиц. Такая ситуация в целом характерна для корпоративных юридических лиц. Как полагает В.К. Андреев «внутри корпорации образуется гражданско-правовое сообщество (п. 2 ст. 1811 ГК РФ), которое совместно или в рамках корпоративного договора участников хозяйственного общества влияет на деятельность юридического лица как участника экономической деятельности»²⁶⁹. Обращает внимание то, что гражданско-правовое сообщество не называется органом юридического лица, что определяет необходимость оценки данных понятий.

Если обратиться к анализу судебной практики, то в п. 103 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» можно встретить определение гражданско-правового сообщества, под которым понимается определенная группа лиц, наделенная полномочиями принимать на собраниях решения, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия, обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании, а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений. В данном пункте также указано, что к решениям собраний относятся, в частности, решения коллегиальных органов управления юридического лица (например, собраний участников, советов директоров). Таким образом,

²⁶⁸ Корпоративное право: учебный курс / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: КНОРУС, 2015. С. 557. (автор главы – Шиткина И.С.).

²⁶⁹ Андреев В.К. Юридические лица как субъекты экономической деятельности // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 38.

коллегиальный орган юридического лица может пониматься как определенное гражданско-правовое сообщество, существующее в юридическом лице. Следовательно, решения коллегиальных органов юридического лица являются разновидностью решений собраний и принимаются по той же процедуре.

Выявление сущности решений собраний представляется логичным начать с обращения к законодательству. В п. 2 ст. 181.1 ГК РФ закреплено, что решение собрания способно порождать гражданско-правовые последствия в отношении всех лиц, которые имеют право участвовать в нем (в том числе, это характерно и в отношении участников юридического лица), а также в отношении иных лиц, если это предусмотрено законом или следует из существа самих отношений. Несмотря на упоминание понятия «решения собраний» в тексте закона, его значение остается нераскрытым.

В правовой доктрине сформировалось несколько подходов к выявлению сущности решений собраний.

И.С. Шиткина пишет, что документы, которые принимаются компетентными органами управления юридического лица по своей сущности являются локальными нормативными актами, а их обязательность обусловлена самой сущностью организации предпринимательской деятельности, так как при вступлении участники юридического лица добровольно принимают на себя бремя подчинения воле большинства, которая как раз и выражается путем принятия внутренних документов²⁷⁰. Подход к восприятию решений собраний как локальных нормативных актов находит критику в научной литературе. Что касается решений коллегиальных органов управления, то Ю. Дмитриев-Ильин обоснованно обращает внимание на отсутствие оснований, позволяющих квалифицировать акты коллегиальных органов юридического лица как локальные нормативные акты, так как в настоящее время гражданское законодательство признает решения собраний

²⁷⁰ Корпоративное право: учебный курс / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: КНОРУС, 2011. С. 80. (автор главы – Шиткина И.С.).

жизненным обстоятельствам, с которыми тот или иной нормативный правовой акт связывает динамику гражданских правоотношений, а не собственно нормативным правовым актом²⁷¹. Действительно, согласно пп. 1 п. 1 ст. 8 ГК РФ гражданские права и обязанности возникают из решений собраний в случаях, предусмотренных законом, в то время как п. 1 ст. 8 основанием гражданских прав и обязанностей называет договоры и иные сделки. Тем самым ГК РФ дает основания для выявления схожих правовых признаков решений собраний и сделок.

В научной литературе существует подход, рассматривающий решение собраний как сделку. Так, Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева полагают, что «решение объединения лиц представляет собой многостороннюю сделку»²⁷². Также Н.В. Козлова приходит к выводу, что решения общего собрания того или иного коллегиального органа управления юридического лица, которое принято в соответствии с законом и учредительным документом определенного юридического лица и направленно на динамику корпоративного правоотношения, следует считать многосторонней гражданско-правовой корпоративной сделкой, которая совершается лицами, составляющими конкретный коллегиальный орган юридического лица²⁷³. С данными подходами, в рамках которых решение собрания признается многосторонней сделкой, можно согласиться в той части, в которой ученые обращают внимание на действия лиц как на необходимый признак, присущий двум рассматриваемым феноменам.

В то же время такой подход не учитывает, что сделка представляет собой волевое действие. Как полагает Ю. Дмитриев-Ильин «к такому отличительному признаку сделки следует отнести именно принцип единогласия, необходимость согласования воли субъектов, ее совершающих»²⁷⁴. В случае с решением собрания меньшинство или те лица, которые вообще не принимали участие,

²⁷¹ См.: Дмитриев-Ильин Ю. Правовая природа актов коллегиальных органов корпорации // Актуальные проблемы предпринимательского права: Выпуск 4. / под ред. А.Е. Молотникова. М.: Стартап, 2015. С. 64.

²⁷² Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Односторонние и многосторонние сделки // Вестник ВАС РФ. 2012. № 7.

²⁷³ Козлова Н.В. Указ. соч. С. 384.

²⁷⁴ Дмитриев-Ильин Ю. Указ. соч. С. 55.

обязаны подчиняться воле большинства. Тем самым при принятии решения воля первых не имеет правового значения.

Кроме того, как полагает Д.В. Ломакин, при признании у решения собрания свойств сделки остаются открытыми вопросы о соотношении процессов волеобразования и волеизъявления. На примере общего собрания акционеров указанный автор пишет, что общее собрание традиционно рассматривается как волеобразующий орган юридического лица. При этом, если решение общего собрания об одобрении крупной сделки не представляет собой итог волеобразования, а представляет собой сделку, то вопрос о том, как вырабатывалась воля общества на совершение этой сделки, остается открытым. В связи с этим Д.В. Ломакин полагает, что решение общего собрания акционеров представляет собой «акт органа управления общества, являющийся результатом процесса формирования воли общества, направленной на совершение крупной сделки»²⁷⁵. Интерес вызывает то, что такой подход сближает решение собрания с односторонней сделкой юридического лица, в которой, однако, отражены как моменты формирования воли, так и момент ее изъяснения.

Рассматривая процедуру реорганизации, Б.П. Архипов полагает, что решение общего собрания в рамках реорганизации общества является сделкой самого общества, которая предполагает заключение в свою очередь исполнительными органами общества конкретного реорганизационного договора²⁷⁶. Данный подход к решению вопроса также не может быть воспринят, поскольку решение собраний представляет собой результат именно формирования воли, в то время как сделка предполагает еще и волеизъявление.

Формирование воли в коллегиальном органе происходит путем изъяснения воли отдельных лиц. В этой связи данный процесс не предполагает согласования отдельных воли, в отличие, например, от договора. Указывая на данное отличие решений собраний от многосторонних сделок, В.К. Андреев

²⁷⁵ Ломакин Д.В. Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. С. 157.

²⁷⁶ См.: Архипов Б.Н. Гражданско-правовой механизм слияний и присоединений акционерных обществ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 8.

полагает, что «решения собраний - это действия участников гражданско-правового образования, направленные на возникновение правовых последствий в случаях, указанных в законе, и обязательные для всех лиц, имеющих право участвовать в данном собрании, а также иных лиц, когда это указано в законе или вытекает из существа отношений»²⁷⁷. В.В. Долинская относит решения собраний к юридическим актам как разновидности правомерных действий²⁷⁸. Представляется, что такое уточнение не может быть универсальным, поскольку в принципе решения собраний могут быть и неправомерными.

Изложенное позволяет сделать вывод, что решение собрания является самостоятельным юридическим фактом, который состоит из совокупности действий отдельных участников гражданско-правового сообщества, в частности, на уровне компетентного органа управления юридического лица. Решение собрания в рамках деятельности коллегиального органа управления юридического лица - это результат формирования воли юридического лица на уровне деятельности такого органа, посредством которого участники данного гражданско-правового сообщества, в том числе и аффилированные лица, могут участвовать в принятии решения.

Участие всех членов на уровне того или иного коллегиального по своему составу органа управления обусловлено именно его коллективностью. В.А. Ойгензихт писал, что «коллективная воля трансформируется из функциональных волей каждой клеточки – индивидуальных и групповых волей, эти индивидуальные и групповые воли обладают возможностью влиять на волю всего коллектива, в том числе и на регулятивный процесс поведения органа юридического лица»²⁷⁹. Следовательно, в коллегиальных органах юридического лица его воля формируется не только аффилированными лицами, но и другими лицами, имеющими возможность участвовать в принятии решения, которые вместе с тем не обладают возможностью блокировать принятие решения. Например, на общем собрании акционеров в голосовании участвуют все

²⁷⁷ Андреев В.К. Решения собраний. С. 67.

²⁷⁸ Долинская В.В. Общее собрание акционеров: монография. М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. С. 98.

²⁷⁹ Ойгензихт В.А. Указ. соч. С. 156.

акционеры, обладающие таким правом, но в то же время повлиять на принятие решения могут не все. В рамках одного из дел было установлено, что уставный капитал акционерного общества был разделен на 11741 обыкновенную именную акцию. В собрании приняли участие акционеры, владеющие 10392 голосов, что составляет 88,525% от общего количества голосов акционеров на данном общем годовом собрании. За принятие оспариваемых решений проголосовало 100% голосов лиц, принявших участие в собрании. В то же время один акционер был против принятия таких решений. Однако с учетом того, что этому акционеру принадлежало только 674 акции, суды пришли к выводу об отсутствии возможности повлиять на принятие решения по поставленным на голосование вопросам²⁸⁰. В этой связи логично разделять понятия «участие в принятии решения» и «влияние на принятие решения». Выделение аффилированных лиц среди всех остальных лиц, участвующих в принятии решения, обосновывается тем, что они не просто участвуют, а имеют возможность именно влиять на принятие решения.

Роль аффилированных лиц в процессе формирования воли отличает их от остальных участников. Определение такой роли может быть осуществлено при детальном анализе процессов принятия решений. В.А. Ойгензихт писал, что «воля юридического лица определяется доминирующей функциональной волей»²⁸¹. Действительно, по общему правилу, согласно п. 1 ст. 181.2 ГК РФ решение собрания считается принятым, если за него проголосовало большинство участников собрания и при этом в собрании участвовало не менее пятидесяти процентов от общего числа участников соответствующего гражданско-правового сообщества.

Данное правило находит свое развитие и в специальном законодательстве. Например, в п. 2 ст. 48 ФЗ об акционерных обществах закреплено, что решение общего собрания акционеров по вопросу, поставленному на голосование, принимается большинством голосов

²⁸⁰ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.10.2016 № Ф06-14282/2016 по делу № А57-18954/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸¹ Ойгензихт В.А. Указ. соч. С. 159.

акционеров - владельцев голосующих акций общества, принимающих участие в собрании, если для принятия решения ФЗ об акционерных обществах не установлено иное. Следовательно, если решение принимается простым большинством голосов, то лицо, обладающее таким большинством, в любом случае будет определять решение всего собрания, даже если в голосовании участвуют иные лица. При этом по действующему законодательству лицо, которое не способно оказывать влияние на голосование по конкретному вопросу все равно признается аффилированным, что является нелогичным. По одному из дел было установлено, что, несмотря на факт аффилированности лица в силу принадлежности лицу 7/35 долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (или 20 % долей в уставном капитале общества, что свидетельствует о признании лица аффилированным по действующему законодательству), участник «не мог оказать существенного влияния на голосование по вопросам повестки дня, по которым принимается решение простым большинством голосов. Таким образом, отсутствие либо присутствие истца не могло повлиять на решения, принятые на собрании, и новый директор общества в любом случае был бы избран»²⁸². Следовательно, по действующему законодательству сама по себе аффилированность не всегда влечет правовые последствия, связанные с возможностью влияния на формирование воли юридического лица.

В то же время решения не всегда принимаются простым большинством голосов. Законодательство о хозяйственных обществах предусматривает вопросы, решения по которым принимаются квалифицированным большинством голосов или единогласно. Например, согласно п. 4 ст. 49 ФЗ об акционерных обществах «решение по вопросам, указанным в подпунктах 1 - 3, 5, 16, 17 и 19.2 пункта 1 статьи 48 настоящего Федерального закона, принимается общим собранием акционеров большинством в три четверти голосов акционеров - владельцев голосующих акций, принимающих участие в

²⁸² Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.11.2013 по делу № А56-40043/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

общем собрании акционеров, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом». В ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью также существуют нормы, предусматривающие необходимость квалифицированного большинства при принятии решений (п. 1 ст. 5, п. 1 ст. 18 и др.). Кроме того, положения законов могут конкретизироваться в учредительных документах. Так, согласно ст. 10 ФЗ об акционерных обществах, ст. 12 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью устав хозяйственного общества должен содержать помимо прочего перечень вопросов, решение по которым принимается органами управления общества квалифицированным большинством голосов или единогласно.

Принятие решения, для которого требуется квалифицированное большинство голосов, характеризуется тем, что при принятии решения участвуют не только лица, которые обладают большинством голосов, но и лица, которые не обладают большинством голосов. Используя определенное количество голосов, превышающее разницу между максимальным количеством голосов на собрании и количеством голосов, которое составляет квалифицированное большинство, лица могут заблокировать принятие решения.

Так, по одному из дел²⁸³ суд установил, что на внеочередном общем собрании акционеров присутствовал только акционер, владеющий 51% от общего числа голосующих акций общества, который проголосовал «за» по всем вопросам повестки дня. Вместе с тем среди вопросов повестки дня были такие вопросы, для принятия решений, по которым требовалось квалифицированное большинство голосов. В этой связи суд указал на нарушение прав другого акционера, которому принадлежало 29,77% акций, поскольку владея блокирующим пакетом для большинства в 3/4 голосов, необходимых для принятия решения об одобрении кредитной сделки, такой акционер, безусловно, определял бы исход решений собрания, и его голосование,

²⁸³ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.02.2017 № 18АП-518/2017 по делу № А76-28127/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

соответственно, могло повлиять на результат формирования воли юридического лица.

По другому делу²⁸⁴ было установлено, что участниками общества с ограниченной ответственностью являются два физических лица с долями в уставном капитале в размере 53% и 47%, соответственно. При этом суд указал на то, что голосование участника общества с меньшим количеством голосов могло повлиять на результаты голосования, поскольку в соответствии с уставом общества решение об изменении устава, должно быть принято 2/3 голосов от общего числа участников общества. Следовательно, без участия в голосовании такого участника или без его положительного решения воля юридического лица не могла быть сформирована.

Приведенные примеры влияния лица с количеством голосов, превышающим разницу между максимальным количеством голосов на собрании и количеством голосов, которое составляет квалифицированное большинство, наглядно свидетельствуют о том, что правовые последствия аффилированности возникают не только при наличии преобладающего участия, но и при наличии блокирующего участия, так как влиять на деятельность юридического лица по определенным вопросам, для принятия решения по которым требуется квалифицированное большинство голосов, можно и путем блокирования принятия решений. Таким образом, при принятии решения, для которого необходимо квалифицированное большинство голосов, аффилированные лица имеют право не только участвовать в голосовании, но и имеют возможность влиять на сам факт принятия того или иного решения путем его блокирования.

В коллегиальных органах в ряде случаев требуется единогласное принятие решений (см. п. 8 ст. 7, п. 8 ст. 15, п. 1 ст. 20 и др. ФЗ об акционерных обществах; п. 2 ст. 8, п. 2 ст. 9, п. 2 ст. 19 и др. ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью). Следовательно, даже лицо, которому принадлежит

²⁸⁴ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.04.2017 № 17АП-7418/2016-ГК по делу № А60-48968/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

большинство голосов на собрании относительно любого другого лица, не сможет обеспечить принятие решения, если другое лицо будет против. В таких случаях мажоритарий не отличается от других участников, поскольку мажоритарий просто участвует в голосовании, но не влияет на принятие решения. В этом случае невозможность влияния на принятие решения свидетельствует о том, что лицо с относительным большинством голосов не может быть признан аффилированным при принятии решения по конкретному вопросу в рамках компетенции органа управления.

Таким образом, обнаруживается закономерная зависимость исхода принятия решения в конкретном коллегиальном органе управления от требуемого большинства голосов, необходимого для принятия соответствующего решения по конкретному вопросу в рамках компетенции этого органа. По общему правилу для принятия решения требуется простое большинство голосов, что означает, что лица, обладающие таким большинством голосов (то есть аффилированные лица), могут влиять на принятие решения. Если лицо не имеет большинства голосов, то оно с точки зрения принятия решения по данному вопросу приравнивается к неаффилированным участникам. Если требуется квалифицированное большинство голосов, то лицо, у которого есть простое большинство голосов, не способно влиять на принятие решения, хотя такая возможность возникает у лиц с блокирующим количеством голосов. Наконец, если требуется единогласное принятие решения, то само состояние аффилированности теряет значение, поскольку лица не имеют правовых средств по влиянию, они приравниваются к неаффилированным участникам.

Относительно уровня высшего органа корпорации, которым по общему правилу является общее собрание участников, можно сделать вывод, что при увеличении требуемого большинства голосов для принятия решения уменьшается возможность лиц с относительным большинством количества голосов влиять на принятие решения при голосовании. В то же время при таком изменении требуемого большинства голосов увеличиваются возможности

участников с относительным меньшинством голосов (миноритариев) по поводу формирования воли юридического лица.

Возрастание роли миноритариев при принятии решения, в случае если для принятия решения требуется квалифицированное большинство голосов, представляется возможным объяснить, используя понятийный аппарат, характерный при описании общих механизмов агрегирования единой воли на основе воли отдельных участников той или иной социальной группы. Так, опираясь на исследования К. Эрроу²⁸⁵, Д.И. Степанов указывает на принципиальную невозможность создать функцию агрегирования, которая бы не была диктаторской, имея в виду, что «диктатор в терминологии К. Эрроу понимается довольно широко: как любое лицо, обладающее возможностью замещать предпочтения членов социума или определенной группы предпочтениями всего лишь одного лица, причем такой диктатор может как входить в группу, так и находиться вне ее»²⁸⁶. Таким образом, предполагается, что принятие любого группового решения основано на диктате лица, волеизъявление которого играет определяющую роль в формировании воли всей группы.

Применительно к корпоративному праву Д.И. Степанов приводит пример, где роль диктатора принадлежит участнику корпорации, который «в силу принадлежащего ему объема прав корпоративного контроля может принять решение, становящееся обязательным для всех прочих участников, даже если они внутренне не согласны с ним»²⁸⁷. Он отмечает, что возможность быть диктатором в корпоративных отношениях обусловлена, прежде всего, возможностью осуществлять агрегирование предпочтений группы (участников корпорации), на что способен, в частности, миноритарий, блокирующий принятие решения. По мнению указанного ученого, «в данном случае именно

²⁸⁵ См.: Kenneth J. Arrow. A Difficulty in the Concept of Social Welfare, 58 J. Pol. Econ. 328–9 (1950) // Цит. по: Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 50.

²⁸⁶ Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников. С. 54.

²⁸⁷ Там же.

миноритарий выступает диктатором, навязывая свою волю мажоритарии»²⁸⁸. Представляется, что смещение диктата, основанного на фактическом неравенстве участия в уставном капитале, в сторону миноритария говорит об уравнивании возможностей влиять на принятие решений, исходя не из баланса «сил», а из баланса интересов, под которым можно понимать, в том числе, соразмерность прав участников корпорации и их равные возможности для реализации своих интересов²⁸⁹. Это значит, что при голосовании по конкретному вопросу уравнивание определенным образом возможностей между участниками свидетельствует об установлении баланса интересов. Из этого следует вывод, что увеличение требуемого большинства голосов на уровне закона или учредительного документа для принятия решения позволяет достигать баланса интересов участников на уровне высшего органа управления корпорации.

В отличие от коллегиального органа полномочия любого единоличного (по своему составу) органа управления юридического лица осуществляет одно аффилированное лицо. Такая ситуация возможна, например, в случаях, когда в юридическом лице есть только один участник (акционер), один учредитель, одно лицо, осуществляющее полномочие единоличного исполнительного органа (генеральный директор) и т.д.

Например, ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью предусмотрены особенности принятия решений единственным участником по вопросам, относящимся к компетенции общего собрания участников общества. В ст. 39 данного закона предусмотрено, что в обществе, которое состоит из одного участника, решения на уровне высшего органа управления принимаются таким единственным участником единолично и оформляются письменно. Подобное правило закреплено и в п. 3 ст. 47 ФЗ об акционерных обществах, согласно которому, если все голосующие акции принадлежат одному акционеру, то решения на уровне высшего органа управления

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ См.: Пьянкова А.Ф. Концепция баланса интересов и ее место в гражданском праве России // Вестник Пермского университета. 2014. № 2. С. 120.

принимаются таким акционером единолично и оформляются письменно. Кроме того, аналогичное правило закреплено в Положении об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами («золотой акции»)²⁹⁰, согласно которому в акционерных обществах полномочия общего собрания акционеров осуществляются Федеральным агентством по управлению государственным имуществом (или Министерством обороны Российской Федерации, или Управлением делами Президента Российской Федерации), если все голосующие акции таких обществ находятся в федеральной собственности. При этом решения на уровне высшего органа управления оформляются распоряжениями Агентства (Министерства или Управления делами Президента Российской Федерации).

Также единственным лицом, участвующим в формировании воли дочернего юридического лица может быть основное по отношению к нему общество. Так, по одному из дел суды установили, что в соответствии с уставом дочернего общества акционер, владеющий 100 процентами акций дочернего общества, вправе давать такому обществу обязательные указания в форме утвержденного Президентом основного общества графика реализации инвестиционного проекта²⁹¹. Можно сказать, что основное общество сформировало волю дочернего общества, не оформив данное решение как решение собственно основного общества, а оформив его в качестве решения дочернего общества, принятого на уровне его высшего органа, функции которого исполняет как раз основное общество.

В этом смысле справедливым видится мнение И.С. Шиткиной, которая указывает на принципиальную недопустимость управления дочерними хозяйственными обществами путем принятия единых документов, которые

²⁹⁰ Постановление Правительства РФ от 03.12.2004 № 738 (ред. от 19.07.2017) «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами («Золотой акции»)» // СЗ РФ. 2004. № 50. ст. 5073.

²⁹¹ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.03.2016 № 15АП-1627/2016 по делу № А53-22097/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

непосредственно распространяются на все юридические лица, участвующих в холдинге, так как ни один документ не способен перешагнуть границы юридического лица²⁹². Действительно, воля дочернего общества в рассматриваемом случае формируется на уровне высшего органа самим дочерним обществом, хотя участие в формировании воли принимает только основное общество.

В то же время, как уже отмечалось в параграфе 2.2. настоящей диссертации, некоторые юридические лица не имеют явно выраженных высших органов управления. Несмотря на то, что законодатель прямо не называет высшие органы у некоторых юридических лиц, решение определенных вопросов может быть отнесено только к компетенции учредителя. Так, например, гл. 3 ФЗ об автономных учреждениях²⁹³ посвящена управлению автономным учреждением. В п. 2 ст. 8 данного закона закреплено, что к органам учреждения (автономного) относятся: наблюдательный совет автономного учреждения; руководитель автономного учреждения; а также иные органы, которые предусмотрены законами и уставом конкретного автономного учреждения (в частности, такими органами могут быть: общее собрание (конференция) работников автономного учреждения; ученый или художественный совет). Вместе с этим ст. 9 данного закона определяет компетенцию учредителя в области управления автономным учреждением. При этом учредитель влияет на учреждение не через органы юридического лица, а непосредственно. В этом смысле учредитель также обладает исключительной возможностью участвовать в формировании воли юридического лица на уровне его высшего органа.

Формирование воли юридического лица возможно и на уровне функционирования других органов, например, на уровне единоличного исполнительного органа. Вопрос о формировании воли юридического лица применительно к такому случаю рассматривал Ю.К. Толстой, отмечая, что

²⁹² Корпоративное право: учебный курс / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: КНОРУС, 2011. С. 677. (автор главы - Шиткина И.С.).

²⁹³ Федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ (ред. от 27.11.2017) «Об автономных учреждениях» // СЗ РФ. 2006. № 45. ст. 4626.

должностное лицо-директор творчески исполняет волю государства, которая преобразуется в волю самого руководителя. В правоотношениях руководителем, таким образом, выражается собственная воля, но ее содержание определено волей государства²⁹⁴. Такой подход в современных условиях является неоднозначным. С одной стороны, в настоящее время в законодательстве не закреплены механизмы влияния на волю директора, следовательно, лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа, не обязано транслировать чью-то волю как свою. С другой стороны, на практике наряду с официальным директором на юридическое лицо может влиять иное лицо, которое фактически может управлять им через номинального официального директора²⁹⁵. В английском праве (в Законе о компаниях 2006 г.) существует даже специальное понятие «теневого директор» («shadow director»), под которым понимается лицо, в соответствии с указаниями или инструкциями которого директор компании привыкли действовать (ст. 251)²⁹⁶. В этом случае уместно применять подход, предусматривающий формирование системы отношений, в которых теневого директор будет аффилированным лицом второго порядка, поскольку он состоит в определенных отношениях с аффилированным лицом первого порядка. Таким образом, несмотря на отсутствие непосредственных отношений с конкретным юридическим лицом, такое состояние связанности, как аффилированность будет распространяться и на теневого директора, что позволит более точно идентифицировать волю теневого директора и в последующем применить к нему соответствующие правовые последствия вплоть до привлечения к ответственности.

Несмотря на возможность оказания влияния на директора, отсутствие специальных правовых механизмов такого влияния свидетельствует о

²⁹⁴ Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 70.

²⁹⁵ См.: Лиханов А.С., Согбатьян А.Г. Ответственность теневого директора за причиненные корпорации убытки // Закон. 2017. №3. С. 139; McLaughlin S. Unlocking company law. 2 th ed. Abingdon, Oxon [UK]: Routledge. 2013. P. 226.

²⁹⁶ Companies Act 2006 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/251> (дата обращения: 11.01.2018).

презумпции, что директор действует в пределах компетенции единоличного исполнительного органа самостоятельно. Этот вывод может быть распространен даже в отношении юридических лиц, которые находятся в состоянии аффилированности с публично-правовыми образованиями, поскольку содержание воли директора (руководителя), по общему правилу, не предопределяется публично-правовыми образованиями. Вместе с тем воля лица, которое осуществляет полномочия единоличного исполнительного органа, не может противоречить воле лиц на уровне вышестоящих органов, поскольку существующая система органов предполагает подотчетность исполнительных органов вышестоящим органам (например, совету директоров (наблюдательному совету) общества и общему собранию акционеров).

Парадоксальная ситуация складывается, когда на уровне единоличного исполнительного органа решения принимаются коллективно. Такая возможность возникает из-за того, что согласно абз. третий п. 1 ст. 53 ГК РФ учредительным документом юридического лица полномочия, связанные с выступлением от имени юридического лица, могут быть предоставлены нескольким лицам, либо действующим совместно, либо независимо друг от друга. При этом данные сведения подлежат включению в единый государственный реестр юридических лиц. Что касается единоличных исполнительных органов в корпоративных организациях, то данное правило конкретизируется в п. 3 ст. 65.3 ГК РФ, где указано на возможность предусмотреть в уставе предоставление полномочий единоличного исполнительного органа нескольким лицам, которые действовали бы или совместно, или независимо друг от друга при условии образования нескольких единоличных исполнительных органов.

В литературе приводится пример, когда «может быть установлено, что заключение определенного вида договоров допускается только при одновременном волеизъявлении генерального директора и финансового директора общества (соответственно оба этих лица подписывают договор)»²⁹⁷.

²⁹⁷ Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. С. 123. (автор главы – Гонгало Б.М.).

В таком случае несмотря на то, что орган называется единоличным, по своему составу он будет коллегиальным. Логично заключить, что в случаях, когда в составе единоличного исполнительного органа действуют совместно несколько лиц, решение принимается коллегиально по правилам принятия решения собрания.

В то же время, если вышеуказанные лица действуют отдельно, то они принимают решения юридического лица в рамках своих полномочий. Например, при частичной передаче полномочий единоличного исполнительного органа, как отмечает И.В. Григораш, «управляющая организация как бы «встраивается» в корпоративную структуру управляемой организации»²⁹⁸. Вследствие аффилированности управляющее лицо наряду с другим лицом, исполняющим функции единоличного исполнительного органа, осуществляет часть полномочий, включенных в компетенцию такого органа.

Так, в рамках одного из дел суд установил, что договором о передаче части полномочий единоличного исполнительного органа общества, заключенного между двумя обществами с ограниченной ответственностью, последнее передает, а первое принимает и осуществляет часть полномочий его единоличного исполнительного органа в порядке и на условиях, оговоренных договором. Между тем директор общества, которое передавало полномочия единоличного исполнительного органа, также мог действовать в рамках своих полномочий. В связи с этим суд сделал вывод, что функции исполнительного органа общества осуществляют два исполнительных органа, а именно: директор и управляющая компания²⁹⁹. Таким образом, частичная передача полномочий единоличного исполнительного органа ограничивает полномочия лица, изначально осуществляющего компетенцию единоличного исполнительного органа. В связи с этим воля на уровне единоличного исполнительного органа формируется несколькими аффилированными лицами отдельно.

²⁹⁸ Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 349, 356. (автор очерка – И.В. Григораш).

²⁹⁹ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.01.2017 по делу № А65-16422/2016 // СПС «КонсультантПлюс»

Особого рассмотрения заслуживает вопрос формирования воли юридического лица, аффилированность которого возникла из договорного основания. В этом случае воля на этапе возникновения аффилированности под влиянием оказывается юридическое лицо в целом, без конкретизации его органов, но воля такого юридического лица формируется по определенному вопросу, который в итоге входит в компетенцию конкретного органа юридического лица. Следовательно, если речь идет уже о формировании воли юридического лица, то обнаруживается, что аффилированное лицо влияет на данный процесс на уровне конкретного компетентного органа.

Проведенное исследование формирования воли юридического лица, находящегося под влиянием аффилированных лиц, позволяет сделать следующие выводы.

Воля юридического лица формируется определенным субъектным субстратом (коллективом), участвующим в функционировании компетентных органов управления юридического лица. В связи с тем, что органы юридического лица являются его частью, то воля, сформированная в результате функционирования органа, представляют волю самого юридического лица. В этом смысле психологическая воля отдельных лиц трансформируется в волю юридического лица и приобретает только юридическое значение. Таким образом, влияние аффилированности на формирование воли юридического лица проявляется путем влияния аффилированных лиц на процесс принятия решений на соответствующих уровнях компетентных органов управления юридического лица.

Классификация органов юридического лица на коллегиальные и единоличные позволяет рассмотреть особенности механизма формирования воли юридического лица, осуществляемого путем принятия решений.

Формирование воли на уровне коллегиальных органов управления осуществляется путем принятия решений собраний, которые представляют собой результат формирования воли юридического лица на уровне деятельности таких органов, посредством которого участники данного

гражданско-правового сообщества, в том числе и аффилированные лица, могут участвовать в принятии решения. Различие понятий «участие в принятии решения» и «влияние на принятие решения» позволяет обнаружить закономерность изменения роли аффилированных лиц на процесс принятия решения в зависимости от конкретного вопроса в рамках компетенции конкретного органа: увеличение требуемого большинства голосов для принятия решения позволяет достигать баланса интересов участников на уровне высшего органа управления корпорации.

Что касается функционирования единоличных (по составу) органов управления, то влияние аффилированного лица на юридическое лицо характеризуется тем, что только такое лицо участвует в формировании воли юридического лица. При этом даже если у юридического лица явно не выражен высший орган, то логично полагать, что исключительной возможностью формировать волю такого юридического лица на уровне его высшего органа обладает учредитель.

В случае, если аффилированность возникает по договорному основанию, воля формируется аффилированным лицом, не затрагивая функционирование конкретных органов управления юридического лица, находящегося в состоянии аффилированности. Определенность того или иного вопроса, по которому сформировалась воля юридического лица, в итоге позволяет определить на уровне какого органа юридического лица проявилось данное гражданско-правовое последствие.

3.2. ВЛИЯНИЕ АФФИЛИРОВАННОСТИ НА СВОБОДУ ДОГОВОРА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Исходя из сущности принципа свободы договора (см. п. 1 ст. 1, ст. 421 ГК РФ) заключение договоров носит добровольный характер, что предполагает

достижения соглашения сторон в соответствии с их волей и интересами. Оценивая возможности частного договора, разновидностью которого является и гражданско-правовой договор, как средства регулирования общественных отношений, В.В. Ершов пишет, что «частные договоры регулируют общественные отношения, но вырабатывают лишь индивидуальные права и обязанности для его сторон, и только в пределах, ограниченных принципами и нормами, содержащимися в единой системе форм международного и внутригосударственного права, реализуемых, например, в России»³⁰⁰. Следовательно, свобода договора зависит не только от желаний контрагентов по регулированию их взаимоотношений, поскольку во многом ее пределы предопределяются действующими принципами и нормами права. Потенциально конфликтогенный характер аффилированности в силу наличия заинтересованности аффилированных лиц в деятельности юридического лица способен привести к различным злоупотреблениям со стороны аффилированных лиц как в отношении самого юридического лица, так и в отношении иных участников гражданского оборота. В этой связи специального исследования требует вопрос о влиянии аффилированности юридических лиц на правовое закрепление пределов свободы договора, присущей соответствующим отношениям юридических лиц с их аффилированными лицами, а также с другими участниками гражданского оборота.

Свобода договора представляет собой многоаспектное явление. Обычно она рассматривается с точки зрения самостоятельности в решении вопроса о заключении или не заключении договора, выбора контрагента, в определении вида и условий договора³⁰¹. Кроме того, стороны вправе заключать договоры, не предусмотренные законодательством, но не противоречащие ему (непоименованные договоры).

³⁰⁰ Ершов В.В. Частный договор – источник российского права? // Российское правосудие. 2013. № 7. С.10.

³⁰¹ См.: Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: Монография. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. С. 63; Российское гражданское право. В 2 т. Т. 2. Обязательственное право: Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2015. С. 137-140. (автор параграфа – Суханов Е.А.); Гражданское право: учебник. В 3 т. Т. 1. /под ред. Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2011. С.586-587. (автор главы – Егоров Н.Д.); Илюшина М.Н. Развитие учения о гражданско-правовом договоре в новеллах Гражданского кодекса Российской Федерации // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 502.

Характеризуя каждый аспект свободы договора, можно отметить, что, во-первых, свобода выражается в решении вопроса о заключения договора. Как отмечается в литературе, реализация данного аспекта свободы договора привела к тому, что «утратила основу для существования и вызванная к жизни условиями «планово организованной экономики» категория так называемых хозяйственных договоров, которые стороны – «социалистические организации» (юридические лица) - заключали по административному принуждению и на условиях, установленных указанными актами, а не определенными их собственной волей»³⁰². В настоящее время по общему правилу субъекты гражданского права самостоятельно принимают решения относительно заключения того или иного договора, то есть обязанность заключения договора отсутствует, за исключением специально установленных случаев.

Во-вторых, свобода договора предполагает возможность выбора контрагента. Поскольку договор является многосторонней сделкой, для его заключения необходимо наличие воли всех сторон. При заключении договора субъект права сам определяет своего потенциального контрагента, исходя из своих собственных интересов.

В-третьих, содержание свободы договора заключается в свободе определения характера договора и в определении его условий. Субъекты гражданского права самостоятельно решают, какой именно договор им заключить. В силу п. 2 ст. 421 ГК РФ стороны вправе заключить как договор предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами, если только такой договор не противоречит прямым законодательным запретам и соответствует общим началам и смыслу гражданского законодательства. Действуя согласно своей воле, стороны во всех случаях определяют его содержание и формируют его конкретные условия, кроме случаев, когда содержание того или иного условия не определено законом или иными правовыми актами императивно.

³⁰² Российское гражданское право. В 2 т. Т. 2. Обязательственное право: Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2015. С. 138. (автор параграфа – Суханов Е.А.).

Представляется, что свобода договора в современном позитивном праве и доктрине выступила альтернативой принудительного характера договора в плановой экономике, который играл, по мнению Ю.К. Толстого, факультативную роль по сравнению с планово-административными актами³⁰³. По мнению Л.А. Маковского, в договорные отношения не могут оформляться обязательные решения. В связи с этим договорные отношения в масштабах хозяйственной системы, по мнению указанного ученого, нецелесообразны, поскольку они распространяются на административные отношения, характеризующиеся как вертикальные властно-организационные отношения, что вступает в противоречие с сутью договорных связей, которые основаны на равенстве сторон³⁰⁴. Критика договорных отношений в рамках хозяйственной системы в итоге привела к тому, что договор в настоящее время рассматривается как соглашение равных субъектов права, обладающих автономией воли и самостоятельностью.

Вместе с тем М.И. Кулагин обоснованно обратил внимание на то, что реальные экономические взаимоотношения заставляют гражданское право регулировать отношения не только фактически неравных, но и юридически неравных субъектов права, что влечет необходимость пересмотра предмета гражданского права на предмет возможности включения в него вертикальных отношений, помимо отношений, выстроенных по горизонтали³⁰⁵. Такой подход к необходимости гражданско-правового регулирования отношений, основанных на неравенстве, в частности на экономической и иной социальной зависимости, позволяет исследовать свободу договора лиц, находящихся в вертикальных отношениях.

Обращая внимание на договорное регулирование вертикальных отношений, С.С. Занковский, писал, что «вертикальные отношения в настоящее время складываются как между государственными органами и коммерческими структурами, так и в рамках хозяйственных систем. Но применительно к

³⁰³ Гражданское право: учебник. В 3 т. Т. 1. Под ред. Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2011. С.590. (автор главы – Егоров Н.Д.).

³⁰⁴ См.: Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922 - 2006). М.: Статут, 2010. С. 233.

³⁰⁵ Кулагин М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада. С. 41.

последним роль системообразующего фактора должны играть не административные способы руководства, а предпринимательский договор»³⁰⁶. Несмотря на то, что как таковых в настоящее время хозяйственных систем не существует, применительно к системе аффилированных лиц может быть уместна аналогия с хозяйственной системой.

По мысли указанного ученого, акционерное общество в условиях интенсивной конкуренции, расширяя сферу своей деятельности, способно образовывать дочерние общества. Интерес акционерного общества состоит в использовании различных механизмов по руководству деятельностью дочерних обществ и в получении полного контроля над ними. Для обеспечения данных интересов между основным и дочерним (дочерними) обществом (обществами) заключается договор, в соответствии с которым основное общество участвует в формировании и утверждает бизнес-планы дочерних обществ; выдает обязательные указания, связанные с реализацией этих планов, а также иные указания, касающиеся деятельности дочерних обществ, в частности о перераспределении временно свободных финансовых ресурсов внутри холдинга, заключении с теми или иными лицами договоров; осуществляет повседневный оперативный контроль за деятельностью дочерних обществ; рассматривает и утверждает их отчеты и осуществляет иные действия³⁰⁷. Как указывает С.С. Занковский, такие отношения выходят за установленные ГК РФ пределы договорных отношений между основным и дочерним хозяйственными обществами, поскольку основное общество, по сути, осуществляет функции органа хозяйственного руководства, а модель таких отношений не укладывается в существующие рамки законодательства³⁰⁸. Тем самым подчеркивается нетипичность вертикальных договоров, их принципиальное отличие от обычных «горизонтальных» договоров, поскольку они связаны с управлением, что ставит под сомнение свободу договора юридического лица, находящегося в состоянии аффилированности.

³⁰⁶ Занковский С.С. Энергетическая безопасность России: правовые вопросы // Энергетическое право. 2006. № 2. С. 66.

³⁰⁷ Там же. С. 66-67.

³⁰⁸ Там же. С. 67.

В настоящее время проблема правовой природы договорных отношений лиц в состоянии аффилированности, а также особенности и пределы свободы договора остаются нерешенными. Действительно, ни в ГК РФ, ни в федеральных законах об акционерных обществах и об обществах с ограниченной ответственностью, ни в других законах не устанавливаются особенности свободы договора в состоянии аффилированности.

Модель договорных отношений лиц в состоянии аффилированности можно рассмотреть с двух сторон.

С одной стороны, экономическая и иная социальная зависимость сторон, общая цель их деятельности может свидетельствовать о высоком уровне доверия лиц в состоянии аффилированности. При этом уровень доверия имеет правовое значение. Так, А.Е. Кирпичев, основываясь на идее Х. Коллинза о том, что доверие является парным понятием санкций, пишет, что «чем выше уровень доверия между сторонами или к одной из сторон, тем менее строгие санкции требуются по отношению к ней в договоре»³⁰⁹. Например, высокий уровень доверия присущ отношениям основного и дочернего обществ. Таким образом, установление санкций находится в обратной зависимости от уровня доверия. Следовательно, уровень доверия между юридическими лицами и их аффилированными лицами, который выше, чем у обычных контрагентов, может упрощать санкции и вообще договорные отношения. В определенных случаях при наличии аффилированности можно констатировать отсутствие необходимости договора, в то время как при ее отсутствии договор был бы необходим.

Например, по одному из дел судом было установлено, что передача имущества между основным и дочерним обществами была оформлена решениями органов данных юридических лиц и актом приема-передачи. Разрешая вопрос о характере отношений юридических лиц при передаче имущества от основного общества к дочернему, суд, ссылаясь на принцип

³⁰⁹ Кирпичев А.Е. Система санкций за нарушение договора: меры ответственности, меры оперативного воздействия, расторжение договора и неюридические санкции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 10.

свободы договора, отметил, что данные отношения представляют собой непоименованный договор в рамках функционирования единого хозяйствующего субъекта (холдинга)³¹⁰. Несмотря на то, что суд выявил обязательственные отношения, возникшие из договора, между сторонами, судом не было учтено, что воля дочернего юридического лица могла быть сформирована под влиянием основного общества. Исходя из того, что договор представляет собой волевое соглашение лиц, возникают сомнения относительно того, было ли вообще соглашение так таковое. Это позволяет усомниться в наличии договора как соглашения, поскольку фактически данные отношения могут возникать по воле аффилированного лица, в то время как подконтрольное юридическое лицо обязано претерпевать контролирующее воздействие и вступать в договорные отношения принудительно, что свидетельствует о договоре лишь как о юридическом средстве оформления отношений. В этом смысле договорные отношения схожи по своей природе с отношениями по закреплению имущества за унитарными юридическими лицами (унитарные предприятия, учреждения) на праве хозяйственного ведения либо на праве оперативного управления.

Из-за влияния одного лица на принятие решения о заключении договора происходит парадоксальная ситуация полного или частичного совпадения воли одного контрагента и воли другого контрагента, сформированной под влиянием первого контрагента. Например, основное общество дает указания дочернему обществу на заключение договора с самим собой. Вместе с тем «заключение договора является юридической процедурой, включающей в себя последовательные волеизъявления сторон с целью достижения их соответствия»³¹¹. Даже если формальность и будет соблюдена, самого соглашения лиц не будет. В связи с этим возникают трудности при применении классической теории договора как соглашения в отношениях между

³¹⁰ Определение Верховного Суда РФ от 16.02.2017 по делу № 302-ЭС16-15043, А78-16444/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Президиума ВАС РФ от 04.12.2012 № 8989/12 по делу № А28-5775/2011-223/1 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 8.

³¹¹ Кондрачев В.А. Заключение договора // Российское правосудие. 2016. № 1. С. 25.

юридическими лицами и их аффилированными лицами, как частное проявление проблем теории договора как соглашения³¹².

С другой стороны, позволяющей по-иному оценить модель договорных отношений лиц в состоянии аффилированности, отношения между юридическими лицами и их аффилированными лицами могут быть квалифицированы как внутривладельческие (внутрифирменные) обязательства (их система). Внутривладельческие отношения являлись предметом исследования сторонников хозяйственного права³¹³, а в настоящее время исследуются в рамках предмета предпринимательского права³¹⁴.

Возможность внутрифирменных отношений признается и в зарубежной теории при исследовании совокупности юридических лиц как единого предприятия, имея в виду, что, по сути, предприятие, рассматриваемое с экономической точки зрения как единое целое, юридически может быть выражено во множестве юридических лиц³¹⁵. Следовательно, взаимоотношения формально самостоятельных лиц представляют собой деятельность фактически одного субъекта с экономической точки зрения (фирмы).

Вместе с тем юридические лица являются самостоятельными субъектами права, поэтому даже в рамках совместной деятельности, предполагающей влияние на деятельность юридического лица, необходимо достижение согласованности их взаимоотношений.

В качестве такого средства достижения согласованности взаимоотношений в рамках хозяйственной системы отечественная наука XX века рассматривала «хозяйственный» договор, под которым понималось соглашение сторон, направленное на установление, изменение или прекращение их хозяйственных прав и обязанностей как участников хозяйственных отношений. В рамках общего понятия хозяйственного договора

³¹² См.: Поддников Д.Ю. Значение сравнительного изучения истории института договора в западной традиции права // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. III Московский юридический форум. X Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 4 ч. Ч. 1. М.: Проспект, 2016. С. 101.

³¹³ См.: Мартемьянов В.С. Хозяйственное право: Курс лекций. М., 1994. Т. I. Общие положения. С. 47.

³¹⁴ См.: Предпринимательское право / отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2015. С. 24. (автор главы – Ершова И.В.).

³¹⁵ Orts E.W. Business Persons: A Legal Theory of the Firm. Oxford University Press, 2015. P. 91.

выделялись хозяйственно-оперативные, хозяйственно-управленческие и внутрихозяйственные договоры, служащие основанием возникновения обязательств одноименных групп³¹⁶. При этом даже противники концепции хозяйственного права указывали на необходимость договорных отношений в рамках определенной хозяйственной системы. Так, О.С. Иоффе писал, что по общему правилу планово-административные акты не могут учитывать и предусматривать всех существенных особенностей, необходимых для надлежащего исполнения обязательств. Административное (плановое) основание обязательства приобретает действительность и эффективность лишь тогда, когда оно уточняется с помощью договора. В связи с этим указанный ученый критиковал практику бездоговорных хозяйственных связей между социалистическими организациями³¹⁷. В связи с этим представляется, что практика заключения договора, как средства индивидуализации, уточнения прав и обязанностей сторон, показавшая свою эффективность в рамках функционирования хозяйственных систем, может быть воспринята и в рамках функционирования систем, основанных на аффилированности.

В современной теории и практике признаются договоры между юридическими лицами и их аффилированными лицами. При этом по общему правилу договоры между такими лицами не запрещены. Так, по одному из дел суд установил следующее. Хозяйственное общество и муниципальное унитарное энергоснабжающее предприятие МО Рузаевка «Электротеплосеть» заключили договор аренды, по которому арендодатель (унитарное предприятие) предоставляет, а арендатор (общество) принимает во временное владение и пользование как движимое, так и недвижимое имущество (объект аренды). После на базе имущества унитарного предприятия было создано открытое акционерное общество «Электротеплосеть». В связи с приобретением хозяйственным обществом, которое было арендатором, 100 % акций открытого акционерного общества «Электротеплосеть» последнее приобрело статус

³¹⁶ См.: Хозяйственное право: учебник / под ред. В.В. Лаптева. М.: Юридическая литература, 1983. С. 150.

³¹⁷ Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. С. 18.

дочернего общества. При этом суд пришел к выводу, что поскольку ОАО «Электротеплосеть» являлось самостоятельным юридическим лицом, оно имело право совершать любые сделки, которые противоречат законодательству Российской Федерации. Таким образом, данные юридических лица имели право заключить договор аренды имущества, и тот факт, что основное общество являлось единственным акционером дочернего общества, не может быть основанием для запрета заключения договора аренды недвижимого имущества³¹⁸. Приведенный случай свидетельствует о возможности договорного регулирования отношений между лицами, находящимися в состоянии аффилированности.

Свобода договорных отношений лиц в состоянии аффилированности характерна для большинства сфер осуществления предпринимательской деятельности. Например, возможность таких отношений допускается в законодательстве, регулирующем банковскую деятельность. Банк России при обычных условиях деятельности кредитных организаций не запрещает отношения между юридическими лицами и их аффилированными лицами. При необходимости Банк России доводит в рекомендательной форме до кредитных организаций свою позицию по данному вопросу. Так, в Письме Московского ГТУ Банка России ОПЕРУ от 20 апреля 2009 г. № 33-13-14/32331 «О выплате вознаграждений руководителям кредитных организаций»³¹⁹ указывается, что Банк России считает решения о предоставлении льготных кредитов аффилированным лицам некорректными и неэтичными, влекущими за собой ухудшение их финансового состояния и повышение репутационного риска. Анализируя обозначенное письмо Банка России Г.Ф. Ручкина делает вывод, что «совершение кредитными организациями сделок на льготных условиях с аффилированными по отношению к ним лицами носит некорректный и

³¹⁸ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13.02.2015 по делу № А39-3327/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

³¹⁹ Письмо Московского ГТУ Банка России ОПЕРУ от 20 апреля 2009 г. № 33-13-14/32331 «О выплате вознаграждений руководителям кредитных организаций» // СПС «КонсультантПлюс».

неэтичный характер, но никак не противоправный»³²⁰. Следовательно, свобода договора между кредитной организацией и аффилированными лицами не признается правонарушением и не ограничивается.

Вместе с тем признание возможности договорного регулирования отношений между лицами в состоянии аффилированности, предполагает выявление пределов свободы договора, которые устанавливаются на уровне правового регулирования. Ограничение свободы договора связано с ограничением прав лиц на разных стадиях обязательственного правоотношения (заключение, исполнение, изменение, расторжение договора). Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ ограничения прав возможны только на основании федерального закона и только в соответствии с определенной целью, а именно с одной из целей, связанной с защитой основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства³²¹. Е.А. Суханов, признавая необходимость свободы договора в современном гражданском обороте, пишет, что абсолютный характер свободы договора не характерен для развитого рыночного хозяйства свобода договоров не может иметь абсолютный характер и свобода договора подвергается определенным ограничениям, которые устанавливаются в публичном интересе³²². К.В. Городулин высказывает точку зрения, что законодательное закрепление института ограничений преследует цель установления специальных правил, регулирующих участие аффилированных лиц в обороте, достижение которой обеспечивается решением главной задачи по минимизации ситуаций, в которых может проявляться конфликт интересов акционеров (участников) и менеджмента юридических лиц³²³. Кроме того, цель ограничений применительно к деятельности аффилированных лиц может заключаться в том, чтобы «не допустить

³²⁰ Ручкина Г.Ф. К вопросу о дефиците правового регулирования отношений с участием аффилированных лиц // Банковское право. 2015. № 5. С. 14.

³²¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. ст. 4398.

³²² Российское гражданское право. В 2 т. Т. 2. Обязательственное право: Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2015. С. 139. (автор параграфа – Суханов Е.А.).

³²³ Городулин К.В. Указ. соч. С. 56.

согласованных действий аффилированных лиц, которые в силу объективных и субъективных причин имеют общие интересы, находящиеся в конфликте с интересами иных участников рыночных отношений»³²⁴. В этом смысле ограничение свободы договора между аффилированными лицами обусловлено минимизацией негативных экстерналий, которые договор создает, например, в отношении интересов кредиторов³²⁵. Таким образом, ограничение свободы договора между аффилированными лицами так или иначе связано с недопустимостью или минимизацией конфликта интересов и защитой интересов иных лиц.

Характеризуя формы ограничения принципа свободы договора, Л.В. Андреева пишет, что «в ГК РФ ограничения принципа свободы договора установлены в виде правил, сформулированных в форме запретов и позитивных обязываний, отдельных договорных конструкций»³²⁶. В проекте ФЗ об аффилированных лицах³²⁷ предлагался схожий подход к сделкам с аффилированными лицами. Так, в абз. втором ст. 4 указывалось, что «Нормативными правовыми актами Российской Федерации могут быть запрещены или ограничены сделки с аффилированными лицами или с их участием, а также определен порядок их совершения». Представляется, что данная классификация форм ограничения свободы договора может применяться ко всем случаям аффилированности юридических лиц.

Из анализа позитивного права можно выявить отдельные виды ограничений. Особой обязанностью для аффилированных лиц является направление обязательного предложения. Согласно п. 1 ст. 84.2 ФЗ об акционерных обществах лицо, которое приобрело более 30 процентов общего количества акций с учетом акций, принадлежащих этому лицу и его

³²⁴ Редькин И.В. Аффилированные лица по законодательству РФ: правовое регулирование, теория и практика // Юридический мир. 1998. № 11-12. С. 36.

³²⁵ См.: Карапетов А.Г. Экономические основания принципа свободы договора // Вестник гражданского права. 2012. № 3. С. 112.

³²⁶ Андреева Л.В. Развитие принципа свободы договора в Гражданском кодексе Российской Федерации // Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: Монография /отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016. С. 204.

³²⁷ Проект Федерального закона № 99089445-2 «Об аффилированных лицах» (ред., принятая ГД ФС РФ в чтении 11.02.2000) // СПС «КонсультантПлюс».

аффилированным лицам, в течение 35 дней с момента внесения соответствующей приходной записи по лицевому счету (счету депо) или с момента, когда это лицо узнало или должно было узнать о том, что оно самостоятельно или совместно с его аффилированными лицами владеет указанным количеством таких акций, обязано направить акционерам - владельцам остальных акций соответствующих категорий (типов) и владельцам эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в такие акции, публичную оферту о приобретении у них таких ценных бумаг (далее - обязательное предложение). Таким образом, закон обязывает совершить действия по заключению договора, ограничивая свободу аффилированного лица в решении вопроса о необходимости заключения такого договора. По замечанию В.А. Белова и К.А. Блинковского, в данном случае имеется в виду даже «не юридическая обязанность, составляющая содержание какого-то особенного корпоративного правоотношения, а граница корпоративной правоспособности, установленная в пользу не корпорации, но во имя сохранения возможности реализации корпоративной правоспособности других участников акционерного общества»³²⁸. Таким образом, право проводит границу корпоративной правоспособности аффилированных лиц - участников корпорации, что внешне выражается в ограничении свободы договора.

Обязанности аффилированных лиц при заключении договора могут быть выражены в специальном порядке заключения договоров. Например, в законодательстве закреплён специальный порядок совершения сделок с заинтересованностью, который с 1 января 2017 г. осуществляется по новым правилам. Ключевым изменением в аспекте рассматриваемой темы является то, что, во-первых, понятие аффилированного лица заменено на более конкретное понятие контролирующего лица (конкретизирована степень влияния аффилированного лица), во-вторых, предварительное одобрение сделок с

³²⁸ Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики. С. 193. (авторы очерка – Белов В.А., Блинковский К.А.).

заинтересованностью компетентными органами юридического лица заменено последующим извещением о совершенных сделках³²⁹.

Например, согласно ст. 45 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью в старой редакции сделки, в совершении которых имелась заинтересованность члена совета директоров (наблюдательного совета) общества, лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа общества, члена коллегиального исполнительного органа общества или заинтересованность участника общества, имеющего совместно с его аффилированными лицами двадцать и более процентов голосов от общего числа голосов участников общества, а также лица, имеющего право давать обществу обязательные для него указания, должны были быть одобрены решением общего собрания участников общества. В случае образования в обществе совета директоров (наблюдательного совета) общества принятие решения о совершении сделок, в совершении которых имелась заинтересованность, могло быть отнесено уставом общества к его компетенции, за исключением случаев, если сумма оплаты по сделке или стоимость имущества, являющегося предметом сделки, превышает два процента стоимости имущества общества, определенной на основании данных бухгалтерской отчетности за последний отчетный период. Аналогичные правила были закреплены в ст. 81 ФЗ об акционерных обществах.

По новым правилам согласно ст. 45 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью и согласно ст. 81 ФЗ об акционерных обществах для определения заинтересованных лиц вместо участника или акционера, а также управляющей организации (управляющего) указывается на контролирующее лицо (или лицо, имеющего право давать обществу обязательные для него указания), под которым понимается лицо, имеющее право прямо или косвенно (через подконтрольных ему лиц) распоряжаться в силу участия в подконтрольной организации и (или) на основании договоров доверительного

³²⁹ Федеральный закон от 03.07.2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // СЗ РФ. 2016. № 27 (часть II). ст. 4276.

управления имуществом, и (или) простого товарищества, и (или) поручения, и (или) акционерного соглашения, и (или) иного соглашения, предметом которого является осуществление прав, удостоверенных акциями (долями) подконтрольной организации, более 50 процентами голосов в высшем органе управления подконтрольной организации либо право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50 процентов состава коллегиального органа управления подконтрольной организации.

Сделка, в совершении которой имеется заинтересованность, не требует обязательного предварительного согласия на ее совершение. Однако на такую сделку может быть до ее совершения получено согласие совета директоров (наблюдательного совета) общества или общего собрания участников общества (п. 4 ст. 45 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью; п. 1 ст. 83 ФЗ об акционерных обществах).

Таким образом, новые правила совершения сделок с заинтересованностью основываются на оценке роли того или иного лица влиять на деятельность юридического лица, быть заинтересованным в совершении сделки. Расширение свободы договора при совершении таких сделок выражается в отмене обязательного предварительного согласования органами юридического лица такой сделки. Однако в настоящее время незаинтересованные лица вправе оспорить совершенную сделку.

Законодательство о несостоятельности также содержит специальный порядок заключения сделок аффилированными лицами, участвующими в банковской сфере. Так, согласно ч. 3 ст. 189.30 ФЗ о несостоятельности (банкротстве) органы управления кредитной организации в период проведения процедуры банкротства вправе только с согласия временной администрации по управлению кредитной организацией совершать сделки: с заинтересованными или аффилированными в отношении кредитной организации лицами, определяемыми в соответствии с федеральным законом, либо с лицами, в отношении которых кредитная организация в соответствии с федеральным законом является заинтересованным лицом, либо с лицами, деятельность

которых контролирует либо на которых оказывает значительное влияние кредитная организация, либо с лицами, под контролем или значительным влиянием которых находится кредитная организация.

Что касается следующей формы ограничения свободы договора (запреты), то законодательство содержит запреты совершения сделок для юридических лиц и их аффилированных лиц. Так, по предметному критерию установлен особый запрет в отношении оборота акций (долей) некоторых юридических лиц. Например, в п. 2 ст. 12 ФЗ о военно-техническом сотрудничестве закреплено: «право на осуществление внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения имеют организации - разработчики и производители продукции военного назначения при условии закрепления не менее 51 процента их акций (долей) в федеральной собственности и размещения остальных акций (долей) среди российских физических и юридических лиц. Продажа и иные способы отчуждения акций (долей) этих организаций, а также передача их в залог и доверительное управление иностранным государствам, международным организациям, иностранным физическим лицам, иностранным юридическим лицам, а равно российским физическим лицам и российским юридическим лицам, в отношении которых перечисленные субъекты являются их аффилированными лицами, не допускаются»³³⁰. Следовательно, юридическим лицам запрещено заключать договоры в сфере внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения, если их аффилированными лицами будут нероссийские акционеры, которым будет принадлежать более 49 процентов акций (долей).

Запреты совершения сделок также устанавливаются по видам договоров. Так, например, в ч. 9 ст. 31 ФЗ о накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих³³¹ закреплено, что «договор страхования ответственности субъектов отношений по инвестированию накоплений для

³³⁰ Федеральный закон от 19.07.1998 № 114-ФЗ (ред. от 15.02.2016) «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» // СЗ РФ. 1998. № 30. ст. 3610.

³³¹ Федеральный закон от 20.08.2004 № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» // СЗ РФ. 2004. № 34. ст. 3532.

жилищного обеспечения не может быть заключен со страховой организацией, если ... она является аффилированным лицом специализированного депозитария или управляющей компании, с которыми уполномоченным федеральным органом заключены договоры в соответствии со статьей 17 или статьей 18 настоящего Федерального закона, либо аффилированным лицом их аффилированных лиц». Согласно пп. 3.6.2 Положения о порядке предоставления Банком России кредитным организациям кредитов, обеспеченных активами или поручительствами³³², ограничения установлены для отношений между кредитной организацией и Банком России, где аффилированные лица данной кредитной организации не могут быть векселедателями или лицами, солидарно отвечающими за платеж по векселю. В данных случаях ограничения устанавливаются в отношении свободы выбора контрагента.

Кроме того, запрет договорных отношений между лицами в состоянии аффилированности может быть обоснован недопустимостью нарушения принципа добросовестности. Так, суд апелляционной инстанции признал аффилированность общества «ИЦ «Эфекс» и общества «Грин Парк» и отметил, что «действия ответчика по заключению договора на проведение экспертизы с аффилированным лицом не соответствует принципам добросовестности гражданских правоотношений и нарушают положения статьи 10 ГК РФ»³³³. Представляется, что проведение экспертизы основывается на принципах независимости эксперта, объективности экспертных заключений, на что прямо указывается во многих нормативно-правовых актах (ст. 4 ФЗ о государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации³³⁴, ст. 3 ФЗ об экологической экспертизе³³⁵, ст. 14 ФЗ об обращении лекарственных средств³³⁶,

³³² Положение о порядке предоставления Банком России кредитным организациям кредитов, обеспеченных активами или поручительствами (утв. Банком России 12.11.2007 № 312-П) (ред. от 09.09.2015) // Вестник Банка России. 2007. № 69.

³³³ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.11.2015 № 18АП-11066/2015 по делу № А76-7646/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³³⁴ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. ст. 2291.

³³⁵ Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об экологической экспертизе» // СЗ РФ. 1995. № 48. ст. 4556.

ст. 29 ФЗ об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации³³⁷ и др.). Тем самым нарушение основополагающих принципов проведения экспертизы позволило суду выявить нарушение принципа добросовестности в связи с тем, что экспертиза требовала объективной и независимой оценки, в то время как гарантии объективности аффилированных лиц отсутствуют в силу их заинтересованности в совместной деятельности.

Спорным является вопрос о возможности заключения безвозмездных договоров между лицами в состоянии аффилированности. Исследуя проблемы финансирования в холдинге, И.С. Шиткина отмечает, что «к числу возможных способов финансирования в холдинге относятся:

- внесение вклада в уставный капитал дочернего общества;
- внесение вклада в имущество дочернего общества с ограниченной ответственностью (ст. 27 Закона об ООО);
- передача денежных средств и имущества от основного дочернему обществу и от дочернего основному в рамках ч. 11 п. 1 ст. 251 НК РФ;
- целевое финансирование;
- заемное финансирование (предоставление займов и (или) обеспечение кредитов участниками холдинга);
- выплата дивидендов дочерними обществами основному (п. 3 ст. 284 НК РФ);
- трансфертное (внутреннее) ценообразование;
- использование договорной модели (аутсорсинг)»³³⁸.

В качестве примера можно рассмотреть влияние аффилированности на свободу договора между основным и дочерним юридическим лицом при безвозмездной передаче имущества.

³³⁶ Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. 2010. № 16. ст. 1815.

³³⁷ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 26. ст. 2519.

³³⁸ Шиткина И.С. Способы финансирования в холдингах (Часть I) // Корпоративный юрист. 2008. № 7. С. 18.

В пп. 4 п. 1 ст. 575 ГК РФ³³⁹ закреплен общий запрет дарения в отношениях между коммерческими организациями, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей. Данный запрет, по мнению А.Е. Кирпичева, «обусловлен стремлением законодателя средствами гражданского права предотвратить налоговые злоупотребления, предполагаемые из-за самого факта возмездности предпринимательской деятельности»³⁴⁰. Вместе с тем в пп. 11 п. 1 ст. 251 НК РФ³⁴¹ закреплено, что при определении налоговой базы не учитываются доходы в виде имущества, полученного российской организацией безвозмездно от следующих лиц:

— «от организации, если уставный (складочный) капитал (фонд) получающей стороны более чем на 50 процентов состоит из вклада (доли) передающей организации;

— от организации, если уставный (складочный) капитал (фонд) передающей стороны более чем на 50 процентов состоит из вклада (доли) получающей организации и на день передачи имущества получающая организация владеет на праве собственности указанным вкладом (долей) в уставном (складочном) капитале (фонде). При этом в случае, если передающая имущество организация является иностранной организацией, доходы, указанные в настоящем подпункте, не учитываются при определении налоговой базы только в том случае, если государство постоянного местонахождения передающей организации не включено в перечень государств и территорий, утверждаемый Министерством финансов Российской Федерации в соответствии с подпунктом 1 пункта 3 статьи 284 настоящего Кодекса

— от физического лица, если уставный (складочный) капитал (фонд) получающей стороны более чем на 50 процентов состоит из вклада (доли) этого физического лица».

³³⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // СЗ РФ. 1996. № 5. ст. 410.

³⁴⁰ Кирпичев А.Е. Безвозмездность договора в гражданском праве // Российское правосудие. 2015. № 10. С. 28.

³⁴¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // СЗ РФ. 2000. № 32. ст. 3340.

Тем самым НК РФ допускает возможность безвозмездных отношений между коммерческими организациями.

В связи с необходимостью разрешения возникшей коллизии уместно обратиться к позиции В.В. Кулакова, что квалификация отношений по передаче имущества между основным и дочерним юридическими лицами может быть только гражданско-правовой, соответственно нормы НК РФ применяться не должны. Он приходит к общему выводу, что «даже если некий договор о финансовой помощи будет судом квалифицирован как некий непоименованный договор, гражданско-правовая природа отношений останется неизменной»³⁴². О неправомерности применения пп. 11 п. 1 ст. 251 НК РФ к правоотношениям между основным и дочерним обществами по поводу передачи имущества от дочернего к основному пишет А.Б. Архиерейский. Он отмечает, что корпоративное законодательство закрепляет специальную процедуру распределения прибыли между участниками, которая может осуществляться только в форме выплаты дивидендов согласно законам о хозяйственных обществах. С точки зрения А.Б. Архиерейского, выплата дивидендов является единственно возможным способом безвозмездной передачи имущества в пользу участника, «...вывод прибыли, не отвечающий признаку пропорциональности, является дарением. Подобная норма (о безвозмездной передаче имущества. – А.Е.) незаконна не только в силу запрета п. 4 ст. 575 ГК РФ, но и в первую очередь в силу того, что является нарушением прав других участников на пропорциональное участие в прибыли (абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ, п. 2 ст. 28 Закона об ООО, п. 2 ст. 31 Закона об АО)»³⁴³. Таким образом, с точки зрения приведенного подхода, передача имущества внутри предпринимательского объединения, оформленная в виде договора дарения, признается недопустимой, несмотря на допущение такой возможности НК РФ.

И.С. Шиткина не соглашается с данным подходом и выступает за наиболее свободное регулирование отношений в холдинге. Она пишет, что «в

³⁴² Кулаков В.В. Гражданский кодекс Российской Федерации: Глава первая. Научно-практический комментарий с постратейными материалами. М.: РАП. 2014. С. 24.

³⁴³ Архиерейский А.Б. Передача имущества в пользу материнской компании: гражданско-правовые аспекты налоговой льготы // Вестник ВАС РФ. 2007. № 11. С. 36.

группе компаний прибыль может распределяться в зависимости от оптимального для бизнеса варианта ее аккумуляции. Так, вполне возможно предположить целесообразность развития инвестиционного проекта в основном обществе, которому дочерние общества могут перечислять для этих целей средства прибыли»³⁴⁴. Тем самым указанный ученый обосновывает возможность безвозмездных договоров между лицами, которые могут находиться в состоянии аффилированности, их совместной деятельностью и общими интересами. Такое обоснование исключает квалификацию подобных безвозмездных отношений как дарение, поскольку цель передачи имущества заключается не в том, чтобы облагодетельствовать одаряемого, что является необходимым признаком дарения³⁴⁵, а в достижении экономической целесообразности осуществления предпринимательской деятельности, осуществляемой юридическим лицом и его аффилированными лицами. Таким образом, дарение между коммерческими организациями и их аффилированными лицами запрещается не из-за того, что дарение является безвозмездным договором, а из-за того, что дарение предполагает цель облагодетельствования одаряемого. В этой связи безвозмездные отношения между лицами в состоянии аффилированности могут быть обоснованы целью достижения экономической целесообразности при совместном осуществлении предпринимательской деятельности.

Обращение внимания на цель договора имеет принципиальное значение и при рассмотрении иных безвозмездных договоров. Так, в п. 2 ст. 690 ГК РФ закреплено, что «коммерческая организация не вправе передавать имущество в безвозмездное пользование лицу, являющемуся ее учредителем, участником, руководителем, членом ее органов управления или контроля». Тем самым закрепляется запрет заключения договора безвозмездного пользования между коммерческим юридическим лицом и его аффилированными лицами, которые прямо указаны в законе. В то же время договор безвозмездного пользования

³⁴⁴ Шиткина И.С. Способы финансирования в холдингах. С. 24.

³⁴⁵ Кулаков В.В. Гражданский кодекс Российской Федерации: Глава первая. Научно-практический комментарий с постановочными материалами. С. 25.

также может быть заключен с целью достижения экономической целесообразности при осуществлении совместной деятельности юридического лица и его аффилированных лиц, что не учитывается в гражданском законодательстве.

Исходя из анализа приведенных безвозмездных договоров, можно сделать вывод, что безвозмездные отношения между коммерческим юридическим лицом и его аффилированными лицами запрещаются не по причине их безвозмездности; запрет существует в связи с целью благодетельствования или иной цели, не свойственной коммерческим организациям, достижение которой способно привести к ущемлению прав иных лиц, например, кредиторов одаряемого, ссудодателя. Учитывая, что совместная деятельность является одним из признаков аффилированности, безвозмездные договоры между коммерческими организациями и их аффилированными лицами по общему правилу не могут быть запрещены. В то же время существующие случаи запрета представляется возможным рассматривать в качестве исключений, которые подлежат применению при использовании того или иного безвозмездного договора для достижения целей, которые не характерны отношениям коммерческих организаций и их аффилированных лиц.

Акцентирование внимания на договорных отношениях между лицами в состоянии аффилированности обусловлено тем, что при злоупотреблении правом той или иной стороны договора существенным образом могут нарушаться права неаффилированных кредиторов юридического лица при несостоятельности последнего. Несмотря на такую потенциальную возможность, судебная практика исходит из того, что по общему правилу договоры между лицами в состоянии аффилированности сами по себе не свидетельствуют о злоупотреблении правом той или иной стороны. Так, судом по одному из дел³⁴⁶ было установлено, что ЗАО «Райффайзенбанк» обратилось в суд с иском к ЗАО «Бонанза Интернэшнл» и ЗАО «Карго Джей Эф Си» о

³⁴⁶ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 05.11.2013 по делу № А56-79112/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

признании договора займа недействительным. Решением суда в иске было отказано. По мнению подателя жалобы, суды неправомерно не приняли во внимание его доводы о наличии в действиях ЗАО «Карго Джей Эф Си» и ЗАО «Бонанза Интернэшнл» признаков злоупотребления правом, поскольку договор займа заключен между аффилированными лицами и в преддверии банкротства. Как следует из материалов дела, ЗАО «Карго Джей Эф Си» (заемщик) и ЗАО «Бонанза Интернэшнл» (заимодавец) заключили договор займа. Определениями Арбитражного суда в отношении ЗАО «Бонанза Интернэшнл» и ЗАО «Карго Джей Эф Си» введена процедура наблюдения. Банк является конкурсным кредитором ЗАО «Карго Джей Эф Си» и ЗАО «Бонанза Интернэшнл». Полагая, что оспариваемый договор займа нарушает его права как кредитора, Банк обратился с настоящим иском в арбитражный суд. Суды пришли к выводу об отсутствии в данном случае нарушений, позволяющих признать договор займа ничтожной сделкой, и недоказанности наличия обстоятельств, свидетельствующих о злоупотреблении правом при подписании и исполнении договора, поскольку совершаемые при этом действия сторон не свидетельствуют о намерении причинить вред другому лицу (в том числе кредиторам общества). Как правомерно указали суды, само по себе наличие аффилированности у кредитора и должника не может указывать на безусловный факт злоупотребления правами. Заключение договора займа в преддверии банкротства заемщика не свидетельствует о злоупотреблении правами и не влечет его ничтожности.

В то же время возможность договора между лицами в состоянии аффилированности порождает возможность возникновения ситуации, при которой «аффилированные лица оформляют свои сугубо внутренние, корпоративные отношения с должником как общегражданские посредством договоров займа, аренды и т.д. В результате, когда общество впадает в банкротство, его учредители вместо того, чтобы получить удовлетворение своих требований после расчета со всеми кредиторами (как это предусмотрено законодательством о банкротстве), участвуют в деле о банкротстве наравне с

ними»³⁴⁷. Таким образом, аффилированные кредиторы предпринимают попытку включиться в реестр требований кредиторов. При этом в законодательстве отсутствуют прямые нормы о понижении очередности требований аффилированных кредиторов по сравнению с неаффилированными.

Анализируя определения Верховного Суда Российской Федерации³⁴⁸, С. Морозов, отмечает, что в подобных случаях складывается судебная практика, согласно которой требования аффилированных кредиторов не подлежат включению в реестр требований кредиторов³⁴⁹. Формирование такой судебной практики свидетельствует о влиянии аффилированности при распределении имущества юридического лица-должника. Подход, согласно которому требования аффилированных лиц удовлетворяются после удовлетворения требований неаффилированных лиц соответствует принципу приоритетного удовлетворения требований неаффилированных кредиторов перед аффилированными, что нашло закрепление в ст.ст. 134, 148 ФЗ о несостоятельности. Вместе с тем складывающаяся судебная практика свидетельствует о специальном правовом последствии аффилированности (отказ в удовлетворении требования о включении в реестр кредиторов, то есть понижение очереди удовлетворения требований аффилированных лиц в сравнении с требованиями неаффилированных кредиторов), но такая судебная практика сама по себе не запрещает договорные отношения между юридическим лицом и его аффилированными лицами.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что установление ограничений свободы договора оформляется в виде установления специальных обязанностей аффилированных лиц, специального порядка заключения договоров и запретов на заключение договоров или выбор контрагентов для

³⁴⁷ Морозов С. Сам себе кредитор — 2: ВС РФ против аффилированных кредиторов // URL: https://zakon.ru/blog/2017/7/17/sam_sebe_kreditor_2_vs_rf_protiv_affilirovannyh_kreditorov (дата обращения: 21.01.2018).

³⁴⁸ Определение Верховного Суда РФ от 30.03.2017 № 306-ЭС16-17647(1) по делу № А12-45752/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45751/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556(1) по делу № А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 11.07.2017 № 305-ЭС17-2110 по делу № А40-201077/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴⁹ Морозов С. Указ. соч.

защиты публичного порядка и устранения или минимизации конфликта интересов.

Кроме специальных видов ограничений свободы договора, позитивное право устанавливает ряд специальных прав, расширяющих сферу действия свободы договора для юридических лиц и их аффилированных лиц. При анализе влияния аффилированности на свободу договора могут быть выявлены особенности заключения отдельных видов договоров, свобода которых предусмотрена только лишь в отношении лиц, находящихся в состоянии аффилированности.

Так, особые возможности участия юридических лиц и их аффилированных лиц в предпринимательской деятельности закрепляются в конкурентном законодательстве. В ч. 7 ст. 11 ФЗ о защите конкуренции говорится, что положения о запрете на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов не распространяются на соглашения между хозяйствующими субъектами, входящими в одну группу лиц, если одним из таких хозяйствующих субъектов в отношении другого хозяйствующего субъекта установлен контроль либо если такие хозяйствующие субъекты находятся под контролем одного лица, за исключением соглашений между хозяйствующими субъектами, осуществляющими виды деятельности, одновременное выполнение которых одним хозяйствующим субъектом не допускается в соответствии с законодательством Российской Федерации. Данные положения подчеркивают совместный характер деятельности аффилированных лиц и предоставляют полную свободу на соглашения, которые по общему правилу ограничивают конкуренцию, субъектам, входящим в группу лиц. Распространение свободы договора между юридическими лицами и аффилированными лицами на такие соглашения превращает последние в соглашения, которые совершенно не влияют на конкуренцию.

Особые стимулирующие возможности ведения предпринимательской деятельности лиц в состоянии аффилированности предусмотрены в рамках государственного контроля за экономической концентрацией. В соответствии

со ст. 31 ФЗ о защите конкуренции создание и реорганизация коммерческих организаций, сделки с акциями (долями), имуществом коммерческих организаций, правами в отношении коммерческих организаций, сделки с акциями (долями), активами финансовых организаций и правами в отношении финансовых организаций, которые по общему правилу осуществляются с предварительного согласия антимонопольного органа, осуществляются без такого предварительного согласия, но с последующим его уведомлением об их осуществлении в порядке, предусмотренном ст. 32 данного закона, в случае если соблюдаются в совокупности следующие условия:

1) сделки, иные действия, указанные в ст. ст. 27 – 29 данного закона, осуществляются лицами, входящими в одну группу лиц;

2) перечень лиц, входящих в одну группу, с указанием оснований, по которым такие лица входят в эту группу, был представлен любым входящим в эту группу лицом (заявителем) в федеральный антимонопольный орган в утвержденной им форме не позднее чем за один месяц до осуществления сделок, иных действий;

3) перечень лиц, входящих в эту группу, на момент осуществления сделок, иных действий не изменился по сравнению с представленным в федеральный антимонопольный орган перечнем таких лиц.

Приведенные правила государственного контроля за экономической концентрацией также подчеркивают совместную деятельность лиц в состоянии аффилированности и предоставляют более широкий (по сравнению с иными участниками оборота) диапазон прав совершения указанных сделок и действий в упрощенном порядке. Смысл указанных специальных прав заключается в предоставлении юридическим лицам и их аффилированным лицам большей свободы в заключении договоров (экономической концентрации) внутри группы лиц по сравнению с лицами, которые не находятся в состоянии аффилированности. При этом для этого не требуется согласие антимонопольного органа.

В НК РФ³⁵⁰ предусматриваются правовые последствия от факта наличия отношений между взаимозависимыми лицами в связи с заключением контролируемых сделок. Отношения между взаимозависимыми лицами являются смежными с отношениями, которым свойственна аффилированность, в силу схожести оснований их установления (ст. 105.1 НК РФ). Налоговые органы имеют право проверять при осуществлении контроля за полнотой исчисления налогов правильность применения цен по сделкам между взаимозависимыми лицами (контролируемые сделки). Кроме того, НК РФ предусматривает возможность организаций-налогоплательщиков создавать консолидированные группы налогоплательщиков (далее – КГН) в целях исчисления и уплаты налога на прибыль организаций с учетом совокупного финансового результата хозяйственной деятельности указанных налогоплательщиков. В научной литературе появление норм о КГН рассматривается как совершенствование налогового администрирования, развитие идеи налоговой оптимизации³⁵¹. Как отмечается, «введение в действие института КГН связано с внесением изменений в НК РФ, направленных на совершенствование системы противодействия трансфертному ценообразованию. Так, сделки, заключенные между участниками одной КГН, не признаются контролируемыми (пп. 1 п. 4 ст. 105.14 НК РФ. – А.Е.), и налоговый орган по общему правилу не может проверить соответствие примененных в сделке цен рыночным, что является серьезной преференцией для крупнейших российских холдингов»³⁵². Гражданско-правовой аспект исследуемых отношений заключается в свободе установления цен в договорах между юридическими лицами и их аффилированными лицами. Данная форма расширения свободы договора отражает возможность определения условий договора (цены) при его заключении.

³⁵⁰ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // СЗ РФ. № 31. 1998. ст. 3824.

³⁵¹ См.: Мальцев О.В. Административно-правовое регулирование налоговой оптимизации // Административное право и процесс. 2014. № 2. С. 51.

³⁵² Ефимова Н.А. Договор о создании консолидированной группы налогоплательщиков как основание возникновения группы // Финансовое право. 2013. № 8. С. 34-35.

Кроме того, ФЗ от 31 декабря 2017 г. № 505-ФЗ³⁵³ (ст. 3) в ч. 4 ст. 1 ФЗ о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц был введен п. 13, в котором закреплено, что указанный закон не распространяется на отношения, связанные с «осуществлением заказчиком закупок товаров, работ, услуг у юридических лиц, которые признаются взаимозависимыми с ним лицами...». Тем самым взаимозависимость лиц, которая также допускает возможность наличия аффилированности, означает отсутствие специального правового регулирования, а следовательно, свободу договора в сравнении с теми закупками, которые осуществляются не у взаимозависимых лиц (не у лиц, находящихся в состоянии аффилированности между собой).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что свобода договора может быть охарактеризована не только как отсутствие ограничений или запретов в отношениях между лицами, но и как предоставление в строго определенных случаях свободы договора, возможность заключения, изменения или расторжения которого ограничена или запрещена по общему правилу.

Итак, аффилированность влияет на свободу договора, устанавливая ограничения и предоставляя специальные возможности для субъектов гражданского права, находящихся в состоянии аффилированности.

Ограничение свободы договора между аффилированными лицами преследует цель предотвращения конфликта интересов и защиты интересов третьих лиц. Ограничения принципа свободы договора по своей правовой природе заключаются в ограничении свободы в вопросах целесообразности заключения договора, выбора контрагента, а также определения вида и условий договора. По форме ограничения свободы договора установлены в виде запретов, позитивных обязываний, отдельных договорных конструкций.

Кроме специальных видов ограничений свободы договора, позитивное право устанавливает ряд специальных прав, расширяющих сферу действия свободы договора с участием юридических лиц. Влияния аффилированности на

³⁵³ Федеральный закон от 31.12.2017 № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 1 (Часть I). ст. 89.

свободу договора также выражается в особенностях заключения отдельных видов договоров, свобода которых предусмотрена только лишь в отношении лиц, находящихся в состоянии аффилированности. Юридическим лицам и их аффилированным юридическим лицам предоставляется полная свобода договора, которая при отсутствии аффилированности могла бы повлечь ограничение конкуренции. При заключении сделок между лицами в состоянии аффилированности (а именно между взаимозависимыми лицами в рамках одной консолидированной группы налогоплательщиков) существует свобода в установлении цен.

3.3. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ИХ АФФИЛИРОВАННЫХ ЛИЦ

Общие положения об ответственности юридических лиц содержатся в ГК РФ. Из содержания ст. 56 ГК РФ, в которой определены общие правила ответственности юридических лиц, следует, что, во-первых, юридическое лицо отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, во-вторых, учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ или другим законом.

Как справедливо пишет Е.А. Суханов, фундаментом всего учения о юридических лицах является «последовательное отделение юридической личности (самостоятельной правосубъектности) и имущества корпорации от личности и имущества ее участников («принцип отделения»)»³⁵⁴. В этом смысле можно согласиться с тем, что сущность юридического лица состоит «в

³⁵⁴ Суханов Е.А. Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве // Проблемы современной цивилистики: сборник статей, посвященных памяти профессора С.М. Корнеева. / Отв. ред. Е.А. Суханов, М.В. Телюкина. М.: Статут, 2013. С. 103.

обособлении имущества группы лиц для самостоятельного участия в гражданском обороте и предпринимательской деятельности с целью ограничения своей ответственности имуществом юридического лица»³⁵⁵. Таким образом, закрепленный принцип отделения личности юридического лица от личности учредителя (участника) или собственника имущества ограничивает по общему правилу ответственность последнего и создает основу для ответственности юридического лица, подчеркивая его самостоятельность как субъекта гражданского права.

Вместе с тем в законодательстве предусмотрены исключения из общего правила о самостоятельной ответственности юридического лица, что, следовательно, подвергает сомнению идею о самостоятельности юридического лица как субъекта права. Представляется, что наличие таких исключений обусловлено фактом аффилированности юридического лица, поскольку несмотря на то, что юридическое лицо является самостоятельным субъектом гражданского права, его участие в гражданском обороте зависит от действий аффилированных лиц, которые своими неправомерными действиями могут причинить вред как самому юридическому лицу, так и кредиторам юридического лица. В связи с этим в ряде случаев создается возможность привлечения к ответственности аффилированных лиц юридического лица.

Проведенное А.В. Калининой общетеоретическое исследование ответственности аффилированных лиц показало, что отношения, которым свойственна аффилированности, регулируются нормами о юридической ответственности, которая в зависимости от отраслевой принадлежности различается по основаниям наступления, особенностям санкций, порядку реализации. При этом ответственность является разновидностью тех ограничений, которые аффилированное лицо обязано претерпевать в силу своего правового статуса³⁵⁶. Указанный автор приходит к выводу, что ответственность аффилированного лица является охранительным

³⁵⁵ Андреев В.К., Кирпичев А.Е. Указ. соч. С. 11. (автор главы – Андреев В.К.).

³⁵⁶ Калинина А.В. Аффилированные лица как особый субъект правоотношений: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2010. С. 132.

правоотношением, которое возникает по поводу возложения на аффилированных лиц дополнительной обязанности разного характера в целях охраны интересов третьих лиц³⁵⁷. В представленном выводе основной акцент сделан на охране интересов третьих лиц при привлечении аффилированных лиц к ответственности. В то же время данный вывод не содержит никакой характеристики охраны интересов самого юридического лица, благодаря состоянию в правоотношениях с которым лицо и приобретает статус аффилированного лица. В действительности аффилированные лица состоят в правоотношениях только с юридическим лицом, а не с кредиторами такого юридического лица, что органично сочетается с возможностью привлечения аффилированных лиц к ответственности перед юридическим лицом. В этом смысле привлечение аффилированных лиц к гражданско-правовой ответственности обеспечивает охрану интересов не только и не столько третьих лиц по отношению к юридическому лицу, сколько в первую очередь интересы самого юридического лица.

По действующему законодательству аффилированные лица несут гражданско-правовую ответственность как перед самим юридическим лицом (например, ст. 53.1 ГК РФ), так и перед кредиторами юридического лица, в том числе как солидарную (абз. второй п. 2 ст. 67.3 ГК РФ), так и субсидиарную (например, абз. третий п. 2 ст. 67.3 ГК РФ). Рассматривая правовую природу ответственности аффилированных лиц на примере ответственности в холдинге, И.В. Григораш полагает, что такая ответственность строится на двух компонентах: 1) фидуциарном – когда речь идет об ответственности основного общества перед дочерним и его неконтролирующими участниками; 2) квази-фидуциарном – когда речь идет об ответственности основного общества перед кредиторами дочернего, поскольку те вступают с последним в сделку, предполагая добросовестное исполнение им своих обязательств и отсутствие злоупотреблений со стороны его участников³⁵⁸. Такой подход позволяет

³⁵⁷ Там же. С. 153.

³⁵⁸ Григораш И.В. Указ. соч. С. 111-112.

рассмотреть влияние аффилированности на особенности ответственности аффилированных лиц перед самим юридическим лицом и перед кредиторами такого юридического лица. Однако речь скорее идет не о компонентах ответственности, а о различных видах гражданско-правовой ответственности, которая возникает под влиянием аффилированности. Кроме того, перечисленные виды ответственности представляется возможным распространить не только на отношения основных и дочерних обществ, но на всех лиц, аффилированных с юридическим лицом.

В целом такой подход можно выявить у О.В. Гутникова, который выделяет три вида корпоративной ответственности: 1) ответственность менеджмента перед юридическим лицом и его участниками, собственниками за причинение убытков, 2) ответственность юридического лица, его участников и иных лиц перед кредиторами по обязательствам юридического лица, 3) ответственность участников юридического лица перед юридическим лицом и перед другими участниками³⁵⁹. С точки зрения перечня лиц, перед которыми могут отвечать аффилированные лица, данный подход предполагает их ответственность не только перед юридическим лицом, кредиторами юридического лица, но и перед другими аффилированными лицами. Однако исследование последней разновидности ответственности выходит за рамки диссертационного исследования, так как не отражает в полной мере специфики юридического лица при привлечении к ответственности аффилированных лиц.

Первый вид ответственности представляет собой гражданско-правовую ответственность аффилированных лиц перед юридическим лицом.

В первую очередь речь идет о ст. 53.1 ГК РФ, в которой закрепляется ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица. Так, согласно п. 1 данной статьи лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа

³⁵⁹ Юридические лица в российском гражданском праве: Монография: В 3 томах. Т.1. С. 280. (автор главы – Гутников О.В.).

юридического лица уполномочено выступать от его имени (пункт 3 статьи 53), обязано возместить по требованию юридического лица, его учредителей (участников), выступающих в интересах юридического лица, убытки, причиненные по его вине юридическому лицу. Лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, несет ответственность, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно, в том числе если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску. Согласно п. 2 данной статьи ответственность, предусмотренную пунктом 1 настоящей статьи, несут также члены коллегиальных органов юридического лица, за исключением тех из них, кто голосовал против решения, которое повлекло причинение юридическому лицу убытков, или, действуя добросовестно, не принимал участия в голосовании. В п. 3 ст. 53.1 ГК РФ закреплено, что лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания лицам, названным в пунктах 1 и 2 настоящей статьи, обязано действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно и несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу.

Влияние аффилированности обуславливает возможность привлечения аффилированных лиц к ответственности, поскольку такие лица обязаны действовать в пределах компетенции конкретного органа юридического лица добросовестно и разумно, соблюдая интересы юридического лица. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2015 года № 25 «применяя положения статьи 53.1 ГК РФ об ответственности лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица, следует принимать во внимание, что негативные последствия, наступившие для юридического лица в период времени, когда в

состав органов юридического лица входило названное лицо, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности его действий (бездействия), так как возможность возникновения таких последствий связана с риском предпринимательской и (или) иной экономической деятельности». При привлечении к ответственности надо доказать наличие всех условий гражданско-правовой ответственности. В судебной практике указывается, что «лицо, требующее возмещения убытков, должно доказать противоправность поведения ответчика, наличие и размер понесенных убытков, а также причинную связь между противоправностью поведения ответчика и наступившими убытками»³⁶⁰, а не просто привязать негативные последствия к действиям в пределах определенной компетенции. Несмотря на прямое указание закона, в правовых позициях, выраженных в судебных актах, не говорится про необходимость доказательства вины как условия ответственности. Представляется, что именно вина не позволяет автоматически привлекать к ответственности аффилированных лиц при неблагоприятных последствиях для юридического лица, поскольку в большинстве случаев неблагоприятные последствия всегда возникают от действий аффилированных лиц, которые участвуют в реализации правоспособности юридических лиц, и от целесообразности действий которых зависит экономическое благосостояние юридического лица.

Это подтверждается и тем, что при рассмотрении вопроса о привлечении данных лиц к ответственности важна даже не сама экономическая целесообразность принимаемых решений. Так, в п. 1 постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 2013 года № 62 сформулирована правовая позиция, согласно которой «судебный контроль призван обеспечивать защиту прав юридических лиц и их учредителей (участников), а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых директорами, директор не может быть привлечен к

³⁶⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.07.2017 № Ф05-8755/2017 по делу № А40-153914/2016 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 01.03.2017 № Ф01-6497/2016 по делу № А38-5284/2013 // СПС «КонсультантПлюс» и др.

ответственности за причиненные юридическому лицу убытки в случаях, когда его действия (бездействие), повлекшие убытки, не выходили за пределы обычного делового (предпринимательского) риска»³⁶¹. В этом смысле риск директора может стать причиной убытков юридического лица, однако для привлечения его к ответственности важна не экономическая целесообразность принятых решений, а их соответствие требованиям разумности и добросовестности при принятии рискованного решения. Тем самым право защищает не само по себе экономическое благосостояние юридического лица, а, в первую очередь его права и интересы, которые могут быть нарушены неправомерными действиями (деликтами) аффилированных лиц.

Российское право позволяет привлекать аффилированных лиц к ответственности перед юридическим лицом только при наличии совершенного деликта. В то же время, анализируя опыт возмещения убытков в Германии, В.Г. Крылов пишет, что если к окончанию финансового года ущерб не будет компенсирован господствующей организацией, то ответственность может наступить и для руководства зависимого общества в ситуации, когда оно не исполнило обязанность указывать в отчете об отношениях со связанными с ним организациями невыгодные для общества сделки и их последствия, а также для членов наблюдательного совета в случае нарушения ими своих обязанностей по проверке отчета³⁶². Таким образом, германское право позволяет привлекать к ответственности руководство юридического лица в превентивных целях, что, безусловно, в конечном итоге способствует наибольшему обеспечению интересов юридического лица и, в конечном итоге, интересов кредиторов юридического лица. В целом данная модель привлечения аффилированных лиц к ответственности перед юридическим лицом в условиях, когда интересы кредиторов юридического лица не нарушены, но нарушены интересы зависимого юридического лица, может быть положительно оценена и рекомендована к закреплению в отечественном праве, например, путем

³⁶¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/90841.html (дата обращения: 30.07.2017).

³⁶² Крылов В.Г. Указ. соч. С. 20.

закрепления в ст. 53.1 ГК РФ обязанности лиц, осуществляющих полномочия органов управления юридического лица, отчитываться о невыгодных для юридического лица отношениях с аффилированными лицами, неисполнение которой будет являться условием наступления гражданско-правовой ответственности.

Анализ ст. 53.1 ГК РФ показывает, что правила об ответственности перед юридическим лицом распространяются на лиц, которые так или иначе связаны с функционированием органов юридического лица, в том числе и коллегиальных. При этом спорным является вопрос о возможности привлечения к гражданско-правовой ответственности участников корпорации. Несмотря на то, что участники корпорации могут быть аффилированными и формируют высший орган управления юридического лица, отсутствие в ст. 53.1 ГК РФ прямого указания на возможность привлечения их к ответственности перед юридическим лицом вызывает сомнения у правоприменительных органов. Так, по одному из дел суд указал, что предъявление требования о возмещении ущерба к ответчику как к участнику общества с ограниченной ответственностью не предусмотрено положениями ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью и отказал в иске³⁶³. Вместе с тем в юридической литературе обращается внимание на то, что согласно п. 3 ст. 53.1 ГК РФ участников корпорации допустимо квалифицировать в качестве лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица, а следовательно, и привлекать их к ответственности³⁶⁴. Таким образом, на основании п. 3 ст. 53.1 ГК РФ аффилированные лица на уровне высшего органа корпорации могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности.

Кроме того, в п. 3 ст. 67.3 ГК РФ закреплено, что участники (акционеры) дочернего общества вправе требовать возмещения основным хозяйственным товариществом или обществом убытков, причиненных его действиями или

³⁶³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.10.2015 № Ф05-6465/2014 по делу № А40-75714/13-134-707// СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁴ См.: Степанов Д.И. Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах // Закон. 2014. № 7. С. 49; Алексеев А.П. Гражданско-правовая ответственность акционеров в свете реформы Гражданского кодекса РФ // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2015. № 1. С. 35.

бездействием дочернему обществу (ст. 1064 ГК РФ). Там самым предполагается возможность привлекать к ответственности перед юридическим лицом основные хозяйственные товарищества или общества при наличии убытков, причиненных их действиями или бездействием дочернему обществу. Представляется, что возможность привлечения к ответственности перед юридическим лицом только основного хозяйственного товарищества или общества не является в полной мере справедливым применительно к различным случаям, поскольку от такой ответственности освобождаются, например, физические лица, являющиеся аффилированными по отношению к юридическому лицу (например, если им принадлежит столько же процентов акций, как и основному обществу, которое может быть привлечено к ответственности).

Таким образом, существование ответственности аффилированных лиц перед юридическим лицом, которая выражается в возможности юридического лица привлекать к ответственности своих аффилированных лиц за их деликт, подчеркивает статус юридического лица как самостоятельного субъекта гражданского права, хотя и связанного с аффилированными лицами, но отделенного от них.

В отечественном законодательстве предусмотрена также ответственность аффилированных лиц перед кредиторами юридического лица.

О.В. Гутников пишет, что под понятием ответственности перед кредиторами юридического лица понимаются два различных случая: 1) когда лица привлекаются к гражданско-правовой ответственности за свои неправомерные действия, и 2) случаи, когда на лиц возлагаются обязанности отвечать перед кредиторами за исполнение обязательств юридического лица при недостаточности у него имущества в порядке законного или уставного поручительства³⁶⁵. Первый случай предполагает ответственность перед кредиторами именно за неправомерные действия самих аффилированных лиц.

³⁶⁵ Юридические лица в российском гражданском праве: Монография: В 3 томах. Т.1. С. 324. (автор главы – Гутников О.В.).

Относительно второго случая указанный ученый полагает, что существование данной ответственности обосновано особенностями организационно-правовых форм конкретных юридических лиц, необходимостью формирования имущества юридического лица.

Кроме того, О.В. Гутников отмечает, что случаи привлечения учредителей и иных лиц к ответственности по долгам юридического лица перед кредиторами независимо от того, несут ли они в силу закона или учредительных документов дополнительную ответственность представляют собой немногочисленные случаи так называемого «снятия корпоративных покровов»³⁶⁶. К аналогичному выводу приходит Д.Д. Быканов. Разграничивая ответственность участников юридического лица на внутреннюю как ответственность участников перед самим юридическим лицом и внешнюю как ответственность участников перед кредиторами юридического лица, он отмечает, что оба приведенных вида ответственности в определенной степени искажают принцип ограниченной ответственности и, более того, затрагивают действие принципа отделения личности юридического лица от личностей связанных (аффилированных) с ним лиц, что позволяет квалифицировать эти два вида ответственности в качестве проникновения за корпоративный покров в широком смысле слова. В то же время, по мысли указанного ученого, собственно проникающей ответственностью являются только случаи так называемой «внешней» ответственности, так как им присущ специальный квалифицирующий признак, заключающийся в праве кредитора юридического лица предъявлять требования непосредственно к контролируемому участнику или иному лицу³⁶⁷. Как указывает Е.А. Суханов, сущность ответственности участников юридического лица перед кредиторами юридического лица заключается в «возможности использования кредиторами компании ответственности, распространяющейся на личное имущество участников, путем «проникновения» кредиторов к такому имуществу с целью сделать его

³⁶⁶ Там же. С. 331. (автор главы – Гутников О.В.).

³⁶⁷ Быканов Д.Д. Квалификация проникающей ответственности с точки зрения российского права // Закон. 2014. № 8. С. 133.

объектом ответственности»³⁶⁸. Таким образом, анализ приведенных точек зрения подчеркивает, что ответственность аффилированных лиц перед кредиторами юридического лица позволяет оценить возможность применения такой модели гражданско-правовой ответственности, при которой предполагается проникновение кредиторов «сквозь» юридическое лицо к его аффилированным лицам с целью привлечения их к ответственности, и, как следствие, игнорирование юридического лица как субъекта гражданского права.

Несмотря на общую для всех аффилированных лиц сущность ответственности перед кредиторами юридического лица, данная модель имеет множество доктринальных названий и интерпретаций, в связи с чем тот или иной подход к пониманию правовой природы данной ответственности называется доктриной. Е.А. Суханов пишет, что во всех случаях отказа от применения «принципа отделения» имущества компании от имущества ее участников в развитых правовых системах можно встретить символические наименования такой «проникающей ответственности»: в европейском праве обычно называется «проникновением за корпоративную вуаль», а в американском праве – «прокалывание корпоративной маски»³⁶⁹. С этим соглашаются А.В. Егоров и К.А. Усачева, отмечая, что «в Германии концепция «пронизывающей ответственности» выступает в качестве эквивалента англо-американской доктрины снятия корпоративного покрова»³⁷⁰. Таким образом, различные наименования данной доктрины отражают одно и то же явление, что дает основания полагать об их синонимичности. Представляется, что отсутствие единого названия рассматриваемой модели ответственности вызвано не только различными правовыми традициями, трудностями перевода, но и отсутствием четких критериев для ее применения.

³⁶⁸ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. С. 183.

³⁶⁹ Суханов Е.А. Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве. С. 104.

³⁷⁰ Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства — неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 12. С. 19.

Рассматривая практику применения доктрины «проникающей ответственности» в английском праве, Н. Борн (N. Bourne), исходя из понимания компании как отдельного юридического лица, подразделяет ситуации необходимости применения данной доктрины на те, которые специально закреплены законом (например, мошенническая торговля, неправомерные торговые операции директора компании и др.) и те, при которых суд самостоятельно полагает необходимым применить данную доктрину (например, для предотвращения мошенничества, в групповой ситуации)³⁷¹. В работе данного ученого подчеркивается, что использование «проникающей ответственности» возможно в исключительных случаях, в том числе как заранее предусмотренных, так и в случаях, не предусмотренных заранее, где применение такой доктрины осуществляется по усмотрению правоприменителя исходя из фактических обстоятельств.

Разнообразие и неоднозначность интерпретаций исследуемой модели ответственности, а также критериев ее применения отмечается отечественными учеными. Рассматривая вопрос о применении данной модели при привлечении лиц к субсидиарной ответственности, А.В. Егоров и К.А. Усачева приводят широкий перечень подходов к пониманию «проникающей ответственности». Например, в англо-американской практике выделяются следующие подходы к пониманию доктрины «снятия корпоративных покровов»: 1) теория экономического единства, 2) агентские отношения, 3) идентичность (подтверждение отсутствия компании), 4) фасадное общество и обман, 5) недозволенные действия, 6) интересы справедливости, 7) недостаточная капитализация³⁷². Множество подходов и их несистематизированное применение не способствуют формированию единой правоприменительной практики. Следовательно, при разрешении конкретных споров применение данной модели предполагает использование различных критериев для «снятия корпоративных покровов», что создает для правоприменителей - основу для

³⁷¹ Bourne N. Principles of Company Law. London, Sydney: Cavendish Publishing Limited 1998. P. 21-22.

³⁷² См.: Егоров А.В., Усачева К.А. Указ. соч. С. 11-19.

произвола, а для участников спора – непредсказуемость правоприменительных решений.

Обобщая опыт «проникновения за корпоративный иммунитет», под которым также понимается синоним «проникающей ответственности», в США и Великобритании, Е.А. Аристова анализирует два основных подхода – теорию «инструмента» и теорию «второго Я»³⁷³. Данные подходы в целом основываются на основном положении, что юридическое лицо есть продукт юридической техники, правовая фикция, а не реально обособленный субъект. Представляется, что зарождение и популярность анализируемой доктрины в англо-американском праве объясняется восприятием юридического лица как фикции, проникновение «сквозь» которую не влечет серьезных, по крайней мере, теоретических споров. Фиктивное юридическое лицо приносится в жертву интересам кредиторов.

На данное обстоятельство обращается внимание и в отечественной судебной практике. Как отмечалось в одном судебном акте, данная доктрина понимается как средство защиты прав кредиторов, поскольку при наличии определенных условий ответственность за противоправные действия юридического лица возлагается на лиц, которые ее полностью контролируют, если данное юридическое лицо является только лишь их «орудием» (vehicle), формальным прикрытием их недобросовестной деятельности. Использование конструкции юридического лица в качестве «орудия» направлено, в первую очередь, на привлечение лица, обладающего контролем, к ответственности по обязательствам подконтрольного юридического лица, то есть речь идет об отказе применения принципа отделения имущества юридического лица и имущества его участников, об игнорировании юридической самостоятельности юридического лица и праве кредиторов юридического лица возложить ответственность на личное имущество его участников или иных лиц, контролирующих юридическое лицо. Тем самым данная доктрина пренебрегает

³⁷³ Аристова Е.А. Доктрина проникновения за корпоративный иммунитет в судебной практике США и Великобритании // Российское правосудие. 2013. № 1. С. 50-51.

самостоятельностью юридического лица как субъекта права и защищает интересы кредиторов юридического лица³⁷⁴.

Несмотря на определенную популярность данной доктрины в теории и на практике, с критикой «проникающей ответственности» (в частности, синонимичного понятия «прокалывание корпоративной вуали») выступал американский ученый С.М. Бейнбридж (S.M. Bainbridge). Он выявил отсутствие определенности оснований применения доктрины, указал на размытые формулировки, чрезмерную широту судебного усмотрения, различную практику по сходным делам в разных штатах³⁷⁵. Ученый пишет про необходимость отмены прокалывания корпоративной вуали из-за проблем ее применения и метафоричности³⁷⁶. Кроме того, К.А. Виттинг (C.A. Witting) к недостаткам данной доктрины относит то, что прокалывание вуали влечет за собой «игнорирование» существования созданной на законных основаниях компании³⁷⁷. Таким образом, возможность применения данной доктрины в отечественной практике сталкивается не столько с проблемой выработки определенных критериев ее применения, а с принципиальным игнорированием юридической личности юридического лица.

Несмотря на отсутствие определенности оснований применения «проникающей ответственности», игнорирование самостоятельности юридической личности юридического лица, по российскому праву кредиторы юридического лица в ряде случаев все-таки могут привлекать аффилированных лиц к солидарной и субсидиарной ответственности.

Особенности солидарной ответственности могут быть охарактеризованы на примере ответственности основного хозяйственного товарищества или общества по долгам дочернего общества. Общие положения о гражданско-правовой ответственности по долгам дочернего общества закреплены в п. 2 ст.

³⁷⁴ См.: Решение Арбитражного суда Красноярского края от 16.12.2014 по делу № А33-3867/2014 // Электронный ресурс. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/083c9bc7-ad41-4e6f-86df-3e47fab68b63>. (дата обращения: 07.04.2015).

³⁷⁵ See: Bainbridge S.M. Abolishing Veil Piercing // *The Journal of Corporation Law*. 2001. V. 26. №. 3. P. 506-507.

³⁷⁶ Ibidem.

³⁷⁷ Witting C.A. *Liability of corporate groups and networks*. Cambridge: NY: Cambridge University Press, 2018. P. 342.

67.3 ГК РФ, где говорится, что по общему правилу дочернее общество не отвечает по долгам основного юридического лица. Последнее (основное юридическое лицо) отвечает с дочерним обществом солидарно лишь по сделкам, которые были заключены дочерним во исполнение указаний или с согласия основного юридического лица (хозяйственного товарищества или общества) (см. п. 3 ст. 401 ГК РФ). Введенная ст. 67.3 в действующей редакции, по сути, повторила утратившую силу ст. 105 ГК РФ, однако основное общество или товарищество по новой редакции отвечает по сделкам, заключенным дочерним обществом не только во исполнение его указаний, но и по сделкам, совершенным с его согласия (абз. второй п.2 ст. 67.3 ГК РФ).

Вместе с тем изменения не коснулись специальных законов. В п. 3 ст. 6 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью и в п. 3 ст. 6 ФЗ об акционерных обществах закреплено, что дочернее общество не отвечает по долгам основного хозяйственного общества (товарищества), основное хозяйственное общество (товарищество), которое имеет право давать дочернему обществу обязательные для него указания, отвечает солидарно с дочерним обществом по сделкам, заключенным последним во исполнение таких указаний.

Привлечение к солидарной ответственности по сделкам дочернего юридического лица осложнено выявлением всех условий гражданско-правовой ответственности. В п. 31 совместного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 1996 года № 6/8³⁷⁸, содержащем толкование действующей ранее ст. 105 ГК РФ, указывается, что поскольку основное общество (или товарищество) солидарно с дочерним обществом отвечает по сделкам, заключенным последним во исполнение обязательных для него указаний основного общества (или товарищества), то оба юридических лица привлекаются по таким делам в качестве соответчиков.

³⁷⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 24.03.2016) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 1996. 13 августа.

Российская судебная практика по утратившему силу п. 2 ст. 105 ГК РФ формировалась таким образом, что основное общество отвечало по обязательствам дочернего тогда, когда в совокупности имелось три условия: во-первых, два хозяйствующих субъекта должны состоять в отношениях дочерности; во-вторых, основное общество должно иметь право давать обязательные для исполнения указания дочернему обществу; в-третьих, сделка должна быть заключена во исполнение указаний, выданных основным обществом³⁷⁹. При этом современная судебная практика руководствуется теми же критериями с незначительными поправками. Например, суд пришел к выводу, что «для возникновения у основного общества солидарной ответственности с дочерним обществом необходимо наличие в совокупности трех условий: два хозяйствующих субъекта должны находиться в отношениях основного и дочернего; основное общество должно иметь право давать обязательные для исполнения указания дочернему обществу; сделка должна быть заключена во исполнение таких указаний или данного согласия»³⁸⁰. Таким образом, реформа гражданского законодательства, принципиально никак не повлияла на указанные критерии, поскольку суды, применяя ст. 67.3 ГК РФ, руководствуются теми же самыми критериями с учетом внесенных редакционных изменений.

С одной стороны, привлечение к солидарной ответственности перед кредиторами юридического лица только юридических лиц и только в определенной организационно-правовой форме (хозяйственные общества и товарищества) не обосновано, поскольку аффилированными могут быть и иные лица, отличные от основных товариществ и обществ.

С другой стороны, применение модели проникающей ответственности под разными ее названиями («снятие корпоративных покровов», «прокалывание корпоративной маски» и т.д.) в принципе представляется

³⁷⁹ См.: Постановление ФАС Уральского округа от 19.04.2013 № Ф09-4093/11 по делу № А76-20279/2010 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18.03.2013 по делу № А56-25250/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁸⁰ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.10.2016 № Ф01-3521/2016 по делу № А17-3495/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

необоснованным. О.В. Гутников указывает на то, что доктрина «снятия корпоративных покровов» не должна применяться в случаях, когда юридическое лицо существует как субъект права и действует. При этом даже если определенные лица, связанные с юридическим лицом (учредители, иные лица, определяющие действия юридического лица), способствовали возникновению у кредиторов данного юридического лица убытков, то эти убытки необходимо возмещать за счет имущества данного юридического лица, а не указанных лиц. По мысли О.В. Гутникова возможность применения доктрины «снятия корпоративных покровов» возникает только тогда, когда юридическое лицо прекращает свое существование или фактически не действует и доказан факт злоупотребления учредителей (и иных лиц), в силу которого кредиторам юридического лица причинены убытки³⁸¹. Приведенный ученый считает необоснованным возможность применения в российском корпоративном праве «снятия корпоративных покровов» путем привлечения к солидарной ответственности основного общества по долгам дочернего по ст. 67.3 ГК РФ³⁸². Сторонником такого подхода можно считать Г.В. Цепова, который полагает, что «норму абз. 2 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ необходимо как можно скорее исключить. Логичнее производить тонкую настройку привлечения контролирующего лица к ответственности в рамках процедуры банкротства, основываясь на принципах нормы абз. 3 п. 2 той же статьи»³⁸³. Указывая возможность применения проникающей ответственности только в рамках процедур несостоятельности, ученые тем самым обозначают возможные пределы ее применения. Можно согласиться с мнением указанных ученых в том, что существование юридического лица не предполагает привлечение к ответственности его аффилированных лиц непосредственно перед кредиторами. Последовательное развитие принципа отделения позволяет сделать вывод о том, что юридическое лицо является не фикцией, а реальным

³⁸¹ Юридические лица в российском гражданском праве: Монография: В 3 томах. Т.1. С. 337. (автор главы – Гутников О.В.).

³⁸² Там же. См. также: Гутников О.В. Ответственность перед кредиторами в корпоративных отношениях: тенденции и перспективы развития правовых норм // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 27.

³⁸³ Цепов Г.В. Выйти из тумана метафор, или Ответственность контролирующего лица перед кредиторами компании. С. 95.

субъектом гражданского права, который должен отвечать перед кредиторами самостоятельно. В этой связи возможность применения данной доктрины и при прекращении юридического лица также представляется дискуссионной.

Что касается субсидиарной ответственности, то в абз. третьем п. 2 ст. 67.3 ГК РФ предусматривается: «в случае несостоятельности (банкротства) дочернего общества по вине основного хозяйственного товарищества или общества последнее несет субсидиарную ответственность по его долгам».

Кроме того, согласно ФЗ о несостоятельности субсидиарная ответственность предусматривается за невозможность полного погашения требований кредиторов, согласно которой «если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, такое лицо несет субсидиарную ответственность по обязательствам должника» (п. 1 ст. 61.11); за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника, в соответствии с которой «неисполнение обязанности по подаче заявления должника в арбитражный суд (созыву заседания для принятия решения об обращении в арбитражный суд с заявлением должника или принятию такого решения) в случаях и в срок, которые установлены статьей 9 настоящего Федерального закона, влечет за собой субсидиарную ответственность лиц, на которых настоящим Федеральным законом возложена обязанность по созыву заседания для принятия решения о подаче заявления должника в арбитражный суд, и (или) принятию такого решения, и (или) подаче данного заявления в арбитражный суд» (п. 1 ст. 61.12); а также за нарушение законодательства Российской Федерации о несостоятельности (см. ст. 61.13). Таким образом, законодательство о несостоятельности создает возможность применение проникающей ответственности путем привлечения аффилированных лиц, которые по степени влияния являются контролирующими, к субсидиарной ответственности перед кредиторами юридического лица, находящегося в состоянии несостоятельности.

В п. 1 ст. 61.10 ФЗ о несостоятельности «под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий». При этом возможность определять действия должника может достигаться, в том числе, в силу нахождения с должником (руководителем или членами органов управления должника) в отношениях родства или свойства, должностного положения; в силу наличия полномочий совершать сделки от имени должника, основанных на доверенности, нормативном правовом акте либо ином специальном полномочии; в силу должностного положения (в частности, замещения должности главного бухгалтера, финансового директора должника либо иной должности, предоставляющей возможность определять действия должника); иным образом, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом (п. 2 ст. 61.10 ФЗ о несостоятельности). Указание в законе на возможность признания лица контролирующим по такому основанию, как возможность иным образом определять действия должника, свидетельствует о том, что контролирующими лицами могут выступать различные лица, которые осуществляли (осуществляют) полномочия органов управления юридического лица, а также иные лица, осуществляющие фактический контроль за деятельностью юридического лица.

Примечательно, что в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» указывается, что «по общему правилу, необходимым условием отнесения лица к числу контролирующих должника является наличие у него фактической

возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия (пункт 3 статьи 53.1 ГК РФ, пункт 1 статьи 61.10 Закона о банкротстве). Осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и т.п.). Суд устанавливает степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника»³⁸⁴. Тем самым осуществление фактического контроля над юридическим лицом через контроль над лицами, непосредственно осуществляющими полномочия органов управления, позволяет квалифицировать его как аффилированное лицо второй (или более высшей) степени, о чем говорилось в параграфе 1.1. настоящей диссертации. При этом подход, воспринятый Верховным Судом Российской Федерации по поводу возможности признания лица контролирующим на основании фактических обстоятельств и привлечения его к ответственности, органично сочетается с обоснованным в параграфе 1.2. диссертации подходом к признанию лиц аффилированными по фактическим основаниям и применению к ним правовых последствий.

Интересно заметить, что субсидиарная ответственность аффилированных лиц имеет свои особенности в отличие от модели субсидиарной ответственности, закрепленной в ст. 399 ГК РФ, согласно которой лицо несет ответственность дополнительно к ответственности другого лица, являющегося основным должником. Из вышеприведенных положений законодательства можно сделать вывод, что субсидиарная ответственность аффилированных лиц характеризуется тем, что аффилированное лицо отвечает за свои действия,

³⁸⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. 2017. 29 декабря.

связанные с возникновением несостоятельности юридического лица, следовательно, ответственность аффилированных лиц возникает за их собственные деяния, а не в силу того, что ответственность с основного должника переходит на дополнительного должника.

Ответственность за свои собственные деяния согласуется с тем, что «нет, и не может быть в гражданском праве ответственности одного субъекта права за действия (бездействие) другого. Действительно, ответственность одного за деяние другого теряет свой смысл как для одного, так и для другого»³⁸⁵. В связи с этим А.В. Егоров и К.А. Усачева указывают на недостатки субсидиарной ответственности контролирующих лиц, поскольку эта конструкция не похожа на классическую модель субсидиарной ответственности, которой свойственно наличие наряду с основным должником еще одного должника, отвечающего дополнительно по сравнению с основным³⁸⁶. Отмечая, что цели института ответственности контролирующих лиц связаны со стремлением наказать лиц, виновное поведение которых привело к банкротству юридического лица, указанные ученые пишут, что эта ответственность является скорее деликтной, возникающей из самостоятельного основания, а не возникшей из того же основания, что и ответственность основного должника с возможностью предъявления в дополнительном (субсидиарном) порядке требования к контролируемому лицу. По их мнению, контролирующее должника лицо отвечает именно в силу того, что в результате совершенного им деликта юридическое лицо стало неплатежеспособным и не способно удовлетворить требования своих кредиторов. В этом как раз и заключается основание ответственности контролирующего должника, а не в неисполнении основного (договорного) обязательства основным должником. Тем самым контролирующее должника лицо несет ответственность в первую очередь за свои собственные действия (деликты), чем за действия контролируемого должника³⁸⁷. Из приведенных аргументов авторов очевидным является то, что

³⁸⁵ Коновалов С.А. Основание гражданско-правовой ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. М, 2006. С 73.

³⁸⁶ См.: Егоров А.В., Усачева К.А. Указ. соч. С. 45.

³⁸⁷ Там же. С. 46-47.

аффилированные лица совершают деликт, в первую очередь, в отношении должника, т.е. юридического лица, а не его кредиторов.

Причинение деликта юридическому лицу обусловлено тем, что аффилированность характеризует отношения аффилированных лиц только с юридическим лицом, а не с кредиторами юридического лица, поэтому своими действиями они причиняют вред, в первую очередь, юридическому лицу (должнику). Необходимость возместить причиненный вред именно должнику находит отражение в законодательстве. Так, денежные средства, взысканные с контролирурующих должника лиц, привлеченных к субсидиарной ответственности, а также взысканные убытки включаются в конкурсную массу, а не отдельному кредитору (см., например, п. 4 ст. 61.18 ФЗ о несостоятельности; п. 64 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»). При этом согласно п. 1 ст. 131 ФЗ о несостоятельности конкурсная масса представляет собой «все имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства». Следовательно, контролирующие лица отвечают в первую очередь перед юридическим лицом, хотя потом отдельные кредиторы юридического лица получают соответствующее удовлетворение из конкурсной массы, то есть от самого юридического лица (должника). Таким образом, право охраняет в первую очередь интересы юридического лица, однако происходит это непоследовательно, поскольку названию ответственности как субсидиарной не соответствует характер удовлетворения требования кредитора.

Учитывая изложенное, представляется дискуссионным мнение О.В. Гутникова о том, что нормы ФЗ о несостоятельности «являются оправданными и выражают оптимальный баланс интересов между участниками юридического лица, юридическим лицом и его кредиторами. Именно при банкротстве юридического лица, возникшего по вине участников или иных контролирующих лиц, справедливо привлекать к субсидиарной

ответственности лиц, ответственных за банкротство»³⁸⁸. Так, согласно ст. 149 ФЗ о несостоятельности конкурсное производство считается завершенным с даты внесения записи о ликвидации должника в единый государственный реестр юридических лиц, основанием которой является определение арбитражного суда о завершении конкурсного производства. Следовательно, юридическое лицо прекращает свое существование только после проведения процедур, предусмотренных законодательством о несостоятельности, а во время этих процедур юридическое лицо существует и действует. В то же время О.В. Гутников, как было показано выше, пишет о необоснованности привлечения аффилированных лиц к ответственности перед кредиторами существующих и действующих юридических лиц.

Деликтная ответственность аффилированных лиц характеризуется совершением деликта против юридического лица в связи с тем, что аффилированные лица осуществляют свои права по реализации правоспособности юридического лица в противоречии с его интересами. Нарушение интересов юридического лица, когда оно становится неспособным по вине своих аффилированных лиц удовлетворить требования своих кредиторов, влечет цепную реакцию в виде нарушения интересов кредиторов. Выходом из данного логического противоречия, когда кредиторам юридического лица вред причинен деликтом аффилированных лиц в отношении самого юридического лица и при этом, исходя из самостоятельности юридического лица как субъекта гражданского права, необоснованно привлечение таких аффилированных лиц к ответственности непосредственно перед кредиторами, может быть модель, по которой кредиторы могли бы защищать свои интересы через защиту интересов самого юридического лица. Соглашаясь с тем, что правовая модель может быть определена как «вариант оптимального правового регулирования будущих явлений и процессов, определяющий цели и средства формирования нового

³⁸⁸ Юридические лица в российском гражданском праве: Монография: В 3 томах. Т.1. С. 334. (автор главы – Гутников О.В.).

правового состояния и позволяющий произвести расчеты связанных с этим реальных результатов»³⁸⁹, можно полагать, что реализация такой модели позволит не только восстанавливать нарушенные права кредиторов, но и восстанавливать права, охранять интересы самого юридического лица.

В то же время вопрос о наличии у юридического лица собственного интереса является дискуссионным.

Д.И. Степанов обосновывает тезис о том, что юридическое лицо, будучи правовой абстракцией, смысловой фикцией, которая лишена физического существования, не может иметь никаких своих собственных интересов³⁹⁰. Такой подход априори направлен на игнорирование юридической личности юридического лица. Кроме того, допускается логическая ошибка, поскольку юридическое лицо признается субъектом гражданского права, а когда речь заходит, в частности, о его интересах, воле (см. п. 2 ст. 1 ГК РФ), а также об ответственности данного субъекта права данное суждение, по сути, отрицается и юридическое лицо называется различными метафорическими понятиями (маска, фасад и т.д.).

Напротив, С.С. Галкин отличает интересы юридического лица от интересов иных лиц, которые так или иначе связаны с юридическим лицом. Он обосновано пишет, что основным законным интересом юридического лица (как субъекта конкурсных отношений) необходимо считать его стремление, направленное на восстановление своей платежеспособности и урегулирование существующей задолженности, чтобы тем самым прекратить конкурсную процедуру и обусловленные ею ограничения. В то же время, если восстановление платежеспособности невозможно, то интерес заключается в правомерном и добросовестном прекращении убыточной деятельности и своего юридического существования, то есть в круг интересов юридического лица в этом случае входят такие вопросы, которые связаны с соразмерным и пропорциональным расчетом с кредиторами, а также со своими собственными

³⁸⁹ Правовые модели и реальность: монография / О.А. Акопян, Н.В. Власова, С.А. Грачева и др.; Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014. С. 11. (автор главы - Тихомиров Ю.А.).

³⁹⁰ Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников. С. 38.

участниками, нивелированием или минимизацией иных негативных последствий своей несостоятельности³⁹¹. Таким образом, у юридического лица выявляется и признается собственный интерес, который может быть нарушен деяниями аффилированных лиц. Интерес в данном случае понимается в его юридическом, а не психологическом смысле, что вполне соответствует особенностям такого субъекта права.

Вместе с тем в ФЗ о несостоятельности дается только понятие вреда имущественным правам кредиторов, в то время как о вреде, причиненном должнику вообще не говорится, что представляется необоснованным. Признание нарушений интересов юридического лица позволит реализовать модель, согласно которой кредиторы юридического лица смогут подавать иски в защиту интересов юридического лица, получая последующее удовлетворение своих требований от своего должника.

Объективная необходимость таких изменений нашла выражение в законодательстве о несостоятельности. Так, согласно п.п. 1 и 2 ст. 61.14 ФЗ о несостоятельности заявления о привлечении к ответственности контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов от имени должника могут подавать арбитражный управляющий по своей инициативе либо по решению собрания кредиторов или комитета кредиторов, конкурсные кредиторы, представитель работников должника, работники или бывшие работники должника, перед которыми у должника имеется задолженность, или уполномоченные органы. При этом заявления о привлечении к субсидиарной ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника могут подавать конкурсные кредиторы, представитель работников должника, работники либо бывшие работники должника или уполномоченные органы, обязательства перед которыми предусмотрены пунктом 2 статьи 61.12 цитируемого закона, либо арбитражный управляющий по своей инициативе от имени должника в интересах указанных

³⁹¹ См.: Галкин С.С. Правовое положение должника – юридического лица в российском законодательстве о банкротстве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 161.

лиц. Оценивая схожие положения закона в прежней редакции, А.В. Егоров и К.А. Усачева отмечают, что в таком случае конкурсный кредитор будет действовать не в своем собственном интересе, а в интересе конкурсной массы, в пользу которой будет производиться взыскание. Тем самым, по мнению ученых, в законе определена новая разновидность косвенных исков, которые характеризуются тем, что требование заявляется одним лицом, а присуждение осуществляется в пользу другого лица³⁹². Представляется, что в действительности речь идет не о действиях в интересах конкурсной массы, поскольку имущество не может иметь интересов в отличие от субъектов права, а в интересах юридического лица-должника. Таким образом, кредиторы юридического лица действуют в чужом интересе без его поручения.

В дореволюционной доктрине действия в чужом интересе рассматривались как фактическое представительство (*negotiorum gestio*). А.О. Гордон указывал в качестве одного из существенного признака *negotiorum gestio* то, что действие в чужом интересе должно иметь своим предметом *negotia aliena*, то есть пользу для другого. Вместе с тем сущности данного института не противоречит и то, что фактический представитель (гестор) тоже заинтересован в этих действиях. А.О. Гордон приводит пример, когда кредитор охраняет имущество своего должника. В этом случае заинтересован не только хозяин имущества, но и тот, кто его охраняет (гестор), т.к. из этого имущества последнему, как кредитору, может быть придется удовлетворить свою претензию³⁹³. Следовательно, действия кредиторов в интересах юридического лица-должника не противоречат сущности описанного института.

В настоящее время уместно к данным отношениям применять гл. 50 ГК РФ. Исходя из того, что согласно п. 1 ст. 980 ГК РФ действия без поручения, иного указания или заранее обещанного согласия заинтересованного лица в целях предотвращения вреда его личности или имуществу, исполнения его

³⁹² Егоров А.В., Усачева К.А. Указ. соч. С. 56.

³⁹³ Гордон А.О. Представительство в гражданском праве. СПб: Типография Шредера, 1879. С. 156.

обязательства или в его иных непротивоправных интересах (действия в чужом интересе) должны совершаться исходя из очевидной выгоды или пользы и действительных или вероятных намерений заинтересованного лица и с необходимой по обстоятельствам дела заботливостью и осмотрительностью, действия кредиторов юридического лица по привлечению к ответственности аффилированных лиц основывается на действии в интересах юридического лица. В этом смысле кредиторы выступают гесторами, которые также заинтересованы в получении удовлетворения от должника.

Представляется, что кредиторы могут действовать помимо воли юридического лица, поскольку очевидно, что сформированная аффилированными лицами воля юридического лица будет противоречить интересам юридического лица. Кроме того, обращают на себя внимание ст.ст. 984 и 985 ГК РФ, посвященные возмещению убытков лицу, действовавшему в чужом интересе, и вознаграждению за действия в чужом интересе. Таким образом, кредиторы смогут получить от юридического лица возмещение убытков и вознаграждение, которые будут переданы юридическому лицу аффилированными лицами, что дополнительно будет стимулировать аффилированных лиц не совершать деликты в отношении юридического лица. Учитывая изложенное, при несостоятельности имеет смысл говорить не о привлечении аффилированных лиц к субсидиарной ответственности, а о возмещении должнику убытков. При этом описанная модель может быть использована по общему правилу без привязки к строго определенным процедурам несостоятельности, но также и до введения первой процедуры несостоятельности.

Специального исследования заслуживает вопрос о возможности привлечения к ответственности аффилированных лиц в ситуации, когда юридическое лицо уже прекратило свое существование.

Такая постановка вопроса обусловлена, в частности, дополнением ст. 3 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью пунктом 3.1, согласно которому «исключение общества из единого государственного реестра

юридических лиц в порядке, установленном федеральным законом о государственной регистрации юридических лиц для недействующих юридических лиц, влечет последствия, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации для отказа основного должника от исполнения обязательства. В данном случае, если неисполнение обязательств общества (в том числе вследствие причинения вреда) обусловлено тем, что лица, указанные в пунктах 1 - 3 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, действовали недобросовестно или неразумно, по заявлению кредитора на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам этого общества»³⁹⁴.

Кроме того, в ст. 61.19 ФЗ о несостоятельности предусматривается возможность привлечения к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве. Так, «если после завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве лицу, которое имеет право на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности в соответствии с пунктом 3 статьи 61.14 настоящего Федерального закона и требования которого не были удовлетворены в полном объеме, станет известно о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, предусмотренной статьей 61.11 настоящего Федерального закона, оно вправе обратиться в арбитражный суд с иском вне рамок дела о банкротстве». При этом согласно п. 6 данной статьи «правило об обязательном привлечении основного должника к участию в рассмотрении заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, установленное пунктом 3 статьи 399 Гражданского кодекса Российской Федерации, не применяется при рассмотрении исков, предусмотренных настоящей статьей, если должник исключен из Единого государственного реестра юридических лиц».

В этой связи возникает вопрос о правомерности привлечения к ответственности бывших аффилированных лиц даже в тех случаях, когда

³⁹⁴ Федеральный закон от 28.12.2016 № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 1 (Часть I). ст. 29.

юридическое лицо уже было исключено из ЕГРЮЛ, то есть перестало существовать.

Юридическому лицу вменяется отказ от исполнения обязательств, хотя такой отказ вызван недобросовестными или неразумными действиями аффилированных лиц, нарушающие интересы юридического лица, связанные с добросовестным исполнением обязательств. В итоге вред причиняется интересам кредиторов такого юридического лица. Причиненный вред интересам кредиторов не может быть возмещен самим юридическим лицом, поскольку оно прекращает существование. Создается объективная невозможность защитить интересы юридического лица даже кредиторам. Нарушенные интересы кредиторов и невозможность иной их защиты позволяют сделать вывод о правомерности привлечения к ответственности аффилированных лиц.

Несмотря на прекращение существования юридического лица, уместно сказать, что аффилированные лица также должны привлекаться не к субсидиарной ответственности, а к деликтной ответственности за свои действия, которые они совершили в отношении юридического лица в период его существования. Применение проникающей ответственности (доктрины «снятия корпоративных покровов») в данном случае представляется также необоснованным в силу несуществования самого юридического лица.

Итак, принцип отделения личности юридического лица от личности учредителя (участника) или собственника имущества ограничивает по общему правилу ответственность последнего и создает основу для ответственности юридического лица, подчеркивая его самостоятельность как субъекта гражданского права. Вместе с тем аффилированность влечет образование сложной системы отношений, связанных с привлечением аффилированных лиц к ответственности перед самим юридическим лицом и перед кредиторами такого юридического лица.

К ответственности перед юридическим лицом, деликтной по своей сущности, по российскому праву привлекаются лица, осуществляющие

полномочия органов юридического лица, лица, фактически оказывающие влияние. Участники (учредители) юридического лица не могут привлекаться к ответственности перед юридическим лицом, за исключением возможности привлечения к такой ответственности основного юридического лица. Данное исключение не представляется в полной мере обоснованным, поскольку от такой ответственности освобождаются иные аффилированные лица юридического лица (например, физические лица). В целом, существование ответственности перед юридическим лицом подчеркивает статус юридического лица как самостоятельного субъекта права, а не простой связки контрактов (*nexus of contracts*), на что обращалось внимание в параграфе 2.1. настоящей диссертации.

Предусмотренная в отечественном законодательстве ответственность аффилированных лиц перед кредиторами юридического лица затрагивает вопрос об оценке возможности применения доктрины «снятия корпоративных покровов», предполагающей проникновение кредиторов «сквозь» юридическое лицо к его аффилированным лицам с целью привлечения их к ответственности, и, как следствие, игнорирование юридического лица как субъекта гражданского права.

Применение данной доктрины в случаях привлечения к солидарной ответственности основного хозяйственного общества по долгам дочернего представляется необоснованным, поскольку существование юридического лица не предполагает привлечение к ответственности его аффилированных лиц непосредственно перед кредиторами. Юридическое лицо как самостоятельный субъект права, отделенный от личности своего аффилированного лица, должно нести ответственность самостоятельно. В этой связи не находит научных оснований возможность применения данной доктрины и при несостоятельности юридического лица, поскольку во время процедур несостоятельности существование юридического лица не прекращается.

Доктрина «снятия корпоративных покровов» не учитывает, что ответственность аффилированных лиц возникает в связи с совершением

деликта в отношении юридического лица, от которого впоследствии нарушаются интересы кредиторов. Тем самым нарушение интересов кредиторов является следствием нарушения интересов самого юридического лица. В этой связи субсидиарная ответственность аффилированных лиц может быть заменена их ответственностью перед самим юридическим лицом в форме возмещения убытков.

В целях защиты имущественных прав кредиторов предложена модель, согласно которой к действиям кредиторов уместно применение принципов и норм о действиях в интересах юридического лица без поручения (*negotiorum gestio*). Совершая действия по привлечению к ответственности аффилированных лиц перед самим юридическим лицом, кредиторы выступают как гесторы. Возмещение убытков, причиненных аффилированными лицами юридическому лицу, увеличивает конкурсную массу, из которой кредиторы получают удовлетворение с причитающимся вознаграждением и возмещением понесенных убытков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем диссертационном исследовании были рассмотрены общие положения об аффилированности, основания аффилированности юридических лиц и гражданско-правовые последствия аффилированности, возникающие в отношении юридических лиц и их аффилированных лиц.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что аффилированность является имманентным признаком любого юридического лица, участвующего в гражданском обороте, сущность которой заключается в правовой связанности, характеризующей правоотношение юридического лица и аффилированного лица или систему правоотношений юридического лица с участием аффилированных лиц, основанных на экономической, организационной и иных формах социальной зависимости, при которой аффилированное лицо включается в осуществление совместной деятельности с юридическим лицом и приобретает заинтересованность в достижении результатов такой деятельности, имея возможность влиять на принятие решений юридического лица относительно его участия в гражданском обороте путем, как минимум, блокирования принятия решений юридического лица.

С точки зрения участия юридического лица в гражданском обороте аффилированность представляет собой юридический факт-состояние. При этом гражданско-правовые последствия аффилированности в отношении юридического лица зависят от значения аффилированности в сложном юридическом (фактическом) составе: 1) если аффилированность является юридическим фактом в завершенном составе, то гражданско-правовым последствием является возникновение, изменение или прекращение правоотношений с участием юридического лица (динамика правоотношений); 2) если аффилированность является юридическим фактом в незавершенном составе, то возникают промежуточные правовые последствия.

Будучи разновидностью правовой связанности, аффилированность представляет собой связь юридического лица и аффилированного лица. Действующее законодательство закрепляет закрытый перечень аффилированных лиц, к которым относятся физические и юридические лица, способные оказывать влияние на предпринимательскую деятельность юридического лица в связи с осуществлением полномочий органов юридического лица; в связи с принадлежностью к той группе лиц, к которой принадлежит юридическое лицо; в связи с правом распоряжаться более чем 20 процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли юридического лица.

Вместе с тем в диссертации было обосновано, что понятие «аффилированное лицо» отражает такое лицо, которое имеет функциональную возможность влиять на деятельность юридического лица. Для квалификации лица в качестве аффилированного был предложен функциональный подход к оценке его деятельности и деятельности юридического лица, которое функционально от него зависит. С этой точки зрения влияние на деятельность юридических лиц могут оказывать любые субъекты гражданского права. Проведенное исследование показало, что публично-правовые образования также могут быть признаны аффилированными лицами, в частности, в отношении определенных юридических лиц, из которых формируется публичный сектор экономики.

В то же время отношения внутри группы лиц, предусмотренной антимонопольным законодательством, не всегда тождественны по признакам и правовым последствиям аффилированности, поскольку лицо, входящее в группу лиц, не всегда имеет возможность влияния на всех лиц, являющихся участниками соответствующей группы лиц. Квалификация лица, принадлежащего к той группе лиц, к которой принадлежит юридическое лицо, как аффилированного лица возможна лишь при наличии признаков его аффилированности.

Нахождение юридического лица в состоянии аффилированности (аффилированность юридического лица) предполагает особенности реализации правоспособности, под которой представляется обоснованным понимать свойство участника общественных отношений (организации), благодаря которому он признается субъектом права.

Значительную роль в реализации правоспособности юридического лица играют органы юридического лица, представляющие собой часть юридического лица, с помощью которого лица, осуществляющие полномочия органов юридического лица, управляют юридическим лицом. При этом реализация правоспособности юридического лица во многом зависит от деятельности аффилированных лиц, влияющих на юридическое лицо через его органы управления в пределах определенной компетенции.

Сравнение влияния аффилированных лиц через органы управления корпоративного и унитарного юридических лиц показывает разницу в структуре самих органов данных юридических лиц, что, однако, не меняет правовой природы аффилированности в отношении аффилированных лиц с корпоративной и унитарной организацией, поскольку создается возможность осуществления влияния на уровне органов как тех, так и других разновидностей юридических лиц. Таким образом, аффилированные лица могут быть как у корпоративных, так и у унитарных юридических лиц.

Основания аффилированности представляют собой юридические факты, с которыми право связывает возникновение аффилированности.

Учитывая невозможность закрепления в законодательстве всех жизненных обстоятельств, влекущих аффилированность, представляется обоснованным подход, согласно которому аффилированность необходимо выявлять по фактическим основаниям, учитывая, что в определенных целях основания могут быть раскрыты в специальном законодательстве.

В настоящей диссертации предложена классификация аффилированности в зависимости от определенности органа юридического лица, на функционирование которого аффилированное лицо может оказывать влияние,

позволяющая определить характер прав аффилированного лица с точки зрения перечня вопросов, на решение которых оно может оказывать влияние.

В соответствии с данным критерием аффилированность возникает из отношений юридического лица с аффилированными лицами, влияющими на деятельность конкретных органов управления юридического лица, а также аффилированность может возникать на основании договора, влекущего влияние на юридическое лицо в целом, но уровень конкретного органа, где такое влияние будет осуществляться, является неопределенным.

Основания аффилированности, возникающей в отношении определенных органов управления юридического лица, включают в себя юридические факты, влекущие возможность влияния на процесс принятия решений юридического лица.

На уровне высшего органа управления юридического лица аффилированность возникает при наличии участия в капитале юридического лица или при наличии иных полномочий, свидетельствующих о возможности блокирования принятия решений, для которого необходимо квалифицированное большинство голосов.

На уровне высшего органа управления аффилированность может возникнуть и при отсутствии у отдельных участников блокирующего участия, так как участники с низким процентом участия могут по корпоративному договору объединять свои права по управлению юридическим лицом и, действуя коллективно, влиять на деятельность юридического лица. Кроме того, даже кредиторы и третьи лица по отношению к юридическому лицу могут быть в силу корпоративного договора включены в систему управления данным юридическим лицом на уровне его высшего органа.

Влияние на деятельность юридического лица в силу золотой акции отражает включенность публично-правового образования на уровне деятельности высшего и коллегиального органов управления в процесс управления юридическим лицом, что позволяет отнести золотую акцию к числу оснований аффилированности.

На уровне коллегиального органа управления и исполнительных органов управления юридического лица аффилированность возникает в силу юридических фактов, влекущих возможность лиц осуществлять полномочия соответствующих органов. Например, на уровне деятельности единоличного исполнительного органа таким юридическим фактом является избрание на должность, договор о передаче полномочий единоличного исполнительного органа и т.п. Также аффилированность на уровне данных органов возможна при наличии юридического (фактического) состава: лицо будет аффилированным в связи с предложением кандидатуры в члены данных органов, при условии ее последующего избрания (назначения) на должность.

Аффилированность юридического лица по договорным основаниям возникает в силу особенностей структуры общественных отношений, оформляемых договором, в которых участвует юридическое лицо.

Основанием аффилированности является заключение договора, а не фактические обстоятельства заключения и тем более исполнения договора, поскольку возможность влияния на деятельность юридического лица возникает с момента заключения договора, а непосредственная реализация аффилированности, происходящая при исполнении договорных обязательств, является правовым последствием аффилированности. В настоящем исследовании было выявлено, что договорными основаниями аффилированности могут служить договоры, влекущие отношения дочерности (отношения основного и дочерного юридических лиц) и любые договоры, которые влекут образование группы лиц.

Квалифицирующим признаком договора, в соответствии с которым возникает аффилированность, является условие, в силу которого контрагенты совместно осуществляют деятельность на одном товарном рынке, от их совместной деятельности зависит их общий результат деятельности, т.е. контрагент заинтересован в эффективности деятельности юридического лица, при этом по условиям договора контрагент должен иметь возможность влиять на принятие решений юридического лица путем дачи обязательных для

исполнения указаний, что свидетельствует об экономической, организационной или иной социальной зависимости юридического лица. При этом отдельные условия, связанные с влиянием на деятельность юридического лица, могут содержаться в нескольких договорах, свидетельствующих о наличии системы отношений, которым свойственна аффилированность. Таким образом, сущность договорных оснований аффилированности заключается в специальном условии (условиях) договора (системы договоров).

В диссертации были исследованы гражданско-правовые последствия аффилированности, связанные с влиянием аффилированности на формирование воли юридического лица, на свободу договора юридического лица, находящегося в состоянии аффилированности, на гражданско-правовую ответственность юридических лиц и их аффилированных лиц.

Воля юридического лица формируется определенным субъектным субстратом (коллективом), участвующим в функционировании компетентных органов управления юридического лица. В связи с тем, что органы юридического лица являются его частью, то воля, сформированная в результате функционирования органа, представляет собой волю самого юридического лица. В этом смысле психологическая воля отдельных лиц трансформируется в волю юридического лица и приобретает юридическое значение. Таким образом, влияние аффилированности на формирование воли юридического лица проявляется путем влияния аффилированных лиц на процесс принятия решений на соответствующих уровнях компетентных органов управления юридического лица.

Классификация органов юридического лица на коллегиальные и единоличные позволяет рассмотреть особенности механизма формирования воли юридического лица, осуществляемого путем принятия решений.

Формирование воли на уровне коллегиальных органов управления осуществляется путем принятия решений собраний, которые представляют собой результат формирования воли юридического лица на уровне деятельности таких органов, посредством которого участники данного

гражданско-правового сообщества, в том числе и аффилированные лица, могут участвовать в принятии решения. Различие понятий «участие в принятии решения» и «влияние на принятие решения» позволяет обнаружить закономерность изменения роли аффилированных лиц на процесс принятия решения в зависимости от конкретного вопроса в рамках компетенции конкретного органа: увеличение требуемого большинства голосов для принятия решения позволяет достигать баланса интересов участников на уровне высшего органа управления корпорации.

Что касается функционирования единоличных органов управления, то влияние аффилированного лица на юридическое лицо характеризуется его решающей ролью в формировании воли юридического лица. При этом даже если у юридического лица явно не выражен высший орган, то логично полагать, что исключительной возможностью формировать волю такого юридического лица на уровне его высшего органа обладает учредитель.

В случае, если аффилированность возникает по договорному основанию, воля юридического лица формируется его аффилированным лицом, затрагивая функционирование конкретных органов управления юридического лица, находящегося под влиянием. Определение тех или иных вопросов, по которым сформировалась воля юридического лица, в итоге позволяет определить на уровне какого органа юридического лица проявилось данное гражданско-правовое последствие.

В диссертации было обосновано, что аффилированность влияет на свободу договора, устанавливая ограничения и предоставляя специальные возможности для субъектов гражданского права, находящихся в состоянии аффилированности.

Ограничение свободы договора между аффилированными лицами преследует цель предотвращения конфликта интересов и защиты интересов третьих лиц. Ограничения принципа свободы договора по своей правовой природе заключаются в ограничении свободы в вопросах целесообразности заключения договора, выбора контрагента, а также определения вида и условий

договора. По форме ограничения свободы договора установлены в виде запретов, позитивных обязываний, отдельных договорных конструкций.

Кроме специальных видов ограничений свободы договора, позитивное право устанавливает ряд специальных прав, расширяющих сферу действия свободы договора с участием юридических лиц. Влияние аффилированности на свободу договора также выражается в особенностях заключения отдельных видов договоров, свобода которых предусмотрена только лишь в отношении лиц, находящихся в состоянии аффилированности. Аффилированным юридическим лицам предоставляется полная свобода на соглашения, которые по общему правилу ограничивают конкуренцию. При заключении сделок между лицами в состоянии аффилированности (а именно между взаимозависимыми лицами в рамках одной КГН) существует свобода в установлении цен.

Что касается влияния аффилированности на гражданско-правовую ответственность юридических лиц и их аффилированных лиц, то принцип отделения личности юридического лица от личности учредителя (участника) или собственника имущества ограничивает по общему правилу ответственность последнего и создает основу для ответственности юридического лица, подчеркивая его самостоятельность как субъекта гражданского права. Вместе с тем аффилированность влечет образование сложной системы отношений, связанных с привлечением аффилированных лиц к ответственности перед самим юридическим лицом и перед кредиторами такого юридического лица.

К гражданско-правовой ответственности перед юридическим лицом, деликтной по своей сущности, по российскому праву привлекаются лица, осуществляющие полномочия органов юридического лица, лица, фактически оказывающие влияние. Участники (учредители) юридического лица не могут привлекаться к ответственности перед юридическим лицом, за исключением возможности привлечения к такой ответственности основного юридического лица. Данное исключение не представляется в полной мере обоснованным, поскольку от такой ответственности освобождаются иные аффилированные

лица юридического лица (например, физические лица). В целом, существование ответственности перед юридическим лицом подчеркивает статус юридического лица как самостоятельного субъекта права, а не простой связки контрактов (nexus of contracts).

Предусмотренная в отечественном законодательстве ответственность аффилированных лиц перед кредиторами юридического лица затрагивает вопрос об оценке возможности применения проникающей ответственности (которая имеет несколько синонимичных названий, например, доктрина «снятия корпоративных покровов»), предполагающей проникновение кредиторов «сквозь» юридическое лицо к его аффилированным лицам с целью привлечения их к ответственности, и, как следствие, игнорирование юридического лица как субъекта гражданского права.

Применение данной доктрины в случаях привлечения к солидарной ответственности основного хозяйственного общества по долгам дочернего представляется необоснованным, поскольку существование юридического лица не предполагает привлечение к ответственности его аффилированных лиц непосредственно перед кредиторами. Юридическое лицо как самостоятельный субъект права, отделенный от личности своего аффилированного лица, должен нести ответственность самостоятельно. В этой связи не находит научных оснований возможность применения данной доктрины и при несостоятельности юридического лица, поскольку во время процедур несостоятельности существование юридического лица не прекращается.

При применении проникающей ответственности не учитывается, что гражданско-правовая ответственность аффилированных лиц возникает в связи с совершением деликта в отношении юридического лица, от которого впоследствии нарушаются интересы кредиторов. Тем самым нарушение интересов кредиторов является следствием нарушения интересов самого юридического лица. В этой связи субсидиарная ответственность аффилированных лиц может быть заменена их ответственностью перед самим юридическим лицом в форме возмещения убытков.

В целях защиты имущественных прав кредиторов предложена модель, согласно которой к действиям кредиторов уместно применение принципов и норм о действиях в интересах юридического лица без поручения (*negotiorum gestio*). Совершая действия по привлечению к ответственности аффилированных лиц перед самим юридическим лицом, кредиторы выступают как гесторы. Возмещение убытков, причиненных аффилированными лицами юридическому лицу, увеличивает конкурсную массу, из которой кредиторы получают удовлетворение с причитающимся вознаграждением и возмещением понесенных убытков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // СЗ РФ. 1996. № 5. ст. 410.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // СЗ РФ. № 31. 1998. ст. 3824.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // СЗ РФ. 2000. № 32. ст. 3340.
6. Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 (ред. от 26.07.2006) «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. ст. 499.
7. Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // СЗ РФ. 2007. № 49. ст. 6078.
8. Федеральный закон от 03.07.2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // СЗ РФ. 2016. № 27 (часть II). ст. 4276.
9. Федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ (ред. от 27.11.2017) «Об автономных учреждениях» // СЗ РФ. 2006. № 45. ст. 4626.
10. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. ст. 785.

11. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. ст. 145.
12. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. 2010. № 16. ст. 1815.
13. Федеральный закон от 13.07.2015 № 215-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). ст. 4341.
14. Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // СЗ РФ. 2002. № 48. ст. 4746.
15. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. 1). ст. 4571.
16. Федеральный закон от 19.07.1998 № 114-ФЗ (ред. от 15.02.2016) «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» // СЗ РФ. 1998. № 30. ст. 3610.
17. Федеральный закон от 20.08.2004 № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» // СЗ РФ. 2004. № 34. ст. 3532.
18. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О приватизации государственного и муниципального имущества» // СЗ РФ. 2002. № 4. ст. 251.
19. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. ст. 1918.
20. Федеральный закон от 22.06.2007 № 115-ФЗ «О признании утратившим силу Федерального закона «О финансово-промышленных группах» // СЗ РФ. 2007. № 26. ст. 3088.
21. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об экологической экспертизе» // СЗ РФ. 1995. № 48. ст. 4556.

22. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 26. ст. 2519.
23. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч). ст. 3434.
24. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. ст. 4190.
25. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. ст. 1.
26. Федеральный закон от 28.12.2016 № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 1 (Часть I). ст. 29.
27. Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // СЗ РФ. 2008. № 18. ст. 1940.
28. Федеральный закон от 30.11.1995 № 190-ФЗ «О финансово-промышленных группах» // СЗ РФ. 1995. № 49. ст. 4697.
29. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. ст. 2291.
30. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О промышленной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (часть I). ст. 41.
31. Федеральный закон от 31.12.2017 № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 1 (Часть I). ст. 89.
32. Постановление Правительства РФ от 03.12.2004 № 738 (ред. от 19.07.2017) «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использовании специального права на участие

Российской Федерации в управлении акционерными обществами («Золотой акции»)» // СЗ РФ. 2004. № 50. ст. 5073.

33. Постановление Правительства РФ от 03.12.2004 № 739 (ред. от 05.05.2017) «О полномочиях федеральных органов исполнительной власти по осуществлению прав собственника имущества федерального государственного унитарного предприятия» // СЗ РФ. 2004. № 50. ст. 5074.

34. Приказ ФАС России от 26.06.2012 № 409 (ред. от 05.09.2013) «Об утверждении Порядка предоставления бирже списка аффилированных лиц хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение на соответствующем товарном рынке, аккредитованным и (или) участвующим в торгах (в том числе путем подачи заявок на участие в торгах брокеру, брокерам)» // Российская газета. 2012. 15 августа.

35. Положение о порядке ведения учета и представления информации об аффилированных лицах кредитных организаций (утв. Банком России 20.07.2007 № 307-П) (ред. от 09.02.2016) // Вестник Банка России. 2007. № 52.

36. Положение о порядке предоставления Банком России кредитным организациям кредитов, обеспеченных активами или поручительствами (утв. Банком России 12.11.2007 № 312-П) (ред. от 09.09.2015) // Вестник Банка России. 2007. № 69.

37. Положение о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг (утв. Банком России 30.12.2014 № 454-П) (ред. от 27.09.2017) // Вестник Банка России. 2015. № 18 - 19.

ПРОЕКТЫ ЗАКОНОВ

38. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

39. Проект Федерального закона № 99089445-2 «Об аффилированных лицах» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 11.02.2000) // СПС «КонсультантПлюс».

МАТЕРИАЛЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И ИНЫЕ АКТЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

40. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/90841.html (дата обращения: 30.07.2017).

41. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 24.03.2016) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 1996. 13 августа.

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. 2017. 29 декабря.

43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 30 июня.

44. Постановление Президиума ВАС РФ от 04.12.2012 № 8989/12 по делу № А28-5775/2011-223/1 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 8.

45. Постановление Президиума ВАС РФ от 06.12.2011 № 11523/11 по делу № А40-79121/10-144-441 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 4.

46. Постановление Президиума ВАС РФ от 26.07.2011 № 2763/11 по делу № А56-24071/2010 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.

47. Определение ВАС РФ от 21.05.2010 № ВАС-6657/10 по делу № А82-7895/2009-29 // СПС «КонсультантПлюс».

48. Определение Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 по делу № А53-885/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
49. Определение Верховного Суда РФ от 16.02.2017 по делу № 302-ЭС16-15043, А78-16444/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
50. Определение Верховного Суда РФ от 30.03.2017 № 306-ЭС16-17647(1) по делу № А12-45752/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
51. Определение Верховного Суда РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45751/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
52. Определение Верховного Суда РФ от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556(1) по делу № А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
53. Определение Верховного Суда РФ от 11.07.2017 № 305-ЭС17-2110 по делу № А40-201077/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
54. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 03.07.2017 № С01-427/2017 по делу № СИП-664/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
55. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 01.03.2017 № Ф01-6497/2016 по делу № А38-5284/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
56. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.10.2016 № Ф01-3521/2016 по делу № А17-3495/2015// СПС «КонсультантПлюс».
57. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13.02.2015 по делу № А39-3327/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
58. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15.01.2015 № Ф02-5807/2014 по делу № А19-13537/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
59. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 05.07.2016 № Ф03-2239/2016 по делу № А37-1586/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

60. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.07.2016 № Ф04-2983/2016 по делу № А70-10426/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

61. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.10.2015 № Ф05-6465/2014 по делу № А40-75714/13-134-707// СПС «КонсультантПлюс».

62. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.07.2017 № Ф05-8755/2017 по делу № А40-153914/2016// СПС «КонсультантПлюс».

63. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.10.2016 № Ф06-14282/2016 по делу № А57-18954/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

64. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.10.2016 № Ф08-6057/2016 по делу № А63-13503/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

65. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 07.03.2012 по делу № А27-4602/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

66. Постановление ФАС Московского округа от 03.03.2009 № КА-А40/12967-08-П по делу № А40-25769/07-152-183 // СПС «КонсультантПлюс».

67. Постановление ФАС Московского округа от 05.05.2008 № КА-А40-1538/08 по делу № А40-25679/07-152-183 // СПС «КонсультантПлюс».

68. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 05.11.2013 по делу № А56-79112/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

69. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18.03.2013 по делу № А56-25250/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

70. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 30.03.2012 по делу № А56-36258/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

71. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 31.12.2008 по делу № А26-2221/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

72. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 25.04.2014 по делу № А25-1237/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

73. Постановление ФАС Уральского округа от 01.10.2009 № Ф09-7512/09-С1 по делу № А60-1840/2009-С9 // СПС «КонсультантПлюс».

74. Постановление ФАС Уральского округа от 02.08.2011 № Ф09-4532/11 по делу № А60-40549/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

75. Постановление ФАС Уральского округа от 09.07.2008 № Ф09-4806/08-С4 по делу № А47-7988/2006-33ГК // СПС «КонсультантПлюс».

76. Постановление ФАС Уральского округа от 19.04.2013 № Ф09-4093/11 по делу № А76-20279/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

77. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.02.2017 № 18АП-518/2017 по делу № А76-28127/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

78. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.11.2015 № 18АП-11066/2015 по делу № А76-7646/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

79. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.02.2016 № 19АП-898/2015 по делу № А64-6563/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

80. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.06.2016 № 09АП-20144/2016-ГК по делу № А40-163511/14 // СПС «КонсультантПлюс».

81. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2009 № 09АП-27651/2009-ГК по делу № А40-100086/09-142-717 // СПС «КонсультантПлюс».

82. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.12.2016 № 11АП-14506/2016 по делу № А55-6716/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

83. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.01.2017 по делу № А65-16422/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

84. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 06.06.2016 по делу № А43-19763/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

85. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.03.2016 № 15АП-1627/2016 по делу № А53-22097/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

86. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 10.09.2010 № 05АП-4420/2010 по делу № А59-1276/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

87. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2016 № 05АП-1931/2016 по делу № А51-28049/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

88. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.04.2017 № 17АП-7418/2016-ГК по делу № А60-48968/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

89. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2010 № 17АП-3117/2010 по делу № А60-47397/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

90. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 31.03.2015 по делу № А74-7120/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

91. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.11.2013 по делу № А56-40043/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

92. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 17.05.2016 по делу № 33-6998/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

93. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 16.12.2014 по делу № А33-3867/2014 // Электронный ресурс. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/083c9bc7-ad41-4e6f-86df-3e47fab68b63>. (дата обращения: 07.04.2015).

94. Письмо Минэкономразвития РФ от 16.11.2009 № Д06-3271 // СПС «КонсультантПлюс».

95. Письмо ФАС РФ от 27.03.2007 № АК/4056 «Об отнесении Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований к аффилированным лицам» // СПС «КонсультантПлюс».

96. Письмо Московского ГТУ Банка России ОПЕРУ от 20 апреля 2009 г. № 33-13-14/32331 «О выплате вознаграждений руководителям кредитных организаций» // СПС «КонсультантПлюс».

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

97. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940.

98. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 1. Свердловск. 1963.

99. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М.: Статут, 2010.

100. Алексеенко А.П. Гражданско-правовая ответственность акционеров в свете реформы Гражданского кодекса РФ // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2015. № 1.

101. Алтухова С.М. Правовой статус единоличного исполнительного органа юридического лица // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2011. № 2.

102. Андреев В.К. Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права России: Курс лекций. М.: РАП. 2012.

103. Андреев В.К. Избранное. М.: РГУП, 2017.

104. Андреев В.К. Предпринимательское (хозяйственное) право в современных условиях // Избранное. М.: РГУП, 2017.

105. Андреев В.К. Решения собраний // Цивилист. 2013. № 3.

106. Андреев В.К. Современное понимание юридического лица // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. № 2.

107. Андреев В.К. Существо корпоративного договора // Модернизация гражданско-правового регулирования договорных отношений: сборник научных статей / Отв. ред. Л.А. Аксенчук. М.: РАП, 2014.

108. Андреев В.К. Юридические лица как субъекты экономической деятельности // Журнал российского права. 2016. № 5.

109. Андреев В.К., Кирпичев А.Е. Юридические лица. Введение в корпоративное право. М.: РАП, 2014.

110. Андреева Л.В. Развитие принципа свободы договора в Гражданском кодексе Российской Федерации // Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: Монография /отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016.

111. Анисимов А.В. Сравнительно-правовой анализ форм зависимости хозяйствующих субъектов в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

112. Антюшин С.С., Горностаева Л.Г. Философия: Учебник для студентов юридического вуза. М.: РГУП, 2016.

113. Антюшин С.С., Михалкин Н.В. Логика: учебное пособие. М.: РАП, 2013.

114. Аристова Е.А. Доктрина проникновения за корпоративный иммунитет в судебной практике США и Великобритании // Российское правосудие. 2013. № 1.

115. Аристотель. Категории. Пер. А.В. Кубицкого. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939.

116. Архиерейский А.Б. Передача имущества в пользу материнской компании: гражданско-правовые аспекты налоговой льготы // Вестник ВАС РФ. 2007. № 11.

117. Архипов Б.Н. Гражданско-правовой механизм слияний и присоединений акционерных обществ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

118. Бабаев А.Б. Проблема секундарных прав в российской цивилистике: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
119. Белов В. А. Гражданское право. В 4 т. Т. II. Общая часть. В 2 кн. Книга 1. М.: Издательство Юрайт, 2016.
120. Белов В.А. Юридические факты в гражданском праве: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2017.
121. Богданов Е.В. Правовое положение органа юридического лица // Журнал российского права. 2001. № 3.
122. Болдырев В.А. Конструкция юридического лица несобственника: опыт цивилистического исследования. М.: Статут, 2012.
123. Болдырев В.А. Модели управления юридическими лицами, учрежденными государством: опыт России, Китая и Норвегии // Право и экономика. 2012. № 11
124. Болдырев В.А. Статус руководителя организации: корпоративные и трудовые споры // Адвокат. 2015. № 5.
125. Болдырев В.А. Частноправовые последствия дисквалификации руководителя организации // Современное право. 2015. № 8.
126. Большой толковый словарь русского языка / автор и руководитель проекта, главный редактор С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
127. Бородкин В.Г. Корпоративный договор как механизм разрешения тупиковых ситуаций в хозяйственном обществе // Закон. 2015. № 10.
128. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950.
129. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. Ученые труды: Понятие, виды, государственные юридические лица. Вып. 12. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947.
130. Быканов Д.Д. Квалификация проникающей ответственности с точки зрения российского права // Закон. 2014. № 8.
131. Варламова А.Н. Правовое обеспечение развития конкуренции: Учебное пособие. М.: Статут, 2010.

132. Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига: Издательство «ЗИНАТНЕ», 1976.
133. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948.
134. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.
135. Витрук Н.В. Избранное. Т. 1. Статьи. Доклады. Рецензии. 1963-1990. М.: РАП, 2012.
136. Витрук Н.В. Право, демократия и личность в конституционном измерении: (история, доктрина и практика). М.: Норма. 2012.
137. Вырелкин В.П. Общественные отношения как категория марксистской социологии: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1969.
138. Габов А.В. Проблемы определения отношений аффилированности // Государство и бизнес в системе правовых координат: Монография. Отв ред. А.В. Габов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014.
139. Габов А.В. Регулирование аффилированности в гражданском законодательстве: проблемы и перспективы // Сборник научно-практических статей Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом». М.: Юрист. 2014.
140. Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005.
141. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.
142. Галкин С.С. Правовое положение должника – юридического лица в российском законодательстве о банкротстве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
143. Гордон А.О. Представительство в гражданском праве. СПб: Типография Шредера, 1879.

144. Городулин К.В. Правовой статус аффилированных лиц по российскому законодательству: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
145. Гражданское право: учебник в 3 т. Т.1. / отв. ред. В.П.Мозолин. М.: Проспект, 2015.
146. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. М.: Статут, 2017.
147. Гражданское право: учебник. В 3 т. Т. 1. / под ред. Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2011.
148. Григораш И.В. Зависимые юридические лица в гражданском праве: опыт сравнительно-правового исследования. М.: ВолтерсКлувер. 2007.
149. Губин Е.П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: Автореф. дис ... докт. юрид. наук. М., 2005.
150. Гутников О.В. Государственные организации как субъекты корпоративных отношений: о допустимости участия в корпоративных отношениях унитарных юридических лиц // Журнал российского права. 2016. № 7.
151. Гутников О.В. Ответственность перед кредиторами в корпоративных отношениях: тенденции и перспективы развития правовых норм // Журнал российского права. 2014. № 7.
152. Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. № 6.
153. Дмитриев-Ильин Ю. Правовая природа актов коллегиальных органов корпорации // Актуальные проблемы предпринимательского права: Выпуск 4. / под ред. А.Е. Молотникова. М.: Стартап, 2015.
154. Долинская В.В. Аффилированность и цели правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 3.
155. Долинская В.В. Общее собрание акционеров: монография. М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016.

156. Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства — неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 12.

157. Еременко В. Д., Ершова Н. А., Остапенко В. С. Основы управления: Учебное пособие. М.: РГУП, 2017.

158. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российское правосудие. 2013. № 4.

159. Ершов В.В. Частный договор – источник российского права? // Российское правосудие. 2013. № 7.

160. Ефимова Н.А. Договор о создании консолидированной группы налогоплательщиков как основание возникновения группы // Финансовое право. 2013. № 8.

161. Занковский С.С. Энергетическая безопасность России: правовые вопросы // Энергетическое право. 2006. № 2.

162. Захаров А.Н. Некоторые вопросы снятия корпоративной вуали: американский опыт и возможности его использования в российском праве // Вестник экономического правосудия. 2014. №. 10.

163. Звезда Т.М. Правовое положение дочерних и зависимых хозяйственных обществ: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.

164. Илюшина М.Н. Развитие учения о гражданско-правовом договоре в новеллах Гражданского кодекса Российской Федерации // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2016. № 2.

165. Интервью. Сергей Швецов: сложнее, но эффективнее раскрытие по «принципам» // Вестник центра раскрытия корпоративной информации. 2016. № 41.

166. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2009.

167. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975.
168. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования: монография / под ред. С.С. Алексеева. Репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.
169. Калинина А.В. Аффилированные лица как особый субъект правоотношений: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2010.
170. Карапетов А.Г. Экономические основания принципа свободы договора // Вестник гражданского права. 2012. № 3.
171. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016.
172. Кирпичев А.Е. Безвозмездность договора в гражданском праве // Российское правосудие. 2015. № 10.
173. Кирпичев А.Е. Категория взаимосвязанных договоров в российском и европейском праве // Гражданское право. 2014. № 2.
174. Кирпичев А.Е. Предпринимательские обязательства в публичном секторе экономики: Монография. М.: РГУП, 2017.
175. Кирпичев А.Е. Система санкций за нарушение договора: меры ответственности, меры оперативного воздействия, расторжение договора и неюридические санкции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7.
176. Кирпичев А.Е. Участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в корпоративных и иных отношениях по поводу управления юридическими лицами // Российское правосудие. 2013. № 9.
177. Клячин А.А. Юридические факты в механизме гражданско-правового регулирования деятельности акционерных обществ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016.
178. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005.
179. Кондратьев В.А. Заключение договора // Российское правосудие. 2016. № 1.

180. Коновалов С.А. Основание гражданско-правовой ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. М, 2006.
181. Концепция развития законодательства о юридических лицах // Вестник гражданского права. 2009. № 2.
182. Концепция развития корпоративного законодательства на период до 2008 года // URL: <http://ilts.ru/files/file38.pdf> (дата обращения: 13.03.2017).
183. Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: монография / К.М. Беликова, А.В. Габов, Д.А. Гаврилов и др.; отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2015.
184. Корнев В.Н. Философские и правовые основания понимания и применения международного и внутригосударственного права // Российское правосудие. 2011. № 4.
185. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Издательство Юрайт, 2016.
186. Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 2. М.: Статут, 2018.
187. Корпоративное право: учебный курс / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: КНОРУС, 2015.
188. Корпоративное право: учебный курс / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: КНОРУС, 2011.
189. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т.2. М.: Статут, 2005. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Односторонние и многосторонние сделки // Вестник ВАС РФ. 2012. № 7.
190. Крылов В.Г. Доктрина снятия корпоративной вуали в Германии // Гражданское право. 2014. № 1.
191. Кулагин М.И. Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд. М., 2004.
192. Кулагин М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада. М.: Дело. 1992.

193. Кулаков В.В. Гражданский кодекс Российской Федерации: Глава первая. Научно-практический комментарий с постатейными материалами. М.: РАП. 2014.

194. Кулаков В.В. О системе договоров в гражданском праве // Модернизация гражданско-правового регулирования договорных отношений: Сборник научных статей / Отв. ред. Л.А. Аксенчук. М.: РАП, 2014.

195. Кутин Е.О. Основания возникновения холдинговых отношений // Юрист. 2012. № 14.

196. Лаптев В.В. Субъекты предпринимательского права. М.: Юристъ, 2003.

197. Ласкина Н.В., Тимофеева Н.Ю., Бирюкова Т.А., Головань А.А., Слесарев С.А. Комментарий к Федеральному закону от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

198. Лескова Ю.Г. К вопросу об особенностях системы органов саморегулируемой организации // Вестник Евразийской академии административных наук. 2012. № 3.

199. Лескова Ю.Г. Реформирование института юридического лица: вопросы применения правил ГК РФ // Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, 12 февраля 2015 г. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015.

200. Лисицын В.В. К вопросу о «хозяйственной компетенции» // Адвокатская практика. 2005. № 6.

201. Лиханов А.С., Согбатьян А.Г. Ответственность теневого директора за причиненные корпорации убытки // Закон. 2017. № 3.

202. Ломакин Д.В. Гражданско-правовые аспекты деятельности совета директоров акционерного общества // Хозяйство и право. 2010. № 1.

203. Ломакин Д.В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. № 8.
204. Ломакин Д.В. Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. М.: Статут, 2005.
205. Луман Н. Введение в системную теорию. Пер. с нем. К. Тимофеева. М.: Логос, 2007.
206. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922 - 2006). М.: Статут, 2010.
207. Мальцев О.В. Административно-правовое регулирование налоговой оптимизации // Административное право и процесс. 2014. № 2.
208. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
209. Мартемьянов В.С. Хозяйственное право: Курс лекций. М., 1994. Т. I. Общие положения.
210. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. М.: ТК Велби, Проспект, 2004.
211. Матвеева Э.Ю. Правовой статус органа юридического лица // Юрист. 2013. № 7.
212. Матузов Н.И. Общие правоотношения и их специфика // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 3.
213. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
214. Михайлов А.В., Чельшев М.Ю. Взаимосвязанные сделки в гражданском праве России // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Кн. 4.
215. Могилевский С.Д. Органы управления хозяйственными обществами: Правовой аспект: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2001.
216. Морозов С. Сам себе кредитор — 2: ВС РФ против аффилированных кредиторов // URL:

https://zakon.ru/blog/2017/7/17/sam_sebe_kreditor_2_vs_rf_protiv_affilirovannyh_kreditorov (дата обращения: 21.01.2018).

217. Морозов С.Ю. Совершенствование российского гражданского законодательства о юридических лицах на современном этапе // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2013. № 3.

218. Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Весь Мир, 2007.

219. Новикова Ю.С. Правовое состояние как категория права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

220. Общая теория государства и права. В 3-х т. Т. 2. Право: Академ. курс / М.Н. Марченко, С.Н. Бабурин и др.; Отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013.

221. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. проф Л.И. Скворцова. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство Мир и Образование», 2009.

222. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: ООО «А ТЕМП», 2006.

223. Ойгензихт В.А. Воля и волеобразование. (Очерки теории философии и психологии права). Душанбе: Дониш, 1983.

224. Опрос. Что думают эмитенты про переход на «существенность»? // Вестник Центра раскрытия корпоративной информации. 2017. № 43.

225. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов (Одобрено Советом директоров Банка России 26.05.2016). М.: Центральный Банк Российской Федерации, 2016.

226. Писенко К.А., Цинделиани И.А., Бадмаев Б.Г., Казарян К.В. Антимонопольное право: Учебник. М.: РГУП, 2015.

227. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1917.

228. Полдников Д.Ю. Значение сравнительного изучения истории института договора в западной традиции права // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. III Московский юридический форум. X Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 4 ч. Ч. 1. М.: Проспект, 2016.

229. Политова И.П. Категория воли в гражданском праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. Предпринимательское право / отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2015.

230. Правовые модели и реальность: монография / О.А. Акопян, Н.В. Власова, С.А. Грачева и др.; Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014.

231. Пьянкова А.Ф. Концепция баланса интересов и ее место в гражданском праве России // Вестник Пермского университета. 2014. № 2.

232. Редькин И.В. Аффилированные лица по законодательству РФ: правовое регулирование, теория и практика // Юридический мир. 1998. № 11-12.

233. Римское частное право: Учебник / Под ред.: проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. М.: ИКД «Зерцало-М», 2012.

234. Родионова О.М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017.

235. Рожкова М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009.

236. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: Монография. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013.

237. Российское гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Суханов Е.А. М.: Статут, 2015. - 958 с.

238. Российское гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. 2. Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2015. - 1208 с.
239. Ручкина Г.Ф. К вопросу о дефиците правового регулирования отношений с участием аффилированных лиц // Банковское право. 2015. № 5.
240. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ; Отв. ред.: Уемов А.И. М.: Наука, 1974.
241. Селиванов В.И. Воля и ее воспитание. М.: Знание, 1976.
242. Сенина Ю.Л. Категория воли в гражданском праве России (в аспекте гражданско-правовой сделки): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006.
243. Сергеев А.Г. Гражданско-правовое положение аффилированных, взаимозависимых лиц и групп лиц: Дис. ... канд. юрид. наук. М. 2010.
244. Современное предпринимательское право: монография / отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2014.
245. Спиркин А.Г. Философия: Учебник. М.: Гардарики, 2006.
246. Стальгевич А.К. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений // Советское государство и право. 1957. № 2.
247. Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1.
248. Степанов Д.И. Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах // Закон. 2014. № 7.
249. Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2009. № 3.
250. Степанов Д.И. Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9.
251. Сумской Д.А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2007.
252. Суханов Е.А. О гражданской правосубъектности государственных юридических лиц // Журнал российского права. 2018. № 1.

253. Суханов Е.А. О правовом статусе концернов в современной зарубежной литературе // Вестник гражданского права. 2017. № 4.

254. Суханов Е.А. Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве // Проблемы современной цивилистики: сборник статей, посвященных памяти профессора С.М. Корнеева. / Отв. ред. Е.А. Суханов, М.В. Телюкина. М.: Статут, 2013.

255. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014.

256. Теория государства и права: Учебник / под редакцией В.Н. Корнева. М.: РАП, 2013.

257. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М.: Издание г-на Тихомирова М.Ю. 2001.

258. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1959.

259. Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955.

260. Тычинская Е.В. Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества / Под ред. Л.Ю. Михеевой. М.: Статут, 2012.

261. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978.

262. Филиппова С.Ю. Конфликт субъектов как свойство частноправовой деятельности: опыт инструментального исследования // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 2.

263. Филиппова С.Ю. Сделки, направленные на управление правом голоса участника корпорации: природа, применение, новеллы правового регулирования // Хозяйство и право. 2017. № 12.

264. Филиппова С.Ю. Создание связанности контрагентов как функция организационного договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5.

265. Философский энциклопедический словарь. Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. - М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1983. – 840 с.

266. Фосс А.Э. Сущность математики. Пер. с нем. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009.

267. Харитоновна Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.

268. Хозяйственное право: учебник / под ред. В.В. Лаптева. М.: Юридическая литература, 1983.

269. Цепов Г.В. Выйти из тумана метафор, или Ответственность контролирующего лица перед кредиторами компании // Закон. 2015. № 4.

270. Цепов Г.В. Понятие органа юридического лица по российскому законодательству // Правоведение. 1998. № 3.

271. Чеговадзе Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения. М.: Статут, 2004.

272. Черепяхин Б.Б. Органы и представители юридического лица // Труды по гражданскому праву. М., 2001.

273. Шапкина Г.С. АО расширяет сферу влияния // Бизнес-адвокат. 1997. № 5.

274. Шиткина И.С. Межотраслевая унификация понятий, обозначающих экономическую зависимость, вовсе не обязательна // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 4.

275. Шиткина И.С. Правовое регулирование организации и деятельности холдинга как формы предпринимательского объединения: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006.

276. Шиткина И.С. Правовое регулирование экономической зависимости // Хозяйство и право. 2010. № 8.

277. Шиткина И.С. Способы финансирования в холдингах (Часть I) // Корпоративный юрист. 2008. № 7.

278. Шиткина И.С. Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление: научно-практ. издание. М.: ВолтерсКлувер, 2006.

279. Эбралидзе Л.Д. Аффилированные лица как правовой институт и правовое средство разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014.

280. Эбралидзе Л.Д. Аффилированные лица как правовой институт и правовое средство разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014.

281. Эбралидзе Л.Д. Признание акционера аффилированным по отношению к акционерному обществу в праве России и США // Международное публичное и частное право. 2013. № 4.

282. Экономическая теория: Учебник / М.А. Сажина, Г.Г. Чибриков; МГУ им. М.В.Ломоносова. М.: ИД ФОРУМ: ИНФРА-М, 2012.

283. Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х томах. Т. 1. Общие положения о юридических лицах /А.В. Габов, О.В. Гутников, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

284. Электронный источник. URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=23874>. (дата обращения: 03.04.2016).

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

285. Aktiengesetz vom 6. September 1965 (BGBl. I S. 1089), das zuletzt durch Artikel 5 des Gesetzes vom 10. Mai 2016 (BGBl. I S. 1142) geändert worden ist // URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/aktg/gesamt.pdf> (дата обращения: 19.03.2017).

286. Alchian A.A., Demsetz: H. Production, Information Costs, and Economic Organization // The American Economic Review. 1972. V. 62. № 5.

287. Bainbridge S.M. Abolishing Veil Piercing // The Journal of Corporation Law. 2001. V. 26. №. 3.

288. Berle Jr A.A., Means G.C. The Modern Corporation and Private Property. N.Y.: The Macmillan Company, 1936.

289. Bourne N. Principles of Company Law. London, Sydney: Cavendish Publishing Limited 1998.

290. Companies Act 2006 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/251> (дата обращения: 11.01.2018).

291. Dine J., Koutsias M. Company Law. 8 th Edition. Palgrave, 2014.

292. Dupuy Y. Essai de definition du groupe. Grenoble, 1977.

293. 9. Eisenberg M.A. The Conception That the Corporation Is a Nexus of Contracts, and the Dual Nature of the Firm // The Journal of Corporation Law. 1999.

294. Fama E.F., Jensen M.C. Separation of Ownership and Control // Journal of Law and Economics, Vol. 26, №. 2, Corporations and Private Property: A Conference Sponsored by the Hoover Institution. 1983.

295. Gierke O. Deutsches Privatrecht. Bd. I. Leipzig: Duncker & Humblot, 1895.

296. Investment Company Act of 1940 [as amended through P.L. 112-90, approved January 3, 2012] // URL: <https://www.sec.gov/about/laws/iaa40.pdf>. (дата обращения: 08.03.2017).

297. Jensen M.C., Meckling W.H. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. 1976. V. 3. №. 4.

298. Kenneth J. Arrow. A Difficulty in the Concept of Social Welfare, 58 J. Pol. Econ. 328–9 (1950).

299. McLaughlin S. *Unlocking company law*. 2 th ed. Abingdon, Oxon [UK]: Routledge. 2013.
300. Orts E.W. *Business Persons: A Legal Theory of the Firm*. Oxford University Press, 2015.
301. *The anatomy of corporate law: A comparative and functional approach*. Third Edition. Oxford University Press. 2017.
302. Witting C.A. *Liability of corporate groups and networks*. Cambridge: NY: Cambridge University Press, 2018.